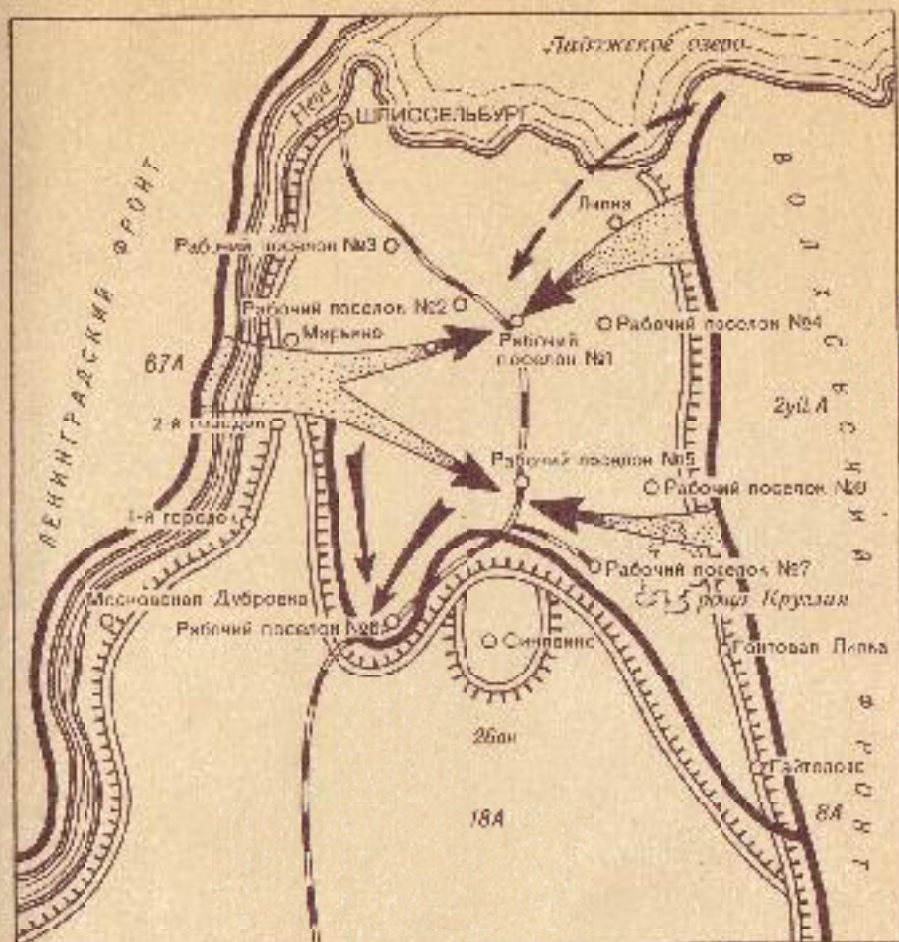

Г.Г. Самсоненко

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

**ИВАН ИВАНОВИЧ
ФЕДЮНИНСКИЙ**

**Боевые действия советских войск
под Ленинградом.
1942 год**

**Прорыв блокады Ленинграда.
1943 год**

*Посвящается 75-летию по-
беды в Великой Отечествен-
ной войне*

*и 120-летию со дня рождения
генерала армии*

И.И. Федюнинского

Г.Г. Самсоненко

**ГЕНЕРАЛ АРМИИ
ИВАН ИВАНОВИЧ ФЕДЮНИНСКИЙ**

Издательство

2020

Предисловие

Эта книга посвящена двум замечательным событиям – 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 120-летию со дня рождения участника этой войны генерала армии И.И. Федюнинского.

Просто так именами людей не называют улицы городов, просто так не присваивают звания почетных граждан. Это нужно заслужить. В Волхове такой чести удостоен генерал армии Иван Иванович Федюнинский. Помимо Волхова, его удостоили звания почетного гражданина еще восемь городов не только нашей страны, но и дальнего зарубежья.

Свой жизненный путь И.И. Федюнинский связал с армией. Почти шестьдесят лет он выполнял священный долг – защищал Родину. Война длилась 1418 дней и ночей, 1125 дней шла битва за Ленинград, из них 456 дней войска под командованием генерала Федюнинского обороняли, прорывали блокаду, освобождали город. Это были 42-я, 54-я, 2-я ударная армии. Уже 27 декабря 1941 года его фамилия прозвучала в сводках Совинформбюро: «...части 54-армии генерал-майора тов. Федюнинского (Ленинградский фронт) за период с 18 по 25 декабря разгромили волховскую группировку противника...». Он одним из первых нанес поражение фельдмаршалу фон Леебу под Ленинградом. Были,

конечно, и неудачи, но, сделав правильные выводы из поражений, он шел вперед. Под его непосредственным командованием ударная группировка правого крыла Волховского фронта соединилась с войсками Ленинградского фронта, и блокада была прорвана.

Это под его командованием войска 11-й армии отлично действовали в Орловской, Брянской, Гомельско-Реченской операциях.

Это под его командованием войска 2-й ударной армии нанесли удар с Ораниенбаумского плацдарма, разгромили немецкие части и в районе Ропши соединились с войсками 42-й армии. Блокада была снята.

Это под его командованием войска 2-й ударной армии победоносно прошли от Нарвы до берегов Балтики, освобождая Прибалтику и Польшу.

И.И. Федюнинский – один из тех, кто закончил войну в Германии весной 1945 года. Он из славного поколения наших отцов, стоявших насмерть от берегов Белого до берегов Черного морей, поколения победителей, которое спасло мир от страшной опасности. Сегодня И.И. Федюнинского знают многие, а ведь признание пришло не сразу. В 39 лет, через двадцать лет безупречной службы в рядах Красной армии, он стал Героем Советского Союза, не совершая великих подвигов, а только честно исполняя свой воинский долг.

Начало жизненного пути

Иван Иванович Федюнинский родился 30 июня 1900 года в деревне Гилёво Успенской волости Тюменского уезда Тобольской губернии (ныне Тугулымский район Свердловской области) в семье крестьянина. Мать была домохозяйкой, отец маляром. В 1909 году Ваня пошёл в Гилевскую начальную школу. Учился хорошо, тянулся к знаниям. Основными предметами в школе были история, арифметика, грамматика, астрономия. Школьные уроки для Вани были не единственным источником получения знаний, он много читал, проявлял интерес к наукам. Его любили и уважали и сверстники, и учителя. В 1913 году Иван окончил сельскую школу с похвальным листом, и отец, как водится в больших семьях, начал обучать сына своему делу – ремеслу маляра. Так мальчишка и стал подмастерьем у отца.

Артель отца много ездила по губернии, неоднократно бывала в Тюмени, здесь артельщики снимали одноэтажный дом на тихой улице при въезде в город. Здание это сохранилось и по сей день. Шла Первая мировая война, но её события мало влияли на жизнь Тобольской губернии. Революция 1917 го-

да не обошла губернию стороной, однако серьезных политических и вооруженных выступлений здесь не произошло. Власть захватили социалисты-революционеры, большевики в тот период не имели серьёзного влияния на происходившие в губернии события. Советская власть установилась только в феврале 1918 года, когда в Тобольск прибыли революционные отряды из Омска, Тюмени, Екатеринбургa и Ишима. Отряды заняли вокзал, почту, телеграф, банки. В городе было введено военное положение. В целях недопущения серьезных столкновений центр губернии перенесли из Тобольска в Тюмень, где 3 апреля 1918 года был создан губернский совет, первым председателем которого стал большевик Н.М. Немцов.

Становление советской власти шло тяжело, внутренние противоречия привели российское общество к расколу, переросшему в полномасштабную Гражданскую войну. Для защиты завоеваний революции нужна была крепкая армия. 15 января 1918 года был принят декрет Совнаркома о создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Декрет ввел всеобщую воинскую повинность и отменил выборы командного состава. Так были сформиро-

ваны регулярные части. За полгода наркомат сумел создать армию численностью до 1 млн. человек, в армию были призваны офицеры – участники Первой мировой войны, имевшие опыт военной службы.

24 декабря 1919 года Иван Иванович добровольцем вступил в ряды молодой Рабоче-крестьянской Красной Армии. Военная карьера Федюнинского началась с участия в войне Советской России против Польши в 1920 году. Именно тогда он понял, что есть такая профессия – Родину защищать – и посвятил ей всю свою жизнь.

В апреле 1920 года председатель правительства независимой Польши Ю. Пилсудский отдал своим войскам приказ о наступлении на Киев. Официально говорилось, что Польша намерена оказать помощь украинскому народу в борьбе против советской власти и восстановлении независимой Украины. В ночь на 7 мая Киев поляками был взят. Население Украины восприняло вмешательство Польши как оккупацию. Настроения украинцев поддерживали большевики, они сумели сплотить различные слои общества против оккупантов.

Против поляков были брошены крупные силы Западного и Юго-Западного фронтов. В состав груп-

пировки входили 1-я Конная армия, 25-я Чапаевская дивизия, 5-я дивизия, в составе которой и сражался И.И. Федюнинский.

Во второй половине мая войска Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского, одержав ряд побед, перешли в наступление и взяли курс на Варшаву. Удача сопутствовала и войскам Юго-Западного фронта под командованием А.И. Егорова. Наибольшего успеха здесь добились войска Первой конной армии под командованием Буденного. Маневрируя и отражая контрудары, наши части 20 июня 1920 года прорвали Польский фронт и устремились к Житомиру, разрушили железнодорожное полотно, лишив польские войска путей отступления. 7 июня Красная армия подошла к Житомиру, а спустя сутки к Бердичеву, замкнув кольцо окружения польских войск. Здесь наши войска захватили основную базу боеприпасов поляков. Наступление на Варшаву продолжалось.

Стремительное наступление Красной армии произвело на польское командование, по признанию Ю. Пилсудского, впечатление «чего-то неотразимого, надвигающегося как какая-то тяжелая чудовищная туча, для которой нет преграды... Всё яснее

и выразительнее вырисовывался, помимо внешнего фронта, фронт внутренний».

Успехи на Польском фронте укрепляли надежды советского руководства на скорую реализацию идеи мировой революции в Западной Европе. В своём приказе по Западному фронту Тухачевский писал: «...На наших штыках мы принесём трудящемуся человечеству счастье и мир. На Запад!».

Однако успех Красной армии не был закреплён. Войска Западного фронта оторвались от тыловых баз и, не имея достаточного снабжения продовольствием и боеприпасами, несли тяжёлые потери. Центральный Комитет партии был вынужден принять по данному вопросу специальное решение о помощи фронту за счет Юго-Западного. Однако Военный Совет Юго-Западного не выполнил решения ЦК о переброске из-под Львова 1-й конной армии на варшавское направление. Этой ситуацией воспользовались польские войска, ударив во фланг Западного фронта. И хотя особого успеха эта операция не имела, наши войска вынуждены были отступить.

После потери части территорий, 23 сентября 1920г. чрезвычайная сессия ВЦИК решила отказаться от первоначальных требований к Польше относи-

тельно заключения мира. Советская Россия признавала независимость Литвы, Украины и Белоруссии, снимала требования о сокращении польской армии и реквизиции ее вооружения. 12 октября 1920 г. в Риге на этих условиях (плюс передача Польше Западной Украины и Западной Белоруссии и выплата контрибуции Польше за вывезенное из нее имущество) были подписаны договоры о перемирии и предварительных условиях мира.

В одном из боев с поляками красноармеец Иван Федюнинский был ранен в ногу. За участие в Гражданской войне и укрепление Красной армии он был награжден двумя боевыми орденами.

После лечения, в начале 1921 года, И. Федюнинский получил отпуск домой. Повод был печальный – скончалась от чахотки мать, не выдержав лишений. Она не выдержала постоянного голода и безденежья – редкие заработки не могли прокормить семью. Вскоре умер и отец.

В Тюменском уездном военкомате, где И. Федюнинский ставил отметку в отпускном удостоверении, ему предложили работу по военному учету. 3 апреля 1921 года И.И. Федюнинский был зачислен в штат отдела на должность переписчика 2-й

категории с должностным окладом 1302 рубля. Но недолго ему пришлось поработать в военкомате. 29 июля 1921 года И.И. Федюнинского переводят в город Омск, в 33-й запасный полк. Учитывая проявленные им хорошие способности, знания, воинскую смекалку и заслуженные награды, командование направляет Ивана Ивановича в город Владивосток на курсы военно-пехотной школы, где он учился с 1921 по 1924 год. По окончании курсов ему было присвоено звание краскома, и он был направлен в 107-й Владимирский стрелковый полк 36-й Забайкальской дивизии воинской части «Даурия».

В 1924 году по окончании 24-й Владивостокской школы Федюнинский был назначен командиром взвода в 106-й Сахалинский стрелковый полк. В 1929 году полк принимает активное участие в военном конфликте на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Федюнинский воюет в должности командира роты 106-го стрелкового полка 36-й стрелковой дивизии.

КВЖД начиналась от станции Маньчжурия, проходила через хребет Большой Хинган, Северо-Восточную равнину, хребет Чанбайшань до станции

Суйфыньхэ и имела ответвление Харбин – Чунчунь – Далянь (Дальний), а также ответвления на Бэньси, Фушунь, Инкоу, Чэнцзытун и Люйшунь (Порт-Артур). Её протяженность составляла около 2,5 тысяч километров.

Китайско-Восточная железная дорога была построена Россией в 1897-1903 годах по контракту, заключенному в соответствии с русско-китайским договором 1896 года. На ее строительство Россия потратила 375 млн. рублей золотом. Работы по прокладке КВЖД способствовали экономическому оживлению северо-восточных районов Китая, притоку сюда населения, возникновению и росту городов. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. по КВЖД шло снабжение русской армии в Маньчжурии. После поражения России в русско-японской войне ответвление КВЖД от Чанчуна до Дальнего по Портсмутскому мирному договору 1905 года отошло к Японии и было названо Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). После Великой Октябрьской социалистической революции КВЖД оказалась в руках иностранных интервентов и белогвардейцев, использовалась ими для борьбы против Советской России. В 1918 году в зону КВЖД

вошли японские войска. Япония и Соединенные Штаты Америки, заключив соглашение об осуществлении надзора за дорогой, создали так называемый Межсоюзный комитет, к которому затем присоединились Англия и Франция. На Вашингтонской конференции 1921-1922 годов вопрос о КВЖД стал предметом острых разногласий между империалистическими державами.

В мае 1924 года в Пекине было подписано советско-китайское соглашение, по которому КВЖД рассматривалась как чисто коммерческое предприятие, управляемое совместно Советской Россией и Китаем. Однако уже с 1925 года китайские власти, подстрекаемые империалистическими кругами других стран, встали на путь нарушения этого соглашения, совершили ряд провокаций на КВЖД и границе с советским Дальним Востоком. На Западе утверждали, что истинной причиной всех провокаций является падение прибыли от эксплуатации КВЖД под управлением Советами. Если с 1920 по 1926 год среднегодовая прибыль составляла около 15 млн. золотых рублей, то в 1927 году – 10 млн. рублей, а в 1928 году – менее 5 млн. рублей, хотя западные

эксперты утверждали, что дорога способна приносить прибыль до 50 млн. руб. ежегодно.

Пиком всех провокаций стало 10 июля 1929 года, когда китайская полиция в Харбине заняла здание центрального телеграфа КВЖД. Начались аресты советских служащих. Одновременно китайскими властями было объявлено о закрытии представительств советских учреждений, а управляющему дорогой и его помощнику было предложено выехать за пределы Китая. Банды белогвардейцев начали усиленно вооружаться.

Советское правительство пыталось решить конфликт путем мирных переговоров, понимая, что на провокации Китай подталкивают империалистические страны. Однако у наших границ продолжали сосредотачиваться маньчжурские войска, приведенные в полную боевую готовность. Туда же стягивались и отряды недобитых белогвардейцев. Всего за несколько месяцев 1928 года на восточной границе нашей страны было зарегистрировано 116 обстрелов советской территории и 82 нападения на нее, во время которых было убито 29 красноармейцев и 27 мирных жителей, ранено 48 красноармейцев и 70 мирных жителей, разорено 18 населенных

пунктов. Неоднократные протесты Советского правительства ни к чему не приводили. Мало того, китайское командование начало подтягивать силы для крупных военных действий как в Приморье, так и в Забайкалье. По городу Маньчжурии маршировали молодчики из мукденского «Отряда уничтожения СССР», распространявшие воззвание вроде следующего: «Мы хотим уничтожить красное пламя в России, хотим топтать ногами русскую землю. Нам хорошо известно, что Красная Россия – наш исконный враг...». Воззвание украшала карта, на которой советский Дальний Восток был включен в состав Китая. Подготовку военных действий китайские милитаристы сопровождали бешеной агитацией среди китайских солдат и командиров. Провокации на границе все множились. У нас оставалось единственное средство проучить китайских милитаристов и заставить их восстановить ими же нарушенный мир.

15 июля 1929 года советское правительство предъявило Китаю ноту, в которой потребовало в трехдневный срок удовлетворить законные права Советского Союза. Однако китайский лидер Чан Кайши ответил так: «Мы хотим сначала взять в свои

руки КВЖД, а потом приступить к обсуждению остальных вопросов».

20 июля дипломатические отношения между Китаем и СССР были прерваны, советские консульские учреждения отозваны из Китая, а китайским консульствам было предложено покинуть нашу страну.

В сложившейся обстановке советское правительство не могло спокойно смотреть на происходящее у восточных границ, необходимо было срочно принимать меры по обеспечению безопасности.

6 августа 1929 года Реввоенсоветом СССР был издан приказ, в котором говорилось:

«1. Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование «Особая Дальневосточная армия».

2. Командующим Особой Дальневосточной армией назначить товарища Блюхера.

3. Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение своих обязанностей».

Назначение командующим В.К. Блюхера не было случайным. Именно здесь, на Дальнем Востоке, в годы гражданской войны гремела его боевая

слава. За боевые подвиги он был награжден тремя орденами Красного Знамени, среди которых был орден под номером один.

Западные политические круги прекрасно понимали, что вступление в должность командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера, выдающегося полководца, человека с твёрдой волей – это вызов китайским правителям. Английский журнал «Чайна-ревью» опубликовал статью под заголовком «Галин возвращается на Дальний Восток», в которой констатировал: «Одним из наиболее резких контрастов в нынешнем в русско-китайском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галина. Прибытие Галина создаёт положение, которое может оказаться небывалым в истории. В случае войны Россия будет иметь командующим её военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящим деятелем в армии этого государства и с более безукоризненным, из первоисточников, знанием о силах противника. Проведя более десяти лет на Дальнем Востоке, Галин хорошо знает Дальний Восток и Китай. Без сомнения, принятие командования вооруженными силами России на

Дальнем Востоке Блюхером создает новую обстановку в русско-китайском конфликте».

Всё лето китайские правители готовили свои вооруженные силы для военных действий в районе Маньчжурии. За это время они сформировали группировку численностью около 300 тысяч военнослужащих, кроме того, здесь же находились белогвардейские формирования численностью более 70 тысяч человек. Китайские войска располагались так, что создавали угрозу жизненно важным коммуникациям и районам Восточной Сибири и Дальнего Востока.

С китайской стороны почти постоянно совершались провокации, непрерывно гремели выстрелы. Наши огнем не отвечали, строго выполняли приказ «Не стрелять!».

Весь сентябрь на дальневосточной границе происходили уже более крупные столкновения пограничников с вооруженными силами китайцев. К этому времени стал известен план врага. Разведка доносила, что враг вот-вот начнет операцию по нанесению главного удара из районов Маньчжурии и Чжалайнор. План предусматривал внезапным ударом пройти до Байкала и перерезать Транссибир-

скую магистраль, разрушить искусственные сооружения и тем самым отрезать Дальний Восток от западной части страны. Уже в середине ноября белокитайцы крупными силами провели разведку на отдельных участках границы. Стало совершенно очевидным, что скоро последуют крупномасштабные боевые действия.

Советские войска были приведены в боевую готовность и выдвинуты к границе. Справедливости ради необходимо отметить, что наши части были укомплектованы по штатам мирного времени и уступали противнику по численности почти в три раза.

Незадолго до начала боевых действий И.И. Федюнинский был вызван в штаб к командиру 106-го полка М.И. Пузыреву. Ему была поставлена боевая задача:

– Вашей роте предстоит ответственное дело... Подразделение – лучшее в полку, потому уверен – справитесь.

Командир полка продолжал:

– Приказываю... скрытно выдвинуться к разъезду Абагайтуй и разрушить железнодорожные пути, затем обойти станцию Маньчжурия, перерезать же-

лезную дорогу и нарушить сообщение со станцией Хайлар... Главная задача – лишить противника возможности маневрировать силами и средствами... Всё ясно?

– Ясно...

На прощание командир полка подарил Федюнинскому компас. В то время это было большой редкостью.

Возвращаясь в расположение роты, Федюнинский думал над тем, что сказал командир полка, назвав роту лучшей. Давно ли так стало, ведь принимал он роту как самую тяжелую, со слабой дисциплиной и боевой подготовкой. Молодого командира это окрыляло.

Поняв задачу и оценив обстановку, Федюнинский выработал решение, после чего собрал командиров взводов, поставил боевую задачу. При постановке задачи командир роты предупредил сразу, что действовать будет нелегко, но нужно преодолеть все трудности и оправдать доверие командования.

Всю ночь подразделение готовилось к предстоящей операции, всем, конечно, было не до сна. После докладов командиров взводов о полной го-

товности к боевым действиям командир роты направил связного к командиру полка. Тот прислал короткий ответ: «Действуйте, верю в вас!». Это была первая боевая задача Федюнинского. В ходе проведения боевой операции поставленные задачи несколько раз уточнялись, ставились новые, рота с честью их выполняла. Итог подвел комкор С.С. Вострецов, поблагодарив за отличную службу.

Чтобы разгромить китайские войска в районах Маньчжурии и Чжалайнора нашим войскам потребовалось всего четыре дня, а далее уже шли дипломатические переговоры. 23 декабря 1929 года было подписано советско-китайское соглашение.

После подписания советско-китайского соглашения 25 декабря 1929 года наши части покинули территорию Китая. Военнослужащие возвращались домой, они заняли места в вагонах, паровоз дал гудок, поезд медленно набрал ход. Впереди их ждала Родина. Уже на территории нашей страны поезд остановился, было объявлено построение, место для которого выбрали неслучайно. Здесь были совершены первые провокации белокитайцев, здесь была проведена Маньчжуро-Чжалайнорская операция, на склонах виднелись братские могилы павших

воинов. Именно на этом героическом месте было решено вручить дивизии боевую награду Родины.

Вынесли Знамя дивизии. Вручали награду командующий ОДВА В.К. Блюхер и начальник политуправления армии Н.Е. Доненко. Обращаясь к построенной дивизии, В.К. Блюхер сказал:

– В эти торжественно-траурные минуты, отдавая последние воинские почести товарищам, погибшим за дело революции, каждый из нас помнит, что здесь лежат лучшие бойцы за дело рабочего класса, лучшие представители армии рабочих и крестьян Советского Союза, лучшие представители масс всего мира.

Смерть должна вызвать у нас не слёзы. Она должна влить в каждого из нас больше энергии и решительности закончить дело социалистического переустройства, закончить дело социалистической революции... На могиле лучших бойцов за наше дело мы должны оставить память нашего глубокого к ним уважения. Над этой могилой мы должны склонить Красное знамя с черной каймой в знак нашей скорби. К этому Знамени прикрепим высшую награду, которой рабочий класс и трудящееся крестьянство отмечает своих лучших сынов, – орден Красно-

го Знамени». И В.К. Блюхер прикрепил к полотнищу орден.

Через несколько дней дивизия прибыла в место дислокации – город Читу.

Подводя итоги проведенной Особой Дальневосточной армией операции, газета «Правда» в передовой статье 2 января 1930 года писала: «Особая Дальневосточная армия всеми своими действиями демонстрировала твердую неизменную политику мира, проводимую нами. Имея возможность уничтожить своего противника, ОДВА с величайшей сдержанностью отвечала на удары провокаций, не выходя из рамок необходимой самообороны. Когда же выяснилось, что эти налёты и нападения являются подготовкой к серьезным наступательным операциям против СССР, наша армия нанесла ответный молниеносный удар, который заставил противника в панике бросить свои опорные противосоветские базы».

8 января 1930 года на Китайско-Восточной железной дороге началось нормальное движение поездов.

За умелое руководство, находчивость и проявленную личную храбрость И.И. Федюнинский был награждён орденом Красного Знамени и личным именованным оружием.

В боях за КВЖД закалялись наши командные кадры, именно здесь впервые на всю страну прозвучало имя К.К. Рокоссовского, командира 5-й Кубанской кавалерийской бригады. Бригада Рокоссовского отрезала китайские войска от Хайлара, а затем разгромила противника в районе Чжалайнора.

В октябре 1930 года И.И. Федюнинский был направлен учиться на стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» имени Коминтерна. По окончании курсов в 1931 году его назначили командиром батальона, а в 1936 году – помощником командира 108-го Белореченского стрелкового полка Забайкальского военного округа, в этом же году за успехи в боевой и политической подготовке он был награжден орденом Красной Звезды. В 1938 году полк ввели на территорию Монгольской Народной Республики.

В этом же году на долю И.И. Федюнинского выпали новые испытания. Это было время «необъявленной войны» с Японией на Халхин-Голе, приковавшей к себе внимание всего мира. Здесь, на восточной границе Монгольской Народной Республики, японские правители начали агрессивные действия. Основной целью японских милитаристов было захватить Монголию, создав здесь плацдарм для захвата Дальнего Востока России, а затем продвигнуться дальше и завоевать Сибирь и другие районы СССР и осуществить давнюю мечту – «великая Япония до Урала».

Ещё 12 марта 1936 года между СССР и МНР был подписан Протокол о взаимопомощи, согласно которому стороны обязывались в случае нападения на одну из сторон оказывать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь.

Когда на границе МНР начались провокационные действия японских вооруженных сил, советское правительство официально заявило, что «границу Монгольской Народной Республики... мы будем защищать, как свою собственную...». Японские власти не вняли предупреждению и настойчиво продолжали следовать принципу «хакко ити у» («восемь углов под одной крышей»), что означало насильственное объединение всех стран Востока под властью «божественного императора расы Ямато».

В программном документе милитаристского правительства в откровенной форме говорилось: «Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай... – докладывал генерал Танаки императору Хирохито 15 июля 1927 года. – Захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом... В программу нашего национального роста входит, по-видимому, вновь

скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии...».

«Япония, – писал генерал Араки, – не желает допустить существование такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферами влияния Японии – Маньчжурией и Китаем. Монголия должна быть, во всяком случае, территорией, принадлежащей нам».

Японцы тщательно готовились к войне с МНР. Для разработки стратегических планов весной 1939 года высший офицерский состав совершил инспекторскую поездку в район Маньчжурии, особое внимание было уделено рекогносцировке территорий, прилегающих к восточной границе Монголии, выбору мест для аэродромов, плацдармов для наступления частей Квантунской армии. Позднее сюда было переброшено несколько дивизий усиленного состава, каждая из которых насчитывала 24600 военнослужащих и 102 артиллерийских орудия. Армия укомплектовывалась новейшими образцами боевой техники.

Почему был выбран район реки Халхин-Гол? Изучив восточную границу Монголии, японские правящие круги посчитали, что именно здесь они

будут иметь преимущество над нашими войсками, поставив их в неблагоприятные условия. Во-первых, отсутствие транспортных коммуникаций – ближайшая железнодорожная станция Борзя находилась на удалении 750 километров, что затрудняло создание надежного тыла. Здесь не было питьевой воды и топлива, все необходимо было завозить заблаговременно.

Японцы же здесь имели железные дороги, удаленные на расстояние от 60 до 125 километров, две грунтовые дороги, что позволяло маневрировать войсками.

Река Халхин-Гол – сложная водная преграда с небольшой, до 3-х метров, глубиной и шириной от 30 до 130 метров, но с заболоченными и крутыми спусками вдоль гор к берегам, что затрудняло применение боевой техники. Это район крупных сопок и котлованов. Японцы хорошо представляли, какие преимущества даёт им данный район боевых действий, они рассчитывали, что советские войска будут оторваны от своих мест дислокации и тылов и не смогут в полную силу использовать боевую технику, особенно танки.

Оценив сложившуюся обстановку, советское правительство принимает решение усилить мотобронетанковые бригады, находящиеся на территории Монгольской Народной Республики, 36-й стрелковой дивизией, расквартированной в районе Читы. В состав дивизии входили: 106-й Сахалинский, 107-й Владимирский, 108-й Белореченский и 175-й артиллерийский полки. 108-й Белореченский полк, в котором И.И. Федюнинский служил заместителем командира, в июне 1938 года был поднят по тревоге, поступила команда следовать на железнодорожную станцию и грузиться в эшелоны. Куда и зачем повезут полк, никто не знал. Утром бойцы были очень удивлены, увидев, что прибыли на станцию Улан-Удэ, и что здесь сосредотачивается вся дивизия. Выбор был неслучайным, это была хорошо укомплектованная, боеспособная дивизия, прошедшая боевой путь от Волги до Забайкалья. Дивизия уже воевала на территории Монголии – принимала участие в разгроме армии барона Унгерна в 1921 году и боях в районе КВЖД. Перед отправкой в Монголию 36-я стрелковая дивизия была пополнена автомобильным транспортом с водителями, взятым из народного хозяйства города Читы и Читинской

области. Это было полной неожиданностью для командиров всех званий, так как никто из них не знал материальной части автомобиля и не имел прав на вождение. Теперь всё это необходимо было ускоренно изучать. Изменилось и название дивизии, теперь она стала называться 36-й мотострелковой дивизией, изменилась также нумерация полков, в частности 108-й Белореченский стал 149-м мотострелковым полком.

149-й мотострелковый полк получил приказ размещаться в столице МНР городе Улан-Баторе, штаб дивизии и остальные части должны были расположиться в городе Саин-Шанде. Это была территория, граничащая с пустыней Гоби. Предстояло совершить многокилометровый марш к месту дислокации по степям Монголии. Полк, в котором служил И.И. Федюнинский, был укомплектован жителями Сибири и Забайкалья. В основном это были охотники, легко переносившие тяготы службы. Марш совершался по всем уставным правилам: походное охранение, караульная служба и т.д. Хотя местность была безлюдная, и, казалось бы, особой надобности во всех этих строгостях нет, делалось это для обучения военнослужащих. И вот полк прибыл в Улан-

Батор, небольшой городок азиатского типа. Юрты и буддийские монастыри были главными достопримечательностями города, где проживало около восьми тысяч жителей.

По прибытии в Улан-Батор прежде всего необходимо было разместить личный состав полка. Был отведен участок на окраине города – совершенно голое место, как у нас говорят, ни кола, ни двора. На первое время полк разместился в палатках, но, учитывая суровую зиму пустыни Гоби, решили построить землянки. Это оказалось очень сложной задачей. Выкопать яму – нехитрое дело, а вот чем её обшить, где взять лес? Пришлось возить из-за сотен километров. А что было делать? Возили, так как полк обустривался здесь надолго и основательно готовился к зиме. Так на окраине города появился военный городок, «копай-город».

Свои провокационные действия на границе МНР японцы начали в январе 1939 года. С этого момента стали постоянно поступать сообщения о нападении на пограничные заставы и посты. Если в первые месяцы это были небольшие отряды численностью до 20 человек, то в начале мая в каждом насчитывалось свыше 200 военнослужащих. Нача-

лом серьезных военных действий японцев можно считать 14 мая, когда 300 всадников, нарушив государственную границу МНР, заняли Дунгур-Обо и вышли к реке Халхин-Гол. На следующий день японцы увеличили здесь свою группировку до 1000 человек, усилив её бронемашинами, танками и бомбардировочной авиацией. В этот день они совершили налет на 7-ю заставу (западнее Дунгур-Обо) и сбросили 52 бомбы. События свидетельствовали о том, что Япония готовит серьёзную операцию в этом районе. 16 мая 1939 года последовал приказ Народного комиссара обороны о приведении в повышенную боевую готовность советских войск, находящихся на территории МНР. Опасения были ненапрасными, 27 мая в районе Номон-Хан-Бурд-Обо японцы сосредоточили значительные силы из состава 23-й пехотной дивизии, баргутской конницы, 64-го пехотного полка и других частей. Они составили группировку численностью свыше трёх тысяч человек, на вооружении которой было до 75-ти станковых и ручных пулемётов, 12 орудий, до 10 бронемашин и 40 самолётов. Используя значительное превосходство, японцы нанесли удар приграничным частям монгольской армии в районе во-

сточного берега реки Халхин-Гол. Нависла угроза над переправой.

В последних числах мая 1939 года 147-й мотострелковый полк получил приказ выступить из Улан-Батора в направлении Тамсаг-Булака. По прибытии к месту сражения батальоны сразу вступили в бой, но хотя удар был неожиданным, получился он не таким мощным, как планировали. Причиной стало то, что подразделения вообще не знали местности. Но всё же наступление противника остановить удалось. Понесся значительные потери, японцы прекратили атаки. В майских боях они не достигли намеченной цели. Потеряв только убитыми более 400 человек, они отвели свои войска на исходные рубежи.

В июне наши войска вышли на высоты восточнее Халхин-Гола, выставив боевое охранение вдоль восточной границы МНР. Казалось, что инцидент исчерпан, но это было не так. В конце июня 1939 года японцы с новой силой начали свои наземные и воздушные провокации. В отдельные дни до 120 самолетов японцев нарушали воздушные границы Монголии и каждый раз получали достойный отпор советских летчиков. С 22 по 26 июня нашими летчиками было сбито около 60-ти самолё-

тов противника, наши потери составили всего три самолета. Становилось ясно, что японские власти не отказались от своей идеи захватить территорию Монголии, они просто накапливали силы для проведения новой крупномасштабной операции. Чтобы сорвать планы японцев, наше командование подтянуло в находящийся под угрозой район необходимое количество войск. В конце июня И.И. Федюнинского назначают командиром 24-го мотострелкового полка. Это был тот самый 106-й Сахалинский полк, в составе которого в 1929 году Иван Иванович принимал участие в боях на КВЖД, командуя 6-й ротой. В это время полк находился в резерве командующего группой и был сосредоточен в районе Тамсаг-Булака. Вступая в должность, Федюнинский понимал, что полк необходимо готовить к будущим боям, которые были уже не за горами.

Из разведданных нашему командованию стало известно, что серьёзные сражения ожидаются в начале июля. Японцы в район предстоящих действий подтянули значительное количество войск: пехоту, кавалерию, артиллерийские части, танки. Созданная группировка значительно превосходила наши войска: в пехоте в два раза, коннице и проти-

вотанковых орудиях в четыре раза, но уступала по количеству бронемашин и танков более чем втрое. Японское командование преследовало цель окружить и уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу реки Халхин-Гол. 3 июля ударной группировке под командованием генерал-майора Кобаяси было приказано сосредоточиться в районе озера Яньху и начать наступление в направлении горы Баин-Цаган. Это была хорошо продуманная операция, японцы не сомневались в своём успехе и, чтобы запечатлеть свой триумф, пригласили военных атташе Германии и Италии. Казалось, японское командование всё продумало и подготовило до мельчайших подробностей и деталей, обеспечило операцию силами и средствами. Так что же мешало осуществить задуманный план?

После майских боев наше командование с особой тщательностью проанализировало их итоги, отметив ряд недостатков в управлении боем, ведении разведки. Кроме того, боевые порядки были растянуты в тонкую цепочку на расстояние более 20 километров по фронту, резервы удалены на расстояние более 125 километров, что мешало оперативно маневрировать войсками. Опыт боёв показал,

что сил для отпора врагу на этом участке фронта явно недостаточно.

В ночь на 2 июля 24-й мотострелковый полк был поднят по тревоге. Он получил задачу ускоренным маршем следовать в район горы Хамар-Даба, туда же следовали 11-я танковая и 7-я мотоброневая бригады. Это облегчило положение войск, занимавших позиции в районе горы Баин-Цаган, так как японцы превосходили наши войска в численности почти в десять раз. Именно здесь японские войска перешли в наступление, нанося главный удар в

направлении горы Баин-Цаган. Наши части стойко обороняли свои рубежи, однако к исходу дня 2-го июля японцы ввели в бой в районе реки Халхин-Гол до 80 танков, что позволило им потеснить обороняющееся части 149-го стрелкового полка и 9-й мотоброневой бригады. Наши воины проявили стойкость и мужество, артиллеристы прямой наводкой с близкого расстояния поражали японские танки, и противник повернул вспять. Всего было подбито 30 танков, 11 танкистов взято в плен. Японцы не ожидали такого упорного сопротивления и стали наращивать силы. В ночь на третье июля японские войска ценой огромных потерь скрытно переправились через реку Халхин-Гол и захватили гору Баин-Цаган. Они спешно начали готовить оборону: рыли окопы, устанавливали противотанковые пушки, миномёты, сооружали пулемётные гнезда, в одиночные ячейки японцы посадили смертников – солдат, выделенных для борьбы с танками и вооруженных гранатами и бутылками с бензином.

Из-за отсутствия нормальной связи наше командование ещё не знало о переправе японских войск через реку и продолжало действовать в соответствии с разработанным планом. По этому плану

24-й полк Федюнинского должен был наносить удар с запада, у озера Хуху-Усу-Нур. После уточнения положения на данном участке фронта комдив Г.К. Жуков приказал 24-му полку изменить направление и взаимодействовать с силами 11-й танковой бригады и 7-й мотоброневой. Замысел, казалось, был прост – всю танковую мощь двинуть на оборону противника при поддержке мотострелкового полка. Это был рискованный шаг, но он себя оправдал. Неудержимой лавиной танки двинулись на самураев. Путь в глубину обороны танкисты прокладывали огнём и гусеницами. Такой дерзкой атаки японцы не ожидали, они думали, что без пехоты танки атаку не начнут, и просчитались. Полк действительно опоздал, он подошел, когда бой уже понемногу затихал. Федюнинский остро переживал опоздание полка, хотя его вины в этом не было. Уточнив обстановку, Федюнинский с комбригом 11-й танковой бригады Яковлевым наметили план взаимодействия, так как был приказ окружить и уничтожить группировку противника.

После короткой подготовки был совершен артиллерийский обстрел вражеских позиций, началась атака наших войск. Более 100 танков лавиной дви-

нулись на позиции японцев, круша всё на своём пути, пехотинцы довершали дело огнем, прикладом и штыком. Японцы цеплялись за каждую удобную позицию, но, не выдержав напора наших войск, отходили вглубь обороны. Бой продолжался не только весь день, но и ночью. 4 июля был получен приказ – исключительно короткий, но вполне ясный: «К рассвету разгромить японцев на Баин-Цагане. Жуков». Рискую жизнью под сильнейшим огнем японцев, Федюнинский на своей легкой машине добрался до передовой и довел приказ до своих подчиненных, отдав соответствующие распоряжения. Бой за гору Баин-Цаган продолжался всю ночь, и только к утру стрельба стала понемногу утихать и потом совсем прекратилась. Японцы бежали к переправе, пытаясь спастись на противоположном берегу, но в это время был взорван понтонный мост – так командование японских войск бросило на произвол судьбы своих солдат, оружие и имущество. Гора Баин-Цаган представляла собой печальное зрелище. Она была устлана трупами японских солдат, лошадей, брошенным оружием. Здесь за несколько дней боёв японцы потеряли тысячи солдат и офицеров.

В память о тех героических днях на горе Баин-Цаган установлен памятник танкистам 11-й таковой бригады – танк на высоком постаменте. Одна из надписей на нем гласит: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход». Неподалеку стоит обелиск воинам 24-го мотострелкового полка.

Час расплаты настал 20 августа 1939 года. Двадцать дней наши войска вели тщательную подготовку к генеральному сражению. Подготовка велась скрытно, командование сообщило о начале операции среднему командному составу только за четыре дня до начала. Было создано три группы войск: Южная, Северная и Центральная. 36-я мотострелковая дивизия входила в центральную группу наших войск, 24-й мотострелковый полк Федюнинского был в её составе. Дивизии предстояло совместно с 82-й мотострелковой дивизией и 5-й стрелково-пулеметной бригадой атаковать с фронта, сковать противника огнем на всю глубину и лишить его возможности маневра в направлении флангов.

Операция началась с массированной бомбардировки позиций японцев, наши самолеты уничтожали живую силу, орудия, технику противника. За-

тем последовала артиллерийская подготовка, тонны раскаленного металла обрушились на позиции японцев, в первую очередь уничтожая зенитные батареи. За 15 минут до начала атаки налет повторился. В этот день противнику не удалось сбить ни один наш самолет. Атака наших танкистов и пехоты была стремительной, каждый воин хотел первым ворваться в расположение врага и уничтожить его. 24-й мотострелковый полк, усиленный танками, успешно продвигался вперед, уничтожая огневые позиции противника. Полк к исходу дня должен был занять сопки, обступающие высоту Ремизова, но тут из-за нерешительности молодого командира во втором батальоне случилось непредвиденное замешательство. Федюнинский на бронемашине срочно направился в расположение батальона и поднял его в стремительную атаку. Батальон успешно атаковал противника и вышел к опорному пункту. Возвращавшийся к броневнику Федюнинский был замечен и обстрелян из миномета японцами, он получил тяжелое ранение в ногу. Иван Ивановичу очень повезло, он попал в руки замечательных хирургов, которые смогли спасти ему ногу. Находясь в госпитале, Федюнинский узнал, что Указом Прези-

диума Верховного Совета СССР полковнику Федюнинскому И. И. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». По итогам боев на реке Халхин-Гол 24-й мотострелковый полк был награжден орденом Ленина, это была заслуга всех воинов полка и его командира И.И. Федюнинского.

Этот период хорошо описан Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым в книге «Воспоминания и размышления»: «В начале боевых действий в районе реки Халхин-Гол И.И. Федюнинский занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части. Когда потребовался командир для 24-го моторизованного полка, в качестве первой кандидатуры была названа его фамилия. И мы не ошиблись. Во всех сложных случаях Иван Иванович Федюнинский умел находить правильное решение, а когда началось генеральное наступление наших войск, полк под его командованием победоносно вел бой». В решающем бою полк под его командованием при поддержке танков прорвался в тыл японских войск, нанеся огромный урон противнику и нарушив тыловые коммуникации, что привело к быстрому отступлению и даже бегству японцев.

Полк захватил много техники, тяжелой артиллерии. В книге «Бои у Халхин-Гола» есть такие строки: «Чем объяснить... например, что полк Федюнинского был упорнее всех в обороне, и бойцы его никогда не отходили без приказа командира? В значительной степени тем, что комиссар полка товарищ Щелчков, секретарь партбюро Пермяков, политрук Кабаньков и другие политработники не жалели ни сил, ни труда, по несколько раз в сутки обходя подразделения и даже одиночных бойцов и разъясняя им обстановку в полку, у соседей и на фронте».

После лечения, в этом же году И.И. Федюнинский был назначен начальником отдела боевой подготовки штаба 1-й армейской группы Забайкальского военного округа. 15 лет И.И. Федюнинский прослужил в Забайкальском военном округе, где прошел путь от рядового до полковника.

6 февраля 1940 года И.И. Федюнинский принял командование 82-й стрелковой дивизией Забайкальского военного округа, которая дислоцировалась в Монгольской Народной Республике в городе Таян-Тумен (с 1941 года Чойбалсан). 10 марта 1940 года 82-я стрелковая дивизия была переведена в штат мотострелковой дивизии численностью 12000 человек с переименованием в 82-ю мото-

стрелковую дивизию. И.И. Федюнинский переформировал свою дивизию, провёл несколько боевых учений всех входящих в её состав полков. Вскоре дивизию проверил штаб Забайкальского военного округа во главе с его командующим, комкором Иваном Степановичем Коневым. Командующий дал высокую оценку личному составу дивизии. Но командиром дивизии И.И. Федюнинский оставался недолго, до ноября 1940 года.

В ноябре 1940 года полковник И.И. Федюнинский был назначен командиром 15-го стрелкового корпуса, входившего в состав 5-й армии Киевского Особого военного округа, расквартированного в районе Бреста и Ковеля. Корпус состоял из трех дивизий. После назначения, в начале 1941 года, И.И. Федюнинский проходил обучение на курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова. В штаб корпуса он прибыл в апреле 1941 года.

Войска корпуса располагались в лагерях и военных городках в сорока и более километрах от границы. Часть военнослужащих занималась строительством полевых укреплений. Артиллерийские

полки находились на учебных сборах на Пуровском артиллерийском полигоне. Дивизии содержались по штатам мирного времени.

Штаб корпуса находился в городе Ковеле. Ковель – крупный железнодорожный узел в направлении от западной границы к Киеву. Городок небольшой, старинный, с узкими утопающими в зелени улицами. Пересекает его река Турия – правый приток Припяти.

Время, когда Федюнинский принял командование корпусом на нашей западной границе, было напряженным. Немцы готовились к войне, уже было известно о прибытии новых немецких дивизий в Польшу. Германское руководство достигло договоренностей о размещении своих войск в Румынии, Финляндии.

Однако отношения Советского Союза и Германии оценивались как нормальные, развивающиеся в соответствии с пактом о ненападении. Чтобы всё это понять, вернемся к событиям 1939 года. 3 мая газета «Правда» опубликовала указ о назначении Вячеслава Молотова наркомом иностранных дел с оставлением за ним поста Председателя Совета Народных Комиссаров. Замена министра вызвала

большое удивление в мире, так как Литвинов был в центре переговоров с английской делегацией.

Этот шаг стал предвестием изменения политического курса. Именно с этого момента начались постоянные контакты наркома иностранных дел СССР и МИД Германии. В результате интенсивных контактов 19 августа в Берлине было подписано торгово-кредитное соглашение, по которому Германия предоставляла СССР кредит в 200 миллионов марок для закупки германских товаров (главным образом станков и другого оборудования).

Соглашение предусматривало поставку в Германию со стороны СССР в течение двух лет товаров и сырья на сумму 180 миллионов марок (речь, в частности, шла о нефти, кормовом и продовольственном зерне, свинце, хлопке, фосфате, платине, необработанных мехах).

23 августа был подписан договор о ненападении между СССР и Германией. 24 августа 1939 года газета «Правда» напечатала сообщение: «23 августа в 3 часа 30 мин. состоялась первая беседа Председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении пакта о

ненападении. Беседа проходила в присутствии тов. Сталина, германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около трёх часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении...». Приводить здесь текст договора необязательно, а вот секретный дополнительный протокол к договору необходимо: «По случаю подписания Пакта о Ненападении между Германией и СССР нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР

будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный».

На основании вышеизложенного документа СССР и Германия разделили сферы влияния и своих интересов в Польше и Прибалтике. В зону влияния Советского Союза вошли Прибалтийские республики, восточные территории довоенной Польши – Западная Белоруссия и Западная Украина.

31 августа 1939 года на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР 1-го со-

зывает В. Молотов в своем докладе высказал тезис, что «разность мировоззрений и политических систем не мешает нам быть добрыми соседями» и что «нас не могут столкнуть лбами». Это было за сутки до начала Второй мировой войны.

Далее в течение двух недель шёл обмен телеграммами по вопросу вступления Красной армии на территорию Польши. Вопрос решился 17 сентября 1939 года. Немецкий посол в Москве информировал МИД Германии:

«Очень срочно! Секретно!

Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в два часа ночи и заявил, что Красная армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольского.

Во избежание инцидентов Сталин спешно просит нас проследить за тем, чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток – Брест-Литовск – Лемберг (Львов – примеч. авт.). Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга.

Я обещал сделать все, что возможно, в смысле информирования германских ВВС, но просил, учи-

тывая, что осталось мало времени, чтобы сегодня советские самолеты не подлетали к упомянутой линии слишком близко.

Советская комиссия прибудет в Белосток завтра, самое позднее послезавтра.

Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже этой ночью польскому послу и копия которой в течение дня будет разослана всем миссиям, а затем опубликована. В ноте дается оправдание советских действий. Зачитанный мне проект содержал три пункта, для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет...

Шуленбург»

Утром 17 сентября 1939 года советское правительство сообщило, что по его приказу войска Красной армии предприняли поход в Польшу с целью освобождения единокровных братьев – украинцев и белорусов, проживающих в его восточных районах.

Сталинское руководство, пойдя на такой шаг, нарушило Рижский мирный договор 1922 года и советско-польский договор о ненападении 1932 года.

20 сентября 1939 года представители вооруженных сил Германии и СССР подписали в Москве формальное соглашение о ведении военных операций в Польше. С советской стороны оно было подписано наркомом К.Е. Ворошиловым и начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым.

Советское продвижение фактически не встретило сопротивления, и уже в 22.00 17 сентября 29-я танковая бригада С. Кривошеина, входившая в состав 4-й армии В. Чуйкова, заняла Барановичи. Вечером того же дня бригада получила приказ совершить бросок и в 14.00 следующего дня занять Брест. На следующий день, достигнув Бреста, танкисты расположились на восточной окраине, а командир бригады Кривошеин с несколькими офицерами отправился к Хайнцу Гудериану для решения вопроса передачи города. В ходе переговоров была достигнута договоренность:

«1. Немецкие подразделения покидают Брест-Литовск до 14.00 22 сентября. Детальный расклад:

8.00 – прибытие советского батальона с целью принятия крепости и недвижимости г. Брест-Литовска...

14.00 – начало совместного парада немецких и советских подразделений. Во время смены флага оркестры играют гимны обоих государств...».

В тот же день комбриг Кривошеин издал приказ о соблюдении революционного порядка и назначил комендантом города старшего лейтенанта Г. Бойко.

Аналогичный парад прошёл при передаче советской стороне города Львова.

Таким образом, на первом этапе войны в Европе Советский Союз помог Германии, правда, далеко небескорыстно, ликвидировать Польское государство.

Наши люди, проживавшие у западной границы, постоянно ощущали приближение большой беды. В приграничных городах постоянно распускались слухи о неизбежной и близкой войне. Женам командиров в Ковеле, Львове и Луцке чуть ли не открыто говорили:

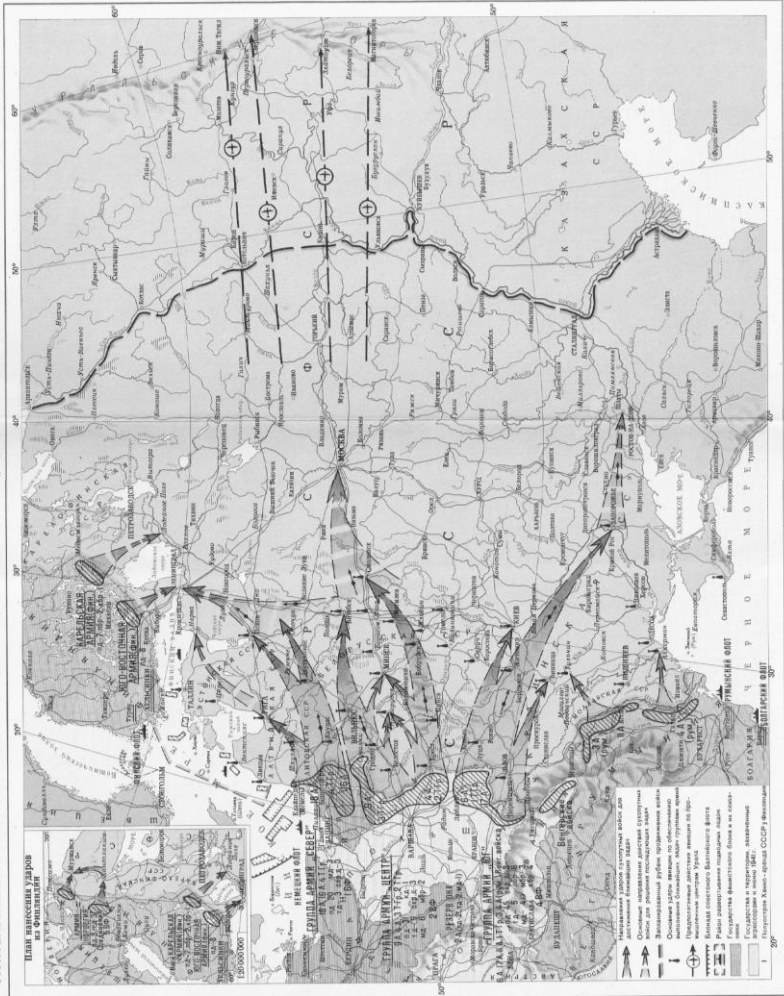
– Подождите! Вот скоро начнется война – немцы вам покажут!

И.И. Федюнинскому пришлось столкнуться с подобными настроениями вскоре после вступления в должность. Об этом он подробно пишет в своей книге «Поднятые по тревоге».

И только Сталин не хотел верить донесениям о приближающейся войне. Он отвергал все предупреждающие доклады, называя их провокациями. Даже в ночь, когда немецкие самолеты бомбили наши города, выслушав доклад Г.К. Жукова, что это война, ответил: «Если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы бомбят и свои города». Такое упрямство впоследствии нам дорого обошлось.

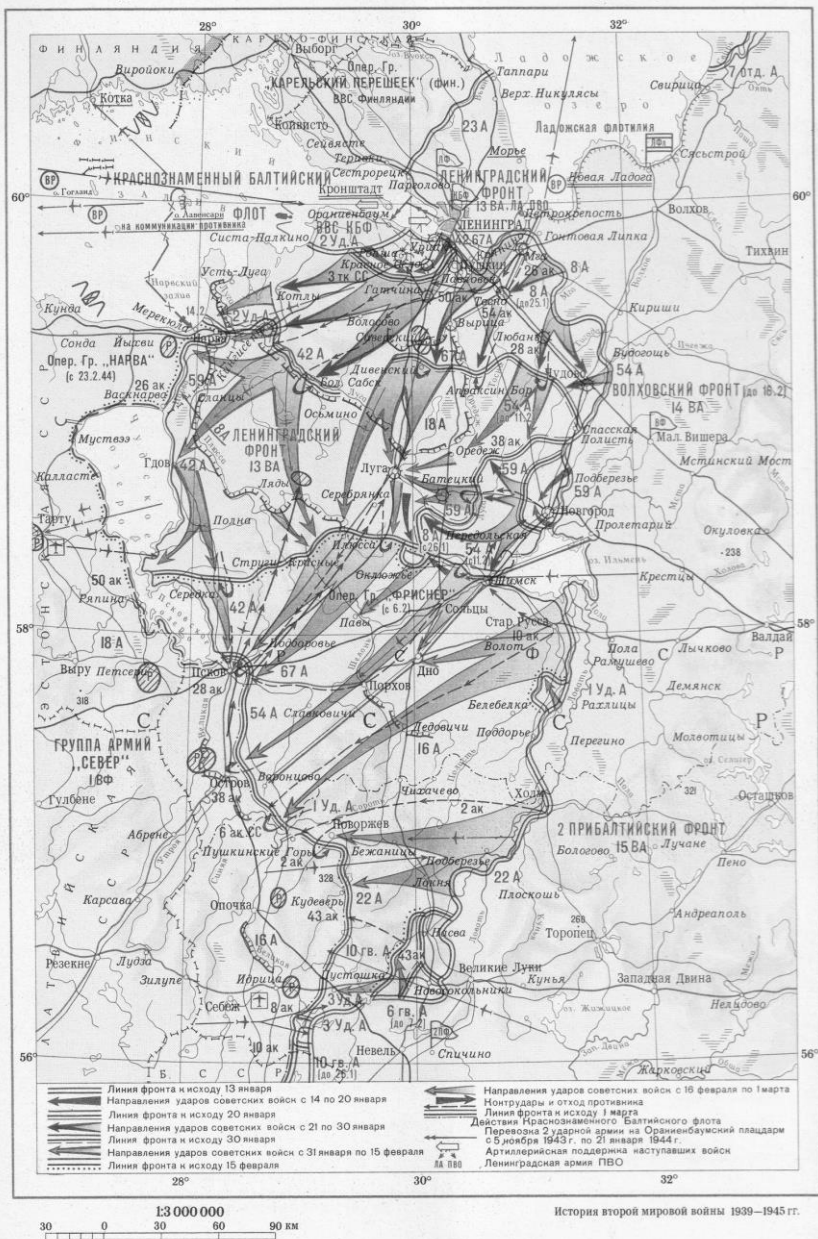
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН ВОЙНЫ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ СССР. (План „Барбаросса“)

История войны. Картина войны 1939-1945 гг.

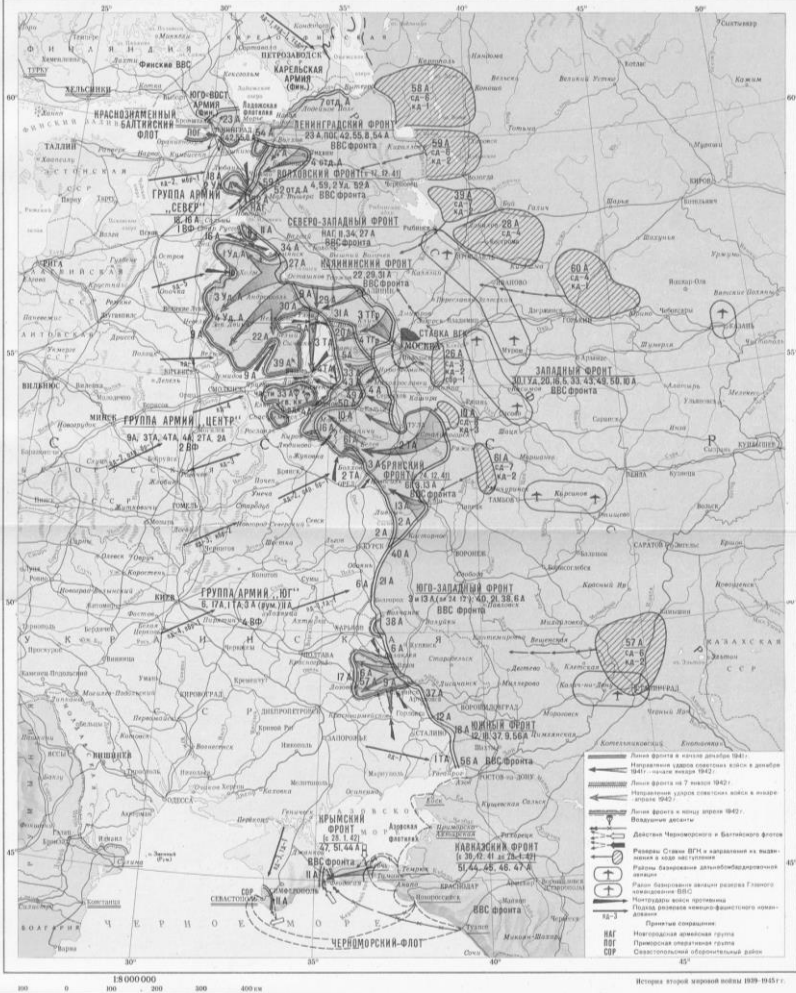

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ. Январь-февраль 1944 г.

История второй мировой войны 1939—1945 гг.

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ ЗИМОЙ 1941-1942 ГГ.

ВОЙНА

В ночь перед началом войны Ивану Ивановичу не спалось. Накануне, 18 июня, Федюнинскому позвонил начальник пограничного отряда и доложил, что на нашу сторону перешёл немецкий солдат и принес очень важные сведения. Начальник погранотряда в достоверности сведений очень сомневается и просит Федюнинского приехать. Пленный сообщил, что в ночь на 22 июня в 4 часа немцы перейдут границу на всем протяжении. Говорил он уверенно. Почувствовав, что к его словам отнеслись с недоверием, пленный сказал, что пусть в пять часов утра 22 июня его расстреляют, если его информация окажется ложной. «Соврал немец или нет?» – эта мысль не давала покоя комкору. Хотя тревога постоянно нарастала, о войне не хотелось думать. Даже в последнюю мирную ночь в душе жила надежда, что, может быть, войны пока удастся избежать.

Утром 22 июня раздался телефонный звонок. Звонил генерал Потапов, который дал команду немедленно идти в штаб к аппарату ВЧ. Накинув пальто, комкор вышел из дома. Идти было недалеко, по дороге ему встретились трое незнакомцев. По при-

бытии в штаб Федюнинский получил команду поднять дивизии по тревоге. В этот момент позвонил дежурный по штабу и доложил, что машину, посланную за Федюнинским, обстреляли, шофер ранен. Иван Иванович сразу вспомнил троих неизвестных в переулке. Связь ВЧ была прервана. Над городом появились немецкие самолеты.

Быстро оценив обстановку, Федюнинский отдал приказ вывести полки к государственной границе и выдать боеприпасы личному составу, зенитчикам – открыть огонь на поражение. То, что дивизии корпуса находились всего лишь в нескольких километрах от границы, сейчас сыграло положительную роль. Уже к пяти часам утра основные силы корпуса вышли к границе, где достойно встретили врага.

Корпус занял оборону по фронту около 100 километров. Здесь наступали соединения первой танковой группы и 6-й армии немцев, входившие в состав группы армий «Юг». Встретили врага части 45-й стрелковой дивизии генерал-майора Г.И. Шерстюка, 62-й стрелковой дивизии полковника М.П. Тимошенко и бойцы 87-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф.Ф. Алябушева.

В ходе боя было установлено, что против двух полков 45-й стрелковой дивизии действует пехотная дивизия противника, но необходимо отметить: численность пехотных дивизий немцев была почти в два раза больше наших. Тяжелее всего пришлось 87-й стрелковой дивизии, занявшей оборону в районе Устилуга, здесь наступали пехотная и танковая дивизии противника. Наша дивизия не только оборонялась, но и контратаковала, это был маленький частный успех, который давал бойцам моральные силы. Два полка 62-й стрелковой дивизии оказали упорное сопротивление немецкой пехотной дивизии.

Противник постоянно вводил в бой всё новые и новые силы, наши несли большие потери, и к исходу дня 22 июня противнику удалось потеснить обороняющихся.

Утром 23 июня 1941 года командующему 15-м корпусом стало ясно, что наибольшего успеха противник достиг на стыке 5-й и 6-й армий. 87-я стрелковая дивизия всё ещё удерживала район Устилуга, но над ней нависла угроза окружения. Федюнинский отдал приказ организованно отходить к Владимиру-Волынскому.

Здесь немцы наступали тремя пехотными и одной танковой дивизией. Комкор прекрасно понимал: надо бы помочь. Но чем?

Резервами Федюнинский не располагал, снять войска с других участков обороны он не мог – везде положение было напряженным.

45-я стрелковая дивизия с тяжелыми боями отходила в район крупного населенного пункта Любомль на ковельском направлении. Организованному отходу наших войск очень помог действовавший на участке Любомль – Ковель дивизион бронепоездов, расстреливавший противника с близких расстояний. Относительно прочным было положение 62-й стрелковой дивизии, которая вела оборону по центру фронта, но так продолжалось недолго.

В результате трехдневных боев противнику только на флангах удалось продвинуться на 20-30 километров от государственной границы. Основные силы 45-й и 62-й стрелковых дивизий упорно держали оборону в нескольких километрах от Западного Буга.

К вечеру 28 июня положение ухудшилось, части 45-й и 62-й стрелковых дивизий, а также соседние 215-я моторизованная и 41-я танковая дивизии

22-го мехкорпуса отошли восточнее Ковеля за реку Стоход. Стало ясно – надо отводить штаб корпуса из Ковеля. В самый критический момент активизировались бандеровцы, они взорвали мост через Турю. И только благодаря инициативе корпусного инженера Коваленко был наведен понтонный мост левее прежнего, и переправа завершилась благополучно. Штаб разместился в населенном пункте Оконск.

Здесь было относительно спокойно. Противник особой активности не проявлял. Пользуясь затишьем, необходимо было привести войска в порядок и подвести некоторые итоги первой недели войны. Федюнинский с присущей ему скрупулёзностью анализировал действия каждого подразделения, особенно его тревожило положение со связью. Из-за неудовлетворительной работы средств связи команды приходили с опозданием или вообще не доходили, отсюда возникали неразбериха и несогласованность действий разных родов войск. Плохо осуществлялось взаимодействие между пехотой и танками. Неудовлетворительно работала разведка, особенно ночью. Выявились слабые места инженерных войск, в частности недостаточное обеспече-

ние бойцов шанцевым инструментом. Доходило до того, что окопы бойцы рыли касками. Плохо было организовано продвижение войск на марше, регулирования не было, постоянно возникали пробки, что позволяло немецким самолетам наносить чувствительные бомбовые удары.

2 июля был получен приказ командующего 5-й армией: 15-му стрелковому корпусу отойти на рубеж реки Стырь, где занять оборону по фронту Бережница – Золоталин. Уточнив время, Федюнинский понял, что приказ получен с опозданием. Отход продолжался в течение недели с непрерывными арьергардными боями. Это были тяжёлые, изнурительные дни.

9 июля соединения корпуса заняли оборону, как и предписывалось директивой Ставки, на линии Коростеньского укрепрайона. Это был укрепрайон, построенный на старой государственной границе. Отсюда 10 июля войска 5-й армии нанесли контр-удар по северному флангу группы армий «Юг». 15-й корпус Федюнинского совместно с 27-м мотострелковым корпусом 16 июля нанесли серьезный удар 3-му моторизированному корпусу противника в районе населенных пунктов Малин – Бородянка.

Более 10 дней продолжались бои за Малин. За это время войска 15-го корпуса нанесли серьёзные потери 262-й и 113-й дивизиям немцев.

7 августа войска 5-й армии закрепились вдоль железной дороги Коростень – Киев и держали оборону в течение двух недель. На этом направлении наши войска сковывали семнадцать пехотных дивизий противника.

В последующие две недели тяжёлая обстановка сложилась на юге Украины. Ставка Верховного Главнокомандования принимает решение отвести войска Юго-Западного фронта на рубеж реки Днепр.

Во время проведения марша Федюнинский получил приказ, в котором ответственность за судьбу города Чернигова возлагалась на командующего 15-м стрелковым корпусом. Федюнинский прекрасно понимал, что оборону придется организовывать в кратчайшие сроки. Авиация противника постоянно бомбила город, сбрасывая сотни зажигательных бомб, город горел. В течение суток после марша была организована оборона. Враг не заставил себя долго ждать. Начались упорные кровопролитные бои, не затихавшие круглые сутки. Командование

корпуса ожидало усиления натиска немецких войск. В это время Федюнинский получил телеграмму, в которой ему предлагалось прибыть в штаб фронта с личными вещами.

Рано утром 23 августа 1941 года И.И. Федюнинский выехал в штаб армии. С командующим генералом Потаповым и членом Военного совета Никишиным Федюнинский был знаком ещё со времени монгольских событий. Встреча была тёплой. Вспомнили бои у Халхин-Гола, друзей, знакомых, а после обеда Федюнинский отбыл в штаб фронта. Встреча в штабе фронта была короткой. Командующий фронтом генерал-полковник Н.П. Кирпонос после доклада заметил:

– Знаю, знаю. Вам подлежит убыть в Москву. Получите новое назначение. Самолетом лететь не рекомендую, опасно. Поезжайте лучше машиной. Далее разговор продолжился у начальника штаба генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева. Расспросив о боях под Черниговом, посоветовал сменить форму – 12 августа И.И. Федюнинскому было присвоено звание генерал-майора.

В Москве И.И. Федюнинский прибыл к заместителю начальника Генерального штаба генерал-

майору А.М. Василевскому. Там он узнал о назначении его командующим 32-й армией Резервного фронта.

Ехать пришлось недалеко, армия находилась в районе Вязьмы. Встретил командующего начальник штаба армии полковник И.А. Кузовков. После ряда бесед Иван Иванович про себя отметил: «Сработаемся». Но поработать вместе не пришлось. Знакомясь с расположением войск, Федюнинский решил побывать у командующего 16-й армией, находившейся в первом эшелоне Западного фронта, – генерала К.К. Рокоссовского. Вспомнили последнюю встречу в Ковеле перед началом войны. Рокоссовский начал знакомить с обстановкой, когда дежурный доложил, что на имя Федюнинского получена телеграмма о срочном прибытии в Ставку. Этот эпизод описывает К.К. Рокоссовский в книге «Солдатский долг»:

«...Меня вызвал к аппарату Сталин. Спросил, нет ли у меня на примете хорошего командарма, который мог бы возглавить армию под Ленинградом. И подчеркнул, что я, по-видимому, понимаю, как это важно. Не задумываясь, я назвал фамилию И.И. Федюнинского. Это безусловно талантливый военачаль-

ник, превосходный организатор, мастер вождения войск. И рекомендуя его на ответственный и важный участок фронта, я был уверен, что Иван Иванович именно тот кандидат, который требуется. И я в этом не ошибся».

Не заезжая в штаб 32-й армии, Федюнинский поспешил в Москву. Принявший его генерал Василевский сказал:

– Завтра утром полетите в Ленинград. Получите новое назначение.

Битва за Ленинград

9 сентября И.В. Сталин вызвал в Москву командующего Резервным фронтом генерала армии Жукова. Он высказал мнение, что «город почти в безнадежном состоянии. Немцы, взяв Ленинград и соединившись с финнами, могут ударить в обход с северо-востока на Москву, и тогда обстановка осложнится еще больше... видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным». Жукову было приказано принять командование фронтом.

Утром 10 сентября группа офицеров во главе с генералом армии Г.К. Жуковым на военнотранспортном самолете Ли-2 вылетела под охраной звена истребителей с Внуковского аэродрома в Ленинград. В состав группы входили генералы М.С. Хозин, П.И. Кокарев, И.И. Федюнинский. На вопрос Ивана Ивановича относительно своего нового назначения генерал армии Г.К. Жуков ответил неопределенно: «Пока будете моим заместителем, а там посмотрим».

Войска группы армий «Север» рвались к Ленинграду. Группировка, наносившая удар из Восточ-

ной Пруссии, включала в себя 4-ю танковую группу (два моторизованных корпуса – 41-й и 56-й) генерал-полковника Гепнера, считавшуюся лучшей в германском вермахте, 16-ю армию генерал-полковника Буша, 18-ю армию генерал-полковника Кюхлера (всего шесть армейских корпусов) с мощным и хорошо организованным тылом. Сухопутные войска вермахта поддерживал 1-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Келлера. В нем насчитывалось 512 боевых самолетов, в том числе 148 истребителей, 270 бомбардировщиков, а также 163 легких самолета-разведчика, действовавших в интересах сухопутных войск.

Общая численность группировки противника составляла 665 тысяч человек. На вооружении соединений группы армий «Север» имелось 6066 орудий и минометов (из них минометов 1410), 683 танка и 81 штурмовое орудие.

Командовал группой армий «Север» опытный военачальник, 65-летний генерал-фельдмаршал фон Лееб. Окончив Первую мировую в звании майора, Лееб в 1920 году стал подполковником рейхсвера, а в 1929 году был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 7-й пехотной

дивизии. Гитлер высоко ценил профессионализм Лееба. За умелое руководство прорывом линии Мажино летом 1940 г. генерал был награжден рыцарским крестом.

Начиная поход на Ленинград, фон Лееб рассчитывал ударом из Восточной Пруссии вначале овладеть Прибалтикой, а затем во взаимодействии с финской армией его захватить. Вначале казалось, что захватнический план полностью осуществляется – войскам группы армий «Север» удалось глубоко продвинуться вглубь нашей территории. Положение с каждым днем становилось все более угрожающим. 12 сентября противник занял Красное Село, Пушкин и вышел в тыл войскам, оборонявшим Красногвардейск.

15 сентября 1941 года Федюнинского вызвали в Военный совет фронта, где он получил приказ немедленно выехать в район Пулковских высот и разобраться в создавшемся положении. Именно здесь, на Пулковском направлении, противник сосредоточил свои главные силы и готовился нанести, как он считал, последний удар. Оценивая обстановку, Федюнинский мысленно намечал некоторые меры по обороне, в это время его срочно вызвали в

Смольный, где был получен приказ о вступлении в командование 42-й армией.

Первый приказ Федюнинского был о прочном закреплении на занимаемых позициях. Вот здесь и пригодился опыт боев в Монголии и первых недель войны на Юго-Западном фронте. Приказ требовал создания глубоких боевых порядков на наиболее опасных направлениях. Артиллерию предполагалось выдвинуть на стрельбу прямой наводкой, а танки использовать в качестве неподвижных огневых точек. Но главной задачей Федюнинский считал восстановить управление войсками, определить боеспособность каждого подразделения, их возможности сопротивления противнику. Необходимо было добиться, чтобы весь личный состав, от командира до рядового, понял свои задачи и был уверен в том, что может остановить врага, не допустить его прорыва в Ленинград.

Все дальнейшие попытки противника осуществить прорыв были отбиты. Немецким войскам не удалось продвинуться на этом участке фронта. Наши войска не только оборонялись, но и наносили чувствительные контрудары с целью улучшения позиций.

Оценивая сложившуюся обстановку, генерал-полковник Гальдер в своем дневнике 18 сентября делает запись: «Кольцо окружения вокруг Ленинграда пока не замкнуто так плотно, как этого хотелось бы. Сомнительно, что наши войска сумеют да-

леко продвинуться... положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст о себе знать наш союзник – голод». 20 сентября командующий группы армий «Север» фон Лееб в своем дневнике делает запись: «В 17.00 у меня был разговор с генерал-полковником Кюхлером. Он подчеркивает, что пехота в боях под Ленинградом уж очень измотана. Командир 28-го корпуса заявляет, что он не в состоянии продолжать наступление». 24 сентября он продолжает: «39-й корпус перешел к обороне... В группе армий «Север» резервов больше нет... реально группа армий уже полностью перешла к обороне».

Попытка командования группы армий «Север» осуществить захват Ленинграда на западных и юго-западных подступах к городу потерпела крах. Немецкие войска были остановлены на рубеже Урицк – Пулковские высоты – Колпино и далее от устья реки Тосно по левому берегу Невы до Шлисельбурга. В сентябре 1941 года войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Жукова отразили удары врага и вынудили его отказаться от штурма Ленинграда. Штаб группы армий «Север» сообщил главному командованию сухопут-

ных войск, что «... с оставшимися в его распоряжении силами он не в состоянии продолжать наступление на Ленинград...». Это был 96-й день войны, 25 сентября 1941 года. 83 дня продолжалась Ленинградская стратегическая оборонительная операция, впервые в истории Второй мировой войны немецкие войска были остановлены у стен города. В этой победе была и немалая заслуга генерал-майора И.И. Федюнинского, заместителя командующего Ленинградским фронтом и одновременно командующего 42-й армией.

10 октября И.И. Федюнинский был вызван в штаб фронта, где получил приказ вступить в командование фронтом, так как Жуков срочно был отозван в Ставку.

С момента, когда немецкие войска перешли к обороне, под Ленинградом началась борьба за коммуникации. Наши войска пытались прорвать блокаду, немецкие стремились ее полностью замкнуть, чтобы овладеть последней дорогой через Ладожское озеро.

14 октября командующий Ленинградским фронтом Федюнинский получил указание Ставки Верховного Главнокомандования подготовить и

провести во второй половине октября операцию на синявинском направлении. Рассмотрев все варианты подготовки и проведения операции, Военный совет Ленинградского фронта предложил начать ее 20 октября. В ходе подготовки к операции командованию фронта удалось на этом направлении создать некоторое превосходство над немецкими войсками, так как общая глубина проводимой операции была незначительной, и путем перегруппировки войск было достигнуто двойное, а местами и тройное превосходство.

После провала под Ленинградом, вызвавшего бурную реакцию у Гитлера, командующий группы армий «Север» фон Лееб издал приказ №1 от 28 сентября 1941 года: «Группе армий, – говорилось в нем, – путем отражения вражеских атак создать предпосылки к новому наступлению после подхода подкрепления. Целью атак является... а) плотное окружение Ленинграда; б) уничтожение 8-й армии «красных» западнее Петергофа; в) блокирование Кронштадтской бухты во взаимодействии с ВМС; г) форсирование Невы, окружение Ленинграда с востока и соединение с финнами западнее Ладожского озера, выход к Волхову и дальнейшее продвиже-

ние к Лодейному Полю с целью соединения с финнами восточнее Ладожского озера».

С этой целью противник создает в районе Любани и Чудова ударную группировку в составе 39-го механизированного корпуса 16-й армии и 1-го армейского корпуса 18-й армии, а также соединений 38-го армейского корпуса. 1 октября Гитлер подтвердил суть приказа фон Лееба и предложил: «Окончательно урегулировать положение в районе Ладоги быстрым наступлением на Тихвин и оттуда ударить в тыл врага через реку Волхов, и создать «мертвую петлю» более широкого охвата».

16 октября 1941 года немецкие войска, форсировав реку Волхов в районе Грузино, по старым аракчеевским дорогам устремились на Тихвин. Часть сил противника наносила удар на Бологое, навстречу группе армий «Центр». Федюнинский как командующий Ленинградским фронтом прекрасно понимал, что сил у 4-й и 52-й армий остановить противника не хватит.

Наступающие немецкие части имели подавляющее превосходство в живой силе и многократное – в танках и артиллерии. Но, несмотря на это, противник четверо суток штурмовал позиции советских

войск. «... 20 октября немецкие войска смогли про-
рвать оборону 52-й армии, в результате между 52-й
и 4-й армией образовался разрыв, заполнить кото-
рый ввиду отсутствия резервов у командующих ар-
миями оказалось невозможным. Нависла реальная
угроза не только над Тихвином, но и для всего Ле-
нинградского фронта». Федюнинский, по указанию
Ставки ВГК, производит перегруппировку войск
фронта: 44-я и 191-я, 4-я гвардейская дивизии пере-
правлялись в район Тихвина, 310-я стрелковая ди-
визия и 6-я морская бригада – в район Волхова. Это
было всё, чем располагал командующий Ленин-
градским фронтом. Несмотря на критическое поло-
жение под Москвой, Ставка ВГК изыскала возмож-
ность и направила в район Тихвина из своих резер-
вов 92-ю стрелковую дивизию под командованием
полковника А.Н. Ларичева и 60-ю танковую дивизию
под командованием генерал-майора А.Ф. Попова
(танков было мало, так как, участвуя в обороне
Москвы, дивизия потеряла значительную их часть).
Также в район Тихвина из Сибири прибывает 65-я
стрелковая дивизия под командованием полковни-
ка (будущего маршала) П.К. Кошевого.

Обстановка на этом участке фронта складывалась тяжелая: 21-я пехотная и 12-я танковая немецкие дивизии наносили удары на Будогощь с севера, 20-я моторизованная – с юга. Нависла угроза для наших войск оказаться «в мешке». Командующий 4-й армией Яковлев вынужден был отвести части 292-й и 27-й кавалерийской дивизий за Будогощь, на восточный берег Пчевы.

Однако Федюнинский отдавал себе отчет в том, что он ещё не готов для этой должности. Пробыв в ней всего две недели, после разговора с Василевским он обратился к Сталину с просьбой назначить на его место более опытного военачальника. В тот же вечер, т. е. 27 октября 1941 года, пришел приказ о назначении И.И. Федюнинского командующим 54-й армией, а на его место был назначен генерал-лейтенант Хозин. Это были тяжелейшие дни для Ленинградского фронта.

В день, когда Федюнинский получил приказ о вступлении в командование 54-й армией, немецкие дивизии повели наступление вдоль реки Волхов по обоим ее берегам. На левом оборону держали части 285-й и 311-й стрелковых дивизий 4-й армии, на правом – 310-я стрелковая дивизия, переданная на

усиление 4-й армии. Силы были явно неравны. Против наших частей наступали 21-я, 11-я, 259-я пехотные дивизии, по два полка 8-й и 12-й танковых дивизий. Фронт приближался к Волхову. Командование 54-й армии делало все, чтобы укрепить волховское направление. 10 ноября командующий Ленинградским фронтом Хозин в ответ на просьбу Федюнинского об оказании помощи в обороне Волхова выделил 3-ю гвардейскую дивизию, выделить больше у командующего возможности не было. Противник вклинился на стыке 54-й и 4-й армий. Отходящими частями 4-й армии командовал генерал Ляпин. Его приказы и распоряжения отличались противоречивостью, согласовывать свои действия с командованием 54-й армии он не хотел, так как подчинялся только Ставке. Все это усложняло обстановку в обороне Волхова.

11 ноября 1941 года положение под Волховом становится угрожающим. После долгого размышления Федюнинский принимает решение обратиться в Ставку ВГК за помощью. В телеграмме он охарактеризовал положение под Волховом и попросил подчинить все войска правого фланга 4-й армии, которые отходили к городу. «Если это будет сделано

ещё сегодня, – писал командующий, – то спасти положение можно, если это будет завтра, то будет поздно: Волхов падет». В этот день к Федюнинскому на командный пункт приехали командующий Ладужской военной флотилией капитан первого ранга Чероков и уполномоченный Государственного Комитета Обороны по снабжению Ленинграда Павлов. Их приезд не был случайным, они не скрывали озабоченности положением дел под Волховом, в частности Павлова беспокоила судьба грузов, скопившихся на восточном берегу Ладужского озера. Разговор был откровенным. Федюнинский вышел из-за стола, подошел к висящей на стене карте и сказал: «Да, я знаю и вас могу заверить, так и передайте ленинградцам, что продовольствие и коммуникации будем защищать до последнего вздоха». И показал на карте, как он будет выполнять эту задачу в случае прорыва обороны противником. Сказано было с такой убежденностью, что не оставалось и следа сомнения в решительных действиях командарма». Во время разговора с Чероковым и Павловым командующего 54-й армией вызвала по прямому проводу Москва. Вернувшись, Иван Иванович сообщил, что его просьба удовлетворена, армия усиливается ча-

стями, входящими в Волховскую оперативную группу, и на нее возлагается оборона Волхова. Сразу же после получения приказа Федюнинский вместе с Чероковым и Павловым выехали в деревню Плеханово, где располагался штаб оперативной группы генерала Ляпина. Федюнинский сообщил Лялину, что по приказу Ставки войска Волховской оперативной группы переподчиняются ему, а самому Лялину приказано отбыть в штаб фронта. Поздно вечером 11 ноября поступила телеграмма Ставки следующего содержания:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказала группу войск 4-й армии, действующую на волховском направлении по восточному и западному берегам реки Волхов, в составе 285, 310, 311, 292-й стрелковых дивизий, 6-й морской бригады, 3-й гвардейской стрелковой дивизии, 883-го корпусного полка и 16-й танковой бригады с 6 часов 12.11.41 года переподчинить тов. Федюнинскому и включить в состав войск 54-й армии».

Разобравшись в обстановке, Федюнинский принял решение танковую бригаду, которой командовал полковник И.Н. Барышников, поставить позади боевых порядков отходивших войск, а зенитную

артиллерию, прикрывавшую Волхов, снять с позиций и использовать для стрельбы прямой наводкой по танкам противника. За ночь была произведена необходимая перегруппировка, отданы соответствующие приказы в части, занимающие оборону Волхова. По приказу командующего на передовую были доставлены боеприпасы и продовольствие.

В своём дневнике П.Я. Ксенз этот день отметил так: «12 ноября моряки получили приказ командующего 54-й армией, в котором была поставлена перед бригадой боевая задача, кому бригада должна быть подчинена, указаны наши соседи... По содержанию приказа чувствовалось, что кто-то серьезно взялся организовывать оборону. Подпись приказа показала, что это был Федюнинский. Моряки его уже знали по действиям в 42-й армии, которой он командовал под Ленинградом. Нас это обрадовало – нашелся хозяин, который нами управляет».

Дела как будто начинали налаживаться, но Ставка продолжала испытывать тревогу за судьбу города Волхова и не исключала захвата его противником. Штабом Ленинградского фронта был разработан план уничтожения военных объектов и Вол-

ховской ГЭС в случае крайней необходимости. Ставка утвердила этот план, прислав телеграмму следующего содержания: «Командующему Ленинградским фронтом, Копия: Командующему 54-й армией.

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила Ваши указания по вопросам разрушения в Волховстрое алюминьзавода, Волховской ГЭС, железнодорожного моста и затопления паттерны плотины с возложением ответственности за это, а также за определение времени взрыва на командование 54-й армии». Федюнинский прекрасно понимал, какая ответственность теперь лежала на нем. Как определить время взрыва? Упустить время взрыва означало отдать ГЭС врагу. Но и взрывать электростанцию прежде, чем исчезнет хотя бы малейшая надежда отстоять ее, было бы преступлением.

Напряжение нарастало. По данным партизанской разведки, которую возглавлял волховчанин Анисимов, стало известно, что немцы концентрируют большие силы для наступления во фланг 310-й стрелковой дивизии. Немцы планировали обойти Волхов с северо-востока, сюда были брошены основные силы. Прорвав оборону, немецкие войска вышли к командному пункту 310-й стрелковой ди-

визии, который находился на железнодорожной станции Мурманские Ворота, что в шести километрах от Волховстроя. Именно здесь противник имел наибольший успех.

В разгар боя на командном пункте раздался телефонный звонок, звонил командующий армией Федюнинский.

Полковник Замировский доложил: «Бой идет на командном пункте. Что делать?»

Командующий внимательно выслушал доклад, понимая, что Замировский ожидает разрешения отойти. Но куда? Позади Волховстрой.

— Продолжайте драться.

Замировский молчал, он ждал другого ответа, но командующий не мог его дать.

— Есть! — наконец медленно и глухо проговорил он.

Бой продолжался около трех часов, снова звонит Замировский:

— Товарищ командующий, разрешите доложить обстановку.

Уже по тону Федюнинский понял, что положение улучшилось.

— Отбросили противника на километр от командного пункта». Это был пусть и небольшой, но успех, командующий пожелал Замировскому удачи.

В один из дней позвонили из штаба фронта и сообщили приятную новость. Ходатайство, поданное ещё в период командования фронтом, удовлетворено и командиру 310-й стрелковой дивизии Замировскому присвоено воинское звание «генерал-майор».

На следующий день командующий поехал лично поздравить товарища по службе, прихватив генеральские петлицы.

К 25 ноября 1941 года в результате упорных боев наступление немецко-фашистских войск на город Волхов было остановлено. Фронт стабилизировался, но командующий Федюнинский понимал, что противник готовит новое наступление. Вопрос: где? В течение нескольких дней велась разведка, обнаружить сосредоточение войск не удавалось, было ясно — идет перегруппировка.

Все немецкие войска на левом берегу были объединены в боевую группу «Бекман» под общим руководством командира 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Бекмана. Перед группой

ставилась задача неожиданным ударом через Тобинское болото в направлении на Шум и станцию Войбокало прорвать оборону советских войск и выйти к берегу Ладожского озера в районе деревни Кобона, где находилась перевалочная база снабжения Ленинграда.

На этом участке фронта были непроходимые болота и леса, отсутствовали дороги, поэтому наше командование считало маловероятным, что противник выберет это направление для прорыва. Здесь действовал один бронепоезд и отдельные части 285 стрелковой дивизии. Вражеская разведка установила этот факт, и немецкое командование готовило прорыв именно здесь.

Чтобы знать направление главного удара, Федюнинский ставит задачу добыть «языка». Задача, поставленная перед танкистами 21-й танковой дивизии, была выполнена успешно. Узнав, что «язык» взят, командующий лично допрашивал пленного. Это был обер-лейтенант, который на карте показал район сосредоточения немецких войск. После авиационной разведки показания пленного подтвердились, а через три дня началось наступление на поселок Шум.

Наши войска с трудом сдерживали натиск врага. За несколько дней ожесточенных боев противник незначительно продвинулся в направлении Кобоны до деревни Бор, что в полутора километрах от железной дороги и шоссе. Враг был остановлен.

В разгар этих событий Федюнинскому сообщили любопытную «новость»: немецкое радио объявило, что командующий 54-й армией генерал Федюнинский из-за провала операции под Волховом покончил жизнь самоубийством. Какую цель преследовали авторы этой нелепости, остается загадкой, ведь Волхов остался в наших руках, а под Войбокало враг нес значительные потери. Гитлеровцам требовалось хоть чем-то подсластить горькую пилюлю, которую они преподнесли немецкому народу.

Перед контрнаступлением наших войск Федюнинский был приглашен в штаб Ленинградского фронта, где были уточнены задачи 54-й армии в этой операции. Армия начала подготовку к наступлению.

3 декабря 1941 года ударная группа в составе 80-й стрелковой дивизии, 6-й морской бригады, двух лыжных батальонов перешла в наступление,

вклинилась в оборону противника и блокировала его опорные пункты в деревнях Опсала, Овдокало, Тобино, Падрилла и совхозе «Красный Октябрь». Для закрепления успеха необходимы были резервы, но они у командующего отсутствовали, противник же перебросил сюда две пехотные дивизии из-под Красногвардейска. Соотношение сил стало равным.

17-го декабря командующий 54-й армией получает директиву Ставки ВГК № 005822: «54-я армия в составе 128, 294, 286, 285, 311, 80, 115, 281, 198 сд, 3-й гвардейской дивизии, 6-й морской бригады, 21 тд, 81 и 88-го гап переходит в наступление с задачей во взаимодействии с 4-й армией Волховского фронта, наступающей в направлении Тосно, окружить и истребить противника, выдвинувшегося к Ладожскому озеру с востока и юго-востока».

18 декабря армия перешла в наступление. Преодолевая сопротивление противника, наши части за два дня продвинулись на двадцать километров в направлении населенного пункта Оломна. Были уничтожены опорные пункты противника в селениях Оломна, Падрилла, Влоя. В результате нашим войскам удалось выйти во фланг войскам противника, действовавшим на правом берегу реки Волхов.

Федюнинский бросил в тыл противника лыжные батальоны, которые закрывали пути организованного отхода, а также снабжение войск продовольствием и боеприпасами.

Порыв наших войск был неудержимым, страстным. В тяжелейших погодных условиях, в тридцатиградусные морозы, в снежные метели они совершали длительные переходы. Унылость и трагизм поражений лета и осени 1941 года сменился эйфорией победы.

27 декабря 1941 года Совинформбюро сообщило: «Части 54-й армии генерал-майора тов. Федюнинского (Ленинградский фронт) за период с 18 по 25 декабря разгромили волховскую группировку противника. В результате разгрома этой группы захвачены следующие трофеи: орудий 87, станковых пулеметов 47, ручных пулеметов 166, автоматов 57, винтовок 600, танков 26, минометов 142, грузовых автомашин 200, патронов свыше 300000, снарядов 18000, мин 13000, гранат 10000, велосипедов 400 и много другого военного имущества. Уничтожено до 6000 немецких солдат и офицеров. Освобождено от противника 32 населенных пункта».

В районе деревни Лезно войска 54-й армии соединились с наступающей от Тихвина 4-й армией и образовали единый фронт. Первыми к реке Волхов вышли части 65-й и 92-й стрелковых дивизий 4-й армии. Они с ходу форсировали реку и захватили небольшой участок на левом берегу южнее Киришей, а также небольшой плацдарм у впадения реки Тигоды в Волхов. Как вспоминал впоследствии Федюнинский: «54-я армия натолкнулась на упорное и организованное сопротивление противника у линии железной дороги Мга — Кириши... овладеть районом Кириши не удалось...». Преодолела железную дорогу и продвинулась дальше всех на запад 311-я стрелковая дивизия под командованием полковника Бякова С.Т.. Устроить «котел» тихвинско-волховской группировке немцев не получилось. Противник (21-я пехотная дивизия) сумел даже сохранить небольшой плацдарм на восточном берегу реки Волхов у поселка Кириши, который он удерживал до осени 1943 года. К 28 декабря воюющие стороны заняли позиции, которые они занимали до 16 декабря 1941 года.

В ходе контрнаступления советские войска нанесли врагу тяжелое поражение, однако развить

успех не удалось. В условиях суровой и снежной зимы сделать это было очень трудно, а порой и невозможно. Наши армии испытывали недостаток сил и технических средств, ещё не научились воевать в условиях жесткой обороны. Несмотря на высокий патриотизм наших воинов, они имели слабую боевую выучку и тактическую подготовку. Противник же за счет сокращения линии фронта со 160 до 90 км при отходе к реке Волхов значительно уплотнил свои боевые порядки, создал глубоко эшелонированную оборону и, имея опыт боев, усилил сопротивление. Немцы создали прочную оборону на протяжении всего западного берега реки Волхов, укрепив районы Киришей и Грузино. Контрнаступление под Тихвином и Волховом намного укрепило положение Ленинграда, создало предпосылки по улучшению снабжения города и фронта продовольствием и материальными ресурсами. Был окончательно сорван германский план молниеносной войны, врагу не позволили замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда.

Так закончилась эта операция – первое успешное наступление Красной армии на северо-западном направлении советско-германского фрон-

та, в которой непосредственное участие принимал генерал-майор И.И. Федюнинский. Он трезво оценивал достигнутые успехи, не закрывал глаза на недостатки, выявившиеся в ходе наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования в целях объединения усилий армий, действовавших к востоку от реки Волхов и вновь сосредоточенных в этом районе, еще 11 декабря 1941 года приняла решение образовать к 17 декабря Волховский фронт. В него были включены 4-я, 52-я, 59-я общевойсковые армии и 26-я, прибывшая из резерва Ставки, впоследствии переименованная во 2-ю ударную.

54-я оставалась в составе Ленинградского фронта, ей предписывалось решать главную стратегическую задачу по прорыву блокады.

Планирование и осуществление Любанской наступательной операции было задумано в конце декабря 1941 года и вытекало из трех основных обстоятельств.

Из анализа обстановки на внутреннем и внешнем фронте окружения Ленинграда к концу декабря 1941 года следовало, что единственным средством его изменения с целью деблокады горо-

да являлись войска на внешнем кольце окружения. Считалось, что при успешном наступлении войск Волховского фронта немецкое командование под угрозой окружения будет вынуждено оттянуть от Ленинграда часть сил группы армий «Север», что позволит решить задачу восстановления коммуникаций с Большой землей.

Во вторых, 5 января 1942 года на совещании Ставки ВГК с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждались планы военной компании на предстоящий год. С основным докладом выступил И.В. Сталин, который изложил план общего наступления девяти советских фронтов. Большинство присутствующих, кроме Г.К. Жукова и Н.А Вознесенского, не выступили против такого плана, хотя он был, скажем прямо, авантюрным и не имел материального обеспечения. Очень болезненной в конце 1941-го и в течение всего 1942 года была острая нехватка боеприпасов, особенно снарядов и мин, был введен лимит на их расходование: 4-6 снарядов на орудие в день. Вот как оценивает это решение немецкий полковник Х. Польшман в книге «Волхов: 900 дней боев за Ленинград 1941-1944»: «То, что немецкий фронт на Волхове привлек к себе очень

значительные силы, безусловно облегчило положение ведущей тяжелой бои и неоднократно прорванной обороны немецкой центральной группировки войск. Те силы, которые советское командование ввело в использование при наступлении на Волхове, могли бы оказать значительное влияние на исход операции немецкой группы армий «Центр». Сталин совершил ту же ошибку, что и Гитлер, – он хотел наступать везде и поэтому не добился решающей победы нигде».

Войскам правого крыла Волховского фронта во взаимодействии с Ленинградским фронтом предстояло разгромить 18-ю немецкую армию и деблокировать Ленинград, а войскам левого крыла во взаимодействии с правым флангом Северо-Западного фронта разбить 16-ю армию противника. Ставка полагала, что продолжающееся контрнаступление под Москвой не позволит командованию противника усилить группу армий «Север» войсками с других участков фронтов.

В-третьих, соотношение сил на северо-западном направлении на начало 1942 года было в пользу Красной армии: войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов насчиты-

вали около миллиона человек, более 400 танков, 9 тысяч орудий и минометов против 665 тысяч солдат и офицеров, 160 танков и штурмовых орудий, 6 тысяч орудий и минометов у группы армий «Север».

Задачи войск Ленинградского фронта в Любанской операции были определены директивой Ставки ВГК № 005822 от 17 декабря 1941 года. Их суть:

«1. Войскам Ленинградского фронта активными действиями 42, 55, 8, 54-й армий и Приморской оперативной группы содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады...

2. 54-й армии в составе 128, 294, 286, 285, 311, 80, 115, 281, 198 сд, 6-й мор. бригады, 21 тд, 81 и 882 гап перейти в наступление одновременно с войсками Волховского фронта с задачей: во взаимодействии с 4-й армией Волховского фронта, наступающей в направлении Тосно, окружить и истребить противника, выдвинувшегося к Ладожскому озеру и блокирующего Ленинград с востока и юго-востока».

Командующего 54-й армией И.И. Федюнинского с директивой Ставки ознакомили в штабе Ле-

нинградского фронта в начале января. Он прекрасно понимал – серьезные потери противника на всех фронтах привели к тому, что стратегическая инициатива перешла к Красной армии, но возможности вверенной ему армии ограничены.

Трудности усугублялись тем, что за три месяца активных боевых действий армия понесла большие потери: безвозвратные составили 6065 человек, санитарные – 11486. Армия имела большой недокомплект вооружения, боевой техники, материальных средств.

В войсках началась подготовка к наступательной операции, времени на это практически не оставалось. Неудачный выбор направления главного удара во многом предопределил ее результаты. Наступать по бездорожью в лесисто-болотистой местности против несломленного и не павшего духом врага, не собрав в единый кулак войска, не имея в достаточном количестве боеприпасов и автоматического стрелкового оружия, было слишком рискованно.

Верховный поторапливал командующих фронтами, отсюда излишняя поспешность и непоследовательность в принятии решений при подго-

товке армий к наступлению, недооценка врага, а подчас и излишняя медлительность. Такая неразбериха накануне операции вносила нервозность в среду командиров, непонимание происходящего, апатию, люди делали только то, что прикажут.

Одновременно с началом наступления Волховского фронта перешли к активным наступательным действиям войска Ленинградского фронта. Наступление армии развернулось на 30-ти километровом фронте с рубежа Вороново, Малукса, южный берег болота Соколий Мох в общем направлении на Тосно. В нем участвовали пять стрелковых дивизий, стрелковая, танковая бригады, бригада морской пехоты и три артполка РГК.

54-я армия Ленинградского фронта, которая шла на соединение с войсками Волховского фронта, встретила упорное сопротивление и никак не могла взять укрепленный узел обороны немцев у станции Погостье. Здесь развернулись упорные кровопролитные бои.

С первых дней операции дела у командующего армией пошли не так, как хотелось бы. Федюнинский провел не одну бессонную ночь, связываясь со штабами соединений, давая указания, уточняя сло-

жившуюся обстановку. После таких разговоров у командарма таяла уверенность в успехе операции, не было той твердости, которая должна быть у командующего армией. Причиной всему была малочисленность соединений вверенных войск. А уж если сам командир не уверен в успехе, то операция обречена на провал.

Ежедневно получая сводки и разговаривая с командующими дивизий, командарм все больше убеждался, что предпринятые действия по прорыву обороны противника, несмотря на все усилия, успеха не имели. Особенно плохо дела обстояли у 285-й дивизии полковника Свиклина.

К этому времени у Федюнинского созрел план о переброске одной дивизии в тыл врага за железную дорогу Кириши – Мга. Дивизия должна была действовать методом партизанской войны, препятствовать подвозу боеприпасов, переброске резервов, разрушать систему коммуникаций врага, то есть способствовать успеху наших войск. Выбор пал на 311-ю стрелковую дивизию полковника Биякова.

9 января на станцию Погостье наступала 3-я гвардейская дивизия, наступление закончилось неудачей. 16 января наступала 11-я стрелковая дивизи-

зия на ту же станцию – снова неудача, затем 285-я стрелковая дивизия, затем 281-я – и опять неудача. Федюнинский, анализируя очередную неудачу, пришел к выводу, что части дивизии действовали разрозненно, артиллерия неудовлетворительно взаимодействовала с пехотой: стрелковые части поздно выходили в атаку после артподготовки, плохо работала связь. Командиры полков плохо знали положение дел у соседей, свой провал старались оправдать отсутствием помощи с их стороны.

Постоянные требования командования Ленинградского фронта наступать приводили только к многочисленным потерям, так как вместо сосредоточения подходящих резервов и создания ударной группировки, их вводили в бой по частям. Характерным примером может служить воспоминания солдата-пехотинца Николая Николаевича Никулина:

«У станции Погостье начиналась так называемая Любанская операция. Наши войска, 54-я армия, должны были прорвать фронт, продвинуться до железнодорожной станции Любань и соединиться там со Второй ударной армией, наступавшей от Мясного Бора на Волхове. Предполагалось, что немецкая группировка под Ленинградом будет расчленена и

уничтожена, блокада снята. Что из этого замысла получилось – известно...

...В армейской жизни под Погостьем сложился между тем своеобразный ритм. Ночью приходило пополнение: пятьсот – тысяча – две – три тысячи человек. То моряки, то маршевые роты из Сибири, то блокадники (их переправляли по замерзшему Ладожскому озеру). Утром, после редкой артподготовки, они шли в атаку и оставались лежать перед железнодорожной насыпью. Двигались в атаку черепашьим шагом, пробивая в глубоком снегу траншею, да и сил было мало, особенно у ленинградцев. Снег стоял выше пояса, убитые не падали, застревали в сугробах. Трупы засыпало свежим снегом, а на другой день была новая атака, новые трупы...

Погостыинские бои были в какой-то мере типичны для всего русско-немецкого фронта 1942 года. Везде происходило нечто подобное, везде – и на Севере, и на Юге, и подо Ржевом, и под Старой Руссой – были свои Погостья...

Уже притупились тоска и отчаяние, которые пришлось тогда пережить. Представить это отчаяние невозможно, и поймет его лишь тот, кто сам на себе испытал необходимость просто встать и идти

умирать. Погибать, когда у тебя вся жизнь впереди и тебе всего семнадцать. И умереть придется без оркестра и речей, в грязи и смраде. Смерти твоей никто и не заметит. Ляжешь в большой штабель трупов у железной дороги и сгинешь, забытый всеми в липкой жиже погостыньских болот.

И все-таки Погостье мы взяли. Сперва станцию, потом деревню, вернее, места, где все это когда-то было. Пришла дивизия вятских мужичков, низкорослых, кривоногих, жилистых, скуластых. ...полезли они на немецкие дзоты, выкурили фрицев, все повзрывали и продвинулись метров на пятьсот... По их телам в прорыв бросили стрелковый корпус. Но перед ними встали новые укрепления.

Много убитых я видел до этого и потом, но зрелище Погостья зимой 1942 г. было единственным в своем роде!

...Здесь смешались трупы солдат многих дивизий, атаковавших железнодорожное полотно в первые месяцы 1942 года. Страшная диаграмма наших «успехов»!

...мимолетные, страшные картины запечатлелись в сознании навсегда, а в подсознании — еще

крепче: я приобрел здесь повторяющийся постоянно сон — горы трупов у железнодорожной насыпи».

Здесь необходимо поправить Н.Н. Никулина: дивизия «вятских мужичков» – это была уже воевавшая здесь 311-я стрелковая дивизия, она действовала в тылу противника и была выведена на соединение с войсками армии в конце января. Дивизия выполнила поставленную задачу, ее действия вызывали у противника тревогу – все обозы гитлеровцы посылали под прикрытием танков и усиленных патрулей. Но серьезно стоял вопрос снабжения, лыжные отряды были малоэффективны, вот и дал Федюнинский приказ выходить на соединение с войсками армии.

К этому времени здесь велись бои местного значения. На фоне общих неудач командарма опять порадовала 311-я стрелковая дивизия. Частям дивизии удалось вклиниться в оборону противника, но они были остановлены сильным огнем из блиндажей и дзотов. Тогда полковник Бияков приказал прицепить к танкам часть полковой и батальонной артиллерии. Продвигаясь вперед, танки тащили пушки, расчеты сидели на них, пехота следовала за танками. Метров за 200 до линии обороны орудия

разворачивали и открывали огонь по дзотам и блиндажам, а танки продолжали движение, расстреливая противника, или просто закрывали броней амбразуры. Опыт 311-й дивизии был распространен во всей армии. В дивизиях были созданы штурмовые группы, полностью оправдавшие себя.

Во второй декаде февраля 1942 года 198-я (комдив генерал-майор Н.М. Мартынчук), 311-я (комдив полковник С.Т. Бияков), и 11-я (комдив Щербаков) стрелковые дивизии заняли деревню Погостье и вели ожесточенные бои за лежащий западнее опорный пункт немецкой обороны Виняго-лово, что «запирал» единственную в этих местах большую грунтовую дорогу Оломна – Погостье – Костово – Шапки. Это были локальные успехи, и они не решали поставленных перед армией задач.

26 февраля 1942 года Ставка ВГК директивой №170127 приказывает командующему войсками Ленинградского фронта: «...усилив в течение 26–27 февраля ударную группу 54-й армии, не позднее 1 марта перейти в решительное наступление в общем направлении на Любань, с тем чтобы, сочетав удар 54-й армии с ударом войск Волховского фронта, общими усилиями фронтов полностью ликвидиро-

вать Любань-Чудовскую группировку противника и освободить железнодорожную линию. Любань – Чудово».

Для решения поставленной задачи Ставка ВГК передает 54-й армии 4-й гвардейский стрелковый корпус, включив в его состав 98-ю танковую бригаду.

Получив усиление, 54-я армия в первой половине марта 1942 года, сменив западное направление (на Тосно) на юго-западное, прорвала оборону противника в районе пос. Шала, продвинулись в сторону Любани до 25 километров, заняв пос. Зенино, Добрая и др. Правофланговая группировка 54-й армии освобождает пос. Кондуя, затем Макарьевскую Пустынь. До Любани оставалось пройти 15 километров, до соединения со 2-й ударной армией – 30 километров. Здесь она была остановлена немецкими войсками. Немцы позволили нашим частям втянуться в лесисто-болотистую местность, где не было дорог. Здесь их ждала очередная беда – распутица. Когда наши войска начали выходить на более-менее сухие места и угрожать Любани с востока, противник оказал жесткое сопротивление, переходящее в контратаки, и вытеснил наши части. При-

чиной было не только упорное сопротивление немцев, но и отсутствие коммуникаций армии, местность была непроходимой. Вот как вспоминали танкисты 16-й танковой бригады И.Н. Барышникова: «...Пути подвоза и эвакуации оказались в таком положении, что ни автомобильный, ни гужевой транспорт, ни даже трактора не могли двигаться. Боеприпасы и горючее подвозили только на танках, а продовольствие – на вьючных лошадях, что создавало большие перебои в снабжении. Боевые действия тяжелых и легких танков невозможны. Только средние танки Т-34 сохраняли свою боеспособность».

Войска генерала Федюнинского в районе пос. Дубовик пытаются раздвинуть южную стенку «погостьевского мешка» (так генерал Ф. Гальдер называл территорию, освобожденную войсками 54-й армии в феврале – марте 1942 года). Все попытки успеха не имеют. Наступило время «аппаратных игр».

22 апреля 1942 года генерал И.И. Федюнинский получает новое назначение – на Западный фронт, командующим 5-й армией. С чувством глубокого неудовлетворения и досады покидал 54-ю армию Федюнинский. Армия не выполнила постав-

ленных задач, за три месяца ожесточенных боев смогла отбить у противника четыреста квадратных километров лесов и болот, небольшое количество населенных пунктов, понеся при этом огромные потери – 43 тысячи бойцов. А ведь это была мощная группировка, состоявшая из 10 дивизий, пяти стрелковых и четырех танковых бригад, пяти артиллерийских полков, отдельных лыжных и аэросанных батальонов.

И.И. Федюнинский признавал свои ошибки, в мемуарах командарм писал: «Анализируя наступление 54-й армии, должен признать, что я как командующий, командиры дивизий и бригад допустили тогда немало ошибок. Если бы их не было, операция привела бы к иным результатам. Это убедительно подтвердилось год спустя, когда советские войска прорвали блокаду Ленинграда».

Тем не менее, немецкое командование вынуждено было снять полки и дивизии из-под Ленинграда для отражения наступления советских войск, тем самым непосредственная угроза блокадному городу была надолго ликвидирована.

5-я армия, в которую следовал генерал И.И. Федюнинский, отличилась в боях при контрнаступ-

лении Красной армии в декабре 1941 года под Москвой. Командовал ею генерал-полковник Л.А. Говоров, в тот момент он находился в госпитале на лечении после операции. 5-я армия держала оборону в районе Гжатска вместе с 33-й армией, которой командовал генерал К.А. Мерецков после освобождения от командования Волховским фронтом. Так что Федюнинский и Мерецков опять были соседями.

В штаб армии Федюнинский поехал на машине, путь оказался нелегким. Было время весенней распутицы. К тому же шла перегруппировка войск, Можайское шоссе и автомагистраль Москва-Минск были забиты нескончаемым потоком, двигавшихся по ним танкам и автомашин, тракторов и людей. Двигались медленно, постоянно натыкались на многокилометровые пробки. Федюнинскому вспомнились пробки на Юго-Западном фронте в начале войны. Здесь творилось нечто подобное.

Это была третья армия генерала И.И. Федюнинского за последние семь месяцев войны. Обилие транспорта на дорогах, постоянные пробки не обеспечивали ни скорости, ни удобств. Измотанный и уставший, он стал подумывать о ночлеге. Огля-

девшись, обратил внимание на каменный забор, над которым возвышалась колокольня. Это был Ко-лычевский монастырь. Оказалось, в монастыре размещается госпиталь. В госпитале произошла приятная встреча с сослуживцем по Дальнему Востоку и службе в Чите.

К полудню следующего дня командарм добрался до второго эшелона штаба армии. Не застав в штабе никого, Иван Иванович подумал, что пора и пообедать, но поесть не пришлось, так как время обеда давно миновало, остался только холодный суп и тот без хлеба. Тут ему вспомнился разговор солдат на одной из вынужденных остановок в лесу. Солдаты сетовали на плохое питание в армии. Только к вечеру следующего дня Федюнинский добрался до первого эшелона штаба армии, где его встретили начальник штаба генерал-майор Пигаревич и начальник оперативного отдела подполковник Перверткин.

Выслушав доклад Пигаревича, Федюнинский, глядя на карту, отметил, что армия занимает оборону по фронту 66,5 километров, соседи справа – 20-я армия генерала М.А. Рейтера, слева – дивизии 33-й армии. Выслушав доклад, командарм в первую оче-

редь распорядился выделить машины высокой проходимости и гужевого транспорт для подвоза продовольствия, при этом поделился своими дорожными наблюдениями, подчеркнув, что нормальное питание сейчас – первоочередное дело.

Соединения 5-й армии производили перегруппировку, занимались доукомплектованием, сколачиванием подразделений, совершенствованием оборонительных позиций. Ознакомившись со штабными делами, Федюнинский решил побывать в дивизиях, познакомиться с командным составом, осмотреть инженерные сооружения. Первой была 3-я гвардейская мотострелковая дивизия, бывшая 82-я мотострелковая дивизия, которой Федюнинский командовал в Монголии после ранения в боях на Халхин-Голе. Здесь командарм встретил немало бывших сослуживцев, они рассказывали о боях под Москвой, вспоминая погибших товарищей. Это была приятная встреча. Командир дивизии полковник Акимов гордился своими гвардейцами:

– Хорошо воюют, умело. Можете быть уверены, товарищ командующий, гвардейцы не поведут.

Это Федюнинского радовало. Он остался доволен и инженерными сооружениями – окопы отрыты на

совесть, землянки перекрыты бревнами в два и три наката, отрыты водоотводные канавы, так что в траншеях было сухо. В разговоре с личным составом дивизии командарм убедился в том, что в армии хорошо поставлена политическая работа, о которой в хвалебной форме рассказывал бригадный комиссар Абрамов при первой встрече. Было видно, что это была постоянная работа с личным составом по воспитанию и обучению солдат военному делу, чтобы бить врага наверняка. Участие старших командиров в воспитательной работе давало положительные результаты – дисциплина в дивизии была крепкой. Побывав еще в нескольких дивизиях, Федюнинский убедился, что агитационно-пропагандистская работа в армии была на высоте, в результате моральное состояние бойцов было высоким.

Особый патриотический подъем наблюдался в дивизии, которой командовал полковник Гладышев. Дивизия заслужила звание гвардейской в зимних боях. Высочайший героизм показали 17 солдат-пехотинцев, занявшие несколько дзотов противника. Они в течение тридцати часов вели ожесточенный бой с превосходящими силами врага, но не от-

ступили, заплатив за это своими жизнями. Это был пример патриотизма и служения Родине. О подвиге солдат-героев знала вся 5-я армия. Вручение знамени состоялось сейчас, весной.

И.И. Федюнинский вместе с ответственными работниками армии прибыл в дивизию. Представители всех частей дивизии – несколько тысяч солдат и офицеров – построились на опушке леса. Прозвучала команда «смирно», строй замер. Бойцы провожали глазами командира, который четким шагом шел к командующему армии, держа руку под козырек. Федюнинский передал ему знамя, полковник опустился на колени и поцеловал краешек полотнища. Стало так тихо, будто и не было здесь этих нескольких тысяч защитников Родины. В краткой речи Федюнинский поздравил гвардейцев с вручением знамени, в ответ прозвучало трехкратное «ура». Тем временем жизнь шла своим чередом: поступало пополнение, с ним проводилась определенная работа, чтобы вновь прибывшие могли быстрее почувствовать себя равноправными членами боевого коллектива. Федюнинский никогда не изменял своему принципу заботиться о простом солдате, и солдаты всегда чувствовали эту заботу.

Однажды на марше он встретил батальон, направлявшийся в 3-ю гвардейскую дивизию. Это было пополнение, состояло оно в основном из казахов и киргизов – люди из южных областей страны. Приказав майору, сопровождавшему батальон, построить его на поляне, Федюнинский сообщил, что он командующий 5-й армией, что 3-я гвардейская дивизия, куда направляется батальон, – это дивизия, воевавшая еще на Халхин-Голе и особенно отличившаяся под Москвой. Выслушав речь командарма, новобранцы высказали ряд претензий. Им обещали перед отправкой на фронт чаю и табаку, но они так ничего не получили. Зная традиции этих народов, командарм понимал, как трудно обойтись этим людям без чая и табака. Пообещав решить проблему, он заверил, что как только бойцы придут на место, все, что требуется, они получают. На прощание Федюнинский угостил их папиросами из своих запасов. Как только батальон тронулся в путь, командарм распорядился выдать новобранцам все необходимое. Через некоторое время Федюнинскому пришлось ехать в 3-ю гвардейскую дивизию, она отмечала свою годовщину. После торжественного построения к командарму бросилось около

сотни казахов и киргизов. Они благодарили Ивана Ивановича за выполненное обещание, теперь он для них стал лучшим другом, кунаком. Они хорошо воевали, были отличными снайперами.

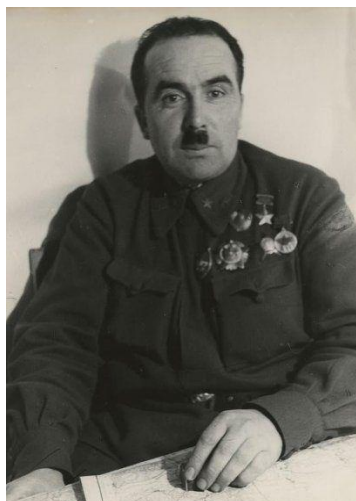
Как-то в штаб армии позвонили из Наркомата иностранных дел и сообщили, что Федюнинский должен будет принять у себя американского и английского военных атташе. Ему еще никогда не приходилось иметь дело с иностранными представителями, но вопрос был даже не в том, как себя держать, а чем кормить, угощать?

В день, когда должны были прибыть иностранные гости, Федюнинского вызвали в штаб фронта. Отдав соответствующие указания, командарм отбыл в штаб. По прибытии, выслушав доклад начальника штаба Пигаревича, командарм попросил сообщить гостям, что встреча состоится в 20 часов за ужином, а пока приказал организовать поездку в 20-ю танковую бригаду, где имелись танки «Валлейнтайн» и «Матильда».

Встреча проходила в землянке командарма. Столом он остался доволен, угощение напомнило ему праздники мирных дней.

Разговор начался с незначительных вещей, за-

тем гости были приглашены поужинать, произнесли несколько тостов за победу над врагом – фашизмом, за то, чтобы война была последней, и так далее. Были и вопросы об управлении войсками: почему Красная армия отказалась от корпусной структуры? Для командарма это был действительно серьезный вопрос, так как именно это обстоятельство было узким местом в управлении на данном этапе войны. Англичанин терпеливо ждал, но Федюнинский дипломатично ушел от ответа, высказав мысль, что многое зависит от штаба и его начальника. Было видно, что ответ англичанина не удовлетворил. Были и другие вопросы, в частности о значении второго фронта. Вопрос был деликатный, и ответ последовал тоже деликатный: «что легче — драться с врагом один на один или втроем бить одного врага?» Англичанин только улыбнулся.

Далее гости были приглашены в рабочую землянку Федюнинского, где висела карта районов Гжатска, Вязьмы. Пометок на ней не было. Переводчик, расхаживая по землянке, подошел к карте и как бы невзначай стал ее рассматривать.

Не поворачивая головы, Федюнинский сказал: «Господин Паркер, я никогда не наношу на карту своих замыслов раньше, чем это становится совершенно необходимым. Это принцип великих русских полководцев Суворова и Кутузова». На следующий день гости после завтрака отбыли в Москву.

К этому времени на Можайском направлении установилось определенное спокойствие. Западный фронт как бы замер, закопался в землю. Бои шли южнее – на Брянском, Юго-Западном, Южном фронтах, Донбассе, Дону, на воронежском направлении, на Кавказе.

В это время пришел приказ от 13 июля 1942 года о присвоении И.И. Федюнинскому звания генерал-лейтенанта.

Наступил август. 5-я армия приняла линию обороны 20-й армии генерала М.А. Рейтера. Фронт готовился к боям. Они начались в середине августа, но это были бои местного значения. 5-я армия ча-

стью сил наносила удар по опорным пунктам противника Самуйлово и Карманово. В первые дни боев войска продвинулись на несколько километров, были захвачены значительные трофеи, но затем продвижение остановилось. Противник подтянул резервы из Гжатска и Вязьмы, было предпринято несколько сильных контратак.

Во время этих боев Федюнинский отправился в 3-ю гвардейскую мотострелковую дивизию, которой командовал генерал-майор Акимов (это воинское звание он получил накануне боевых действий). После доклада Акимов решил уточнить, почему командарм так долго находился в пути. В этот момент на наблюдательный пункт, где они находились, противник произвел сильный артиллерийский налет, что удивило и Акимова, и командарма. Федюнинский спросил, часто ли бывают такие налеты.

– Нет, сегодня в первый раз, – последовал ответ.

После отъезда наблюдательный пункт подвергся еще и бомбардировке. Это насторожило Федюнинского. Он предположил, что противник прослушивает их переговоры. Командарму вспомнились факты такой прослушки еще в 54-й армии под

Волховом, и он решил проверить. Организовал ложную встречу с командиром одной из дивизий, и предположения подтвердились. Место, где должна была состояться «встреча», бомбардировали немецкие самолеты. После этого было дано указание о соблюдении строгой секретности переговоров по телефону.

Бои продолжались весь октябрь. 5-я армия улучшила свои позиции, но тут осень вступила в свои права, зарядили дожди, началась распутица. Войска армии на всем фронте перешли к обороне.

Прорыв блокады

Уезжая с Волховского фронта в апреле 1942 года, могли И.И. Федюнинский подумать, что спустя полгода он вновь окажется в знакомых по предыдущим операциям местах.

Осенью 1942 года пришла телеграмма из Ставки, в которой Федюнинскому предписывалось прибыть в Москву, передав командование 5-й армией генерал-полковнику И.Т. Черевиченко.

Путь в Москву лежал через Малоярославец, где находился штаб Западного фронта. В штабе Федюнинского принял командующий фронтом генерал И.С. Конев. На вопрос, зачем вызывают в Москву, Конев ответил, что, по-видимому, направят в Ленинград. На следующий день все встало на свои места, Федюнинский был назначен заместителем командующего войсками Волховского фронта. В Москве Иван Иванович встретился с командующим фронтом генералом армии К.А. Мерецковым. До этого момента они сравнительно мало знали друг друга, хотя и воевали рядом. В беседе с командующим фронтом Федюнинский узнал о готовящейся операции по прорыву блокады Ленинграда. Ему предстояло стать

не только заместителем Мерецкова, но и ответственным за прорыв блокады на правом крыле Волховского фронта. «Работать придется много, дела очень важные. Места вам хорошо известны, Иван Иванович, а значит, вам и карты в руки», – подытожил разговор командующий. Здесь же договорились, что Федюнинский большую часть времени будет проводить не в штабе, а в дивизиях и полках, чтобы можно было контролировать подготовку к предстоящей операции.

Волховский фронт к декабрю 1942 года держал оборону между озерами Ильмень и Ладожским. Участок фронта от местечка Бугровский до Гайтолово обороняли четыре дивизии 2-й ударной армии. Остальные дивизии армии располагались в 15-20 километрах от фронта и занимались боевой подготовкой. Левее 2-й ударной армии, на рубеже Гайтолово – Лодва – Кириши, держали оборону 8-я и 54-я армии, а далее от Киришей до озера Ильмень по реке Волхов – 4, 59, 52-я армии.

В результате обсуждения и согласования планов фронтов 2 декабря 1942 года Ставкой ВГК издается директива № 170696 со следующими решениями:

«1. План операции по Волховскому и Ленинградским фронтам утвердить.

2. Операцию ударной группы Волховского фронта проводит командарм 2-й ударной армии под непосредственным руководством зам. ком. фронтом генерал-лейтенанта Федюнинского. Ком. фронтом помимо своих обязанностей по фронту осуществляет наблюдение за действиями вспомогательной группы войск.

3. Операцию ударной группы Ленинградского фронта проводит командарм 67-й армии под непосредственным руководством командующего фронтом ген.-лейтенанта тов. Говорова.

4. Готовность операции – к 1 января 1943 года.

5. Операцию при телефонных разговорах и переписке именовать «Искра».

6. Координация действий обоих фронтов поручается маршалу Ворошилову К.Е.».

Окончательный общий замысел операции Волховского и Ленинградского фронтов был определен директивой Ставки от 8 декабря 1942 года № 170703, подписанной Сталиным и Жуковым:

«Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку про-

тивника в районе Липка, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург и, таким образом, разбить осаду гор. Ленинград, к исходу января 1943 г. операцию закончить.

Закрепившись прочной обороной на линии р. Мойка, пос. Михайловский, Тортолово, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта, после чего войскам дать 10-дневный отдых.

В первой половине февраля месяца 1943 года подготовить и провести операцию по разгрому противника в районе Мги и очищению Кировской жел. дороги с выходом на линию Вороново, Сиголово, Войтолово, Воскресенское.

По окончании Мгинской операции войска перевести на зимние квартиры».

Подготовка к операции «Искра» проходила в более благоприятных условиях, чем все предыдущие. Перестройка народного хозяйства позволяла обеспечить армию всем необходимым. К концу 1942 года Красная армия имела 24504 танка и САУ, в том числе 12520 танков Т-34 и 2553 КВ, 174887 орудий и минометов, 25436 самолетов, 6657 зенитных пушек. К 1 января 1943 года в танковых частях преобладали Т-34 и КВ, в авиационных – истребители

ЯК-9, Ла-5, бронированные штурмовики ИЛ-2, которые немцы называли «черной смертью». Как отмечал генерал Федюнинский: «В материальном отношении ударные группировки фронтов были полностью обеспечены всем необходимым для успешного проведения операции... Ударная группировка в полосе прорыва нашего фронта имела более чем пятикратное превосходство в силах и средствах».

Войскам фронта предстояло прорвать сильно укрепленную оборону противника. Местность здесь лесисто-болотистая, что затрудняло возможность маневрировать танками и артиллерией. Оборона противника состояла из опорных пунктов. По передней линии проходила сплошная траншея. Там, где болотистая почва не позволяла рыть окопы, противник возвел ледяные валы, построил двухрядные бревенчатые заборы и насыпал между ними землю. На каждый километр фронта имелось 20-25 огневых точек, связанных между собой ходами сообщения, с большим запасом боеприпасов. Все это наше командование знало, а вот какие силы противника будут противостоять нашим войскам, и где есть слабые места, – это Федюнинскому предстояло еще узнать.

Всеми видами разведки было установлено, что по линии обороны противника от Липок – Гайтолово – Поперечье, где намечался прорыв, оборонялись 227-я пехотная дивизия, 1-я пехотная дивизия, 374-й полк 207-й пехотной дивизии, 425-й полк 223-й пехотной дивизии. Численный состав пехотных дивизий был достаточно большим, достигал 10-12 тысяч военнослужащих. Части на этом участке фронта находились постоянно и имели большой опыт ведения оборонительных действий. Части имели до 450 орудий всех калибров, до 250 минометов и 50 танков и штурмовых орудий. Генерал Гальдер в своем дневнике отмечал, что Гитлер не менее трех раз лично вникал в вопросы обороны этого участка фронта (последний раз – после Снявинской операции), требуя, чтобы «горлышко бутылки» стало неприступной крепостью, здесь его ширина составляла 8-12 километров по фронту. Эту «крепость» и предстояло прорвать ударной группировке Волховского фронта. На полосе прорыва необходимо было овладеть узлами сопротивления: Липки, Рабочий поселок №8, роща Круглая (последняя сыграла роковую роль в ходе операции Снявинская (1942)), овладеть Гайтолово. Далее, продви-

гаясь в западном направлении и в сторону Синявино, вторым эшелоном необходимо было овладеть узлами сопротивления в Рабочих поселках № 1, 5, 7, в Синявино, соединиться с войсками Ленинградского фронта по линии Рабочий поселок №2 – Рабочий поселок №6 и далее развивать наступление в южном направлении.

В ударную группировку Волховского фронта входили вторая ударная армия и часть войск 8-й армии, последняя должна была обеспечить левый фланг 2-й ударной. Наступать в направлении Тортолово – поселок Михайловский, чтобы сковать часть неприятельских сил. На первое января 1943 года в состав 2-й ударной армии входили 12 стрелковых дивизий, 12-я и 13-я лыжные бригады, 4 танковых бригады (16, 98, 122, 185-я), отдельный танковый полк и 4 танковых батальона, 38 артиллерийских и минометных полков, 2 инженерных бригады, 6 отдельных саперных батальонов.

После разработки соответствующих мероприятий командующим фронтами необходимо было согласовать действия ударных группировок. К.А. Мерецков и И.И. Федюнинский выехали в Ленинград. Совещание проходило в Смольном. Обсуждались

вопросы взаимодействия, был принят и ряд судьбоносных решений. В частности было условлено, что если одна из группировок не подойдет к намеченному рубежу встречи на линии Рабочих поселков №2 и №6, то другая продолжает наступление. Была принята и договоренность, что прорыв обороны противника и соединение войск необходимо осуществить в течение семи дней. Здесь же был согласован план артиллерийского огня в полосе наступления ударных группировок. Артиллерийская подготовка в полосе 2-й ударной армии планировалась продолжительностью 1 час 45 минут. Плотность огня составляла 180 орудий и минометов на один километр фронта. Такой огневой насыщенности не было ни в одной из предыдущих операций битвы за Ленинград. Плотность танков 2-й ударной армии достигала 20-ти танков на километр в первом эшелоне, а с вводом второго эшелона – 30-32 на километр фронта. Поддерживать наступающие войска 2-й ударной и 8-й армий должны были силы 14-й воздушной армии, сформированной в августе 1942 года (командующий генерал-майор И.Г. Журавлев).

Федюнинский хорошо помнил уроки Любанской операции и понимал, что личный состав армии

должен знать и уметь преодолевать оборону противника, а для этого людей надо учить. На учениях требовал от командующих всех звеньев управления четкой отработки вопросов взаимодействия всех родов войск в ходе наступления, особенно артиллерии и пехоты. На полигонах были возведены и политы водой снежные валы, подобные немецким. На одном из таких учений Федюнинский с командующим 2-й ударной армии Романовским (он сменил в декабре месяце генерала Клыкова) побывал. Наблюдая за ходом учений, Федюнинский обратил внимание, что задачу подразделение не выполнит, оборона не будет прорвана. Танк не пробил вал, пехота остановилась. Федюнинский разобрал ход учений, сказав, что трудности нельзя умять, но не нужно их и преувеличивать – у противника нет такой ширины вала. Следующая «атака» прошла успешно. Подобные занятия проходили во всех дивизиях 2-й ударной армии. Части 372-й стрелковой дивизии своих солдат обучали на полигоне в районе деревни Путилово, где были воспроизведены укрепления Рабочего поселка №8, пехота шла за огневым валом с боевыми стрельбами.

Готовя войска к предстоящей операции, Федюнинский совместно с Романовским учил командиров соединений, частей и подразделений широко использовать маневр в наступлении, не ограничиваться фронтальными ударами по опорным пунктам врага, вести непрерывную разведку с фланговыми ударами.

Особую озабоченность у Федюнинского вызывали части, прибывшие из других районов и не имевшие опыта ведения боевых действий в таких условиях. Прибывшие больше оборонялись, а не наступали. Заместителю командующего фронтом пришлось больше бывать в 71-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.З. Замировского, прибывшей с Карельского фронта, и 18-й генерал-майора М.Н. Овчинникова, прибывшей из-под Сталинграда.

Предметом пристального внимания Ивана Ивановича было обеспечение скрытности подготовки операции, враг не должен был не только знать о ней, но и подозревать. Перегруппировку войск производили исключительно в ночное время или в нелетную погоду. При проведении разведки боем и ночных вылазок привлекались части, находившиеся непосредственно в соприкосновении с противни-

ком. Работа дала определенный результат, немцам лишь незадолго до начала операции удалось установить, что наши войска готовятся к наступлению, но время и силу удара им установить не удалось.

На переднем крае находились войска 8-й армии. Федюнинский и Романовский не раз бывали в этих частях, но чаще всего в тех, которые не привлекались к наступлению. В последнюю контрольную поездку они представились как новые работники штаба фронта.

Романовский высоко ценил работу Федюнинского по подготовке операции, Иван Иванович дневал и ночевал в войсках. Постоянно обращал внимание на укрепление единоначалия, на знание и выполнение воинской присяги, воспитание у личного состава ненависти к фашистским захватчикам. Чем ближе приближался день наступления, тем больше у него крепла уверенность в успехе операции.

В последних числах декабря 1942 года командующий 2-й ударной армией В.З. Романовский обсуждал проделанную работу с членами Военного Совета армии А.А. Кузнецовым, В.Т. Писклюковым и начальником штаба П.И. Кокаревым. Вроде бы все

вопросы обсудили, в этот момент зашел Федюнинский.

И.И. Федюнинский, обращаясь к А.А. Кузнецову, спросил:

– Строите железную дорогу через Ладогу?

– Работы идут полным ходом.

– Думаю, что их не придется заканчивать. На этот раз мы блокаду обязательно прорвем!

А.А. Кузнецов – член Военного Совета Ленинградского фронта и секретарь горкома партии – прибыл в армию накануне наступления.

– Романовский тоже об этом говорит, – ответил Кузнецов. – Да ленинградцы народ осторожный. Верят не словам, а делам...

Замечание Кузнецова напомнило Федюнинскому об огромной ответственности, которая лежала на нем лично и на 2-й ударной армии.

Об итогах работы по подготовке к операции по прорыву блокады Ленинграда необходимо было доложить до 1 января 1943г. Работа к этому дню была практически закончена, войска были готовы к наступлению.

К этому времени коренным образом изменилась стратегическая обстановка на советско-

германском фронте. Начатое в ноябре 1942 года контрнаступление войск Красной армии на Юго-Западном и Сталинградском фронтах позволило окружить с дальнейшей капитуляцией более чем 300-тысячную группировку 4-й танковой и 6-й армии под командованием генерал-полковника Паулюса, ведущего разработчика плана «Барбаросса».

10 января, накануне наступления, в армию прибыли представители Ставки К.Е. Ворошилов и Г.К. Жуков, а также командующий фронтом К.А. Мерецков. Выслушав доклад командующего армией Романовского, Георгий Константинович сделал ряд замечаний. Уже при докладе Верховному Главнокомандующему Жуков обратил особое внимание, что в дивизиях, наступающих в направлении Рабочего поселка №8, отсутствуют танки и недостаточно огневых средств, что не гарантирует прорыв обороны противника, слишком близко расположены к первому эшелону дивизионные резервы. Это были не только замечания, но и конкретная помощь: Жуков запросил у Ставки срочно подать для фронта воздухоплавательный аэростатный отряд, одно-два звена самолетов-корректировщиков и дополнительно отпустить свыше 100000 снарядов различно-

го калибра. Были внесены коррективы в артиллерийскую подготовку. Все недостатки были срочно устранены. Это были просчеты заместителя командующего фронтом Федюнинского и командующего 2-й ударной армией Романовского в ходе подготовки операции.

11 января еще раз уточнялись вопросы взаимодействия, проверялась разветвленная сеть связи. Были зачитаны приказы командующих фронтов, письма трудящихся блокадного Ленинграда. Ночью наши войска заняли исходное положение в 300-500 метрах от первой траншеи противника. Штабы соединений продвинулись ближе к войскам.

В первом эшелоне было пять стрелковых дивизий, усиленных артиллерийскими полками и саперными частями, тяжелый танковый полк и танковая бригада. Второй эшелон составляли 4 стрелковых дивизии и три танковых бригады. Одна стрелковая дивизия и две лыжные бригады находились в районе села Путилово в армейском резерве.

Ночь перед наступлением прошла в тревожном ожидании, Федюнинскому не спалось, снова и снова он смотрел на карту, изученную, казалось бы, до мелочей. Вот он, шлиссельбургско-синявинский

выступ, разделяющий два фронта. Всего-то 12-15 километров. В мирное время его можно пройти пешком за каких-нибудь три часа, но сейчас? Это сильно укрепленный участок фронта, смогут ли его с боями пройти за неделю наши войска? Приближалось время артиллерийской подготовки.

Раскаты артиллерийских залпов возвестили о начале операции, Федюнинский посмотрел на часы – было 9 часов 30 минут. 4,5 тысячи орудий и минометов калибра 76 мм участвовало в артподготовке, которая продолжалась 2 часа 20 минут. За 40 минут до начала атаки в воздухе появилась штурмовая авиация фронтов группами по шесть-восемь самолетов. Они атаковали опорные пункты и огневые позиции артиллерии противника в районах Рабочих поселков №№ 4, 5, 7, а также Синявино.

В 11 часов 15 минут на участке Липки – Гайтолово перешли в наступление войска первого эшелона 2-й ударной армии, а через 20 минут вражеские позиции атаковали правофланговые соединения 80-й стрелковой дивизии полковника Н.И. Симонова и 73-я стрелковая бригада полковника И.Н. Бураковского 8-й армии.

В первом эшелоне 2-й ударной армии наступала 128-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф.Н. Пархоменко, охватывающая опорный пункт Липка с юга. 372-я стрелковая дивизия полковника П.И. Радыгина наступала на опорный пункт Рабочий поселок №8, 256-й стрелковой дивизии полковника Ф.К. Фетисова необходимо было прорвать фронт между Рабочим поселком №8 и рощей Круглой. На рощу Круглую наступала 327-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н.А. Полякова. Южнее – 376-я стрелковая дивизия генерал-майора Н.Е. Аргунова с задачей овладеть опорным пунктом Гайтолово.

В первый день наступления наибольших успехов добилась 327-я стрелковая дивизия полковника Полякова. На этом участке фронта были развернуты основные танковые силы армии, плотность артиллерийского огня против рощи Круглой составляла 350 орудий на километр фронта. Враг был выбит из первой траншеи, но продолжал оказывать упорное сопротивление в многочисленных оборонительных сооружениях. За день дивизия уничтожила 366-й пехотный полк 227-й пехотной дивизии немцев, захватила 16 орудий, 15 пулеметов, 4 радиостанции,

более 1000 снарядов, разбила 70 долговременных сооружений.

В роще Круглой оставалось еще немало прочных дзотов, вооруженных одним-двумя орудиями, двумя-тремя пулеметами. Они мешали продвижению наших войск вперед. Федюнинский с Романовским дали команду подтянуть артиллерию и бить по дзотам прямой наводкой. Решение дало результат. Поздно вечером комдив Поляков доложил: «...части дивизии овладели рощей Круглой, вышли на ее опушку и развивают наступление в западном направлении».

К исходу дня нашим войскам удалось продвинуться на два, а в отдельных местах и на три километра, прорвав первую позицию немцев севернее и южнее Рабочего поселка №8. В ночь на 13 января наши войска закрепились на достигнутых позициях, чтобы с утра снова перейти в наступление. Командующий 2-й ударной армией Романовский ввел в бой из второго эшелона две стрелковые дивизии и одну танковую бригаду.

Командование группы «Север» приказало командующему 18-й армией не допустить прорыва линии фронта. Противник начал подтягивать к поло-

се прорыва оперативные резервы. На станцию Мга из района Тосно прибыли три эшелона с пехотой и один с артиллерией. Уже на третий день операции в полосе наступления Волховского фронта были введены в бой вновь прибывшие 61-я и 69-я пехотные дивизии, а в последующие дни 212-я и 170-я пехотные дивизии и ряд других частей, в том числе и артиллерийских.

Для координации действий наших частей Федюнинский отправился на передовую. Первой он посетил 239-ю стрелковую дивизию, которой командовал генерал-майор П.Н. Чернышев. Добравшись до наблюдательного пункта дивизии, посмотрев на карту, Иван Иванович сразу же отметил, что НП находится слишком далеко от боевых порядков полков. Выслушав доклад Чернышева, Федюнинский понял, что комдив плохо знает обстановку в полках дивизии. С наступлением ночи боевые действия прекратились, что давало возможность противнику подтягивать резервы и производить перегруппировку войск. Федюнинский знал, что из района поселка Михайловского сюда выдвигалась 1-я пехотная дивизия. Произведя некоторую перегрупп-

пировку, наши части в районе проверки провели успешную ночную атаку.

Вернувшись на НП дивизии, Федюнинский высказал серьезное замечание Чернышеву за плохую организацию связи, нераспорядительность, плохое знание обстановки, за то, что он и его штаб оторвались от частей. За остаток ночи Иван Иванович побывал ещё в двух дивизиях, требуя от командующих немедленного продолжения активных действий, чтобы не дать возможности противнику маневрировать войсками.

Тем временем бои разгорались с новой силой. Неуклонно, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, продвигались вперед соединения 2-й ударной армии Волховского фронта. 256-я стрелковая дивизия полковника Ф.К. Фетисова овладела станцией Подгорной, повернула фронт наступления на юго-запад и завязала бои на подступах к Синявино. Полки 372-й стрелковой дивизии дружно атаковали Рабочий поселок №8, его обороняли части 227-й пехотной дивизии. Здесь превосходство было у немцев, это была свежая, полного штата дивизия, прибывшая из Франции в наши боюта. Наше наступление временно затормозилось.

Причина банально проста: указания генерала армии Г.К. Жукова не были выполнены до конца. В этом была вина Федюнинского и Романовского – не прислушались. К 17-му января наши войска полностью овладели Рабочим поселком №8 и подошли с востока к Рабочему поселку №1. После упорных боев части 128-й стрелковой дивизии овладели деревней Липки, а 180-я стрелковая дивизия вплотную подошла к Рабочему поселку №5.

Поздно вечером 17 января Федюнинский находился в штабе 2-й ударной армии. В.З. Романовский и Федюнинский, смотрели на карту боевых действий, на которой начальник штаба армии П.И. Кокарев делал оперативные пометки. Каждый для себя отметил, что армии разделяет коридор шириной 1,5-2 километра.

– Завтра! – уверенно сказал командарм.

– Да, не позже чем завтра, – подтвердил Федюнинский, понимая, что генерал Романовский имеет в виду соединение фронтов.

18 января 1943 года в 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка №1 воины 123-й стрелковой дивизии 67-й армии встретились с подразделениями 372-й стрелковой дивизии 2-й удар-

ной армии Волховского фронта, а в 11 часов 45 минут части 136-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта северо-западнее Рабочего поселка №5 соединились с подразделениями 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Среди первых волховчан, встретивших ленинградцев, были заместитель командира дивизии полковник Н.Г. Ляшенко, командир 414-го стрелкового полка подполковник В.И. Шкель, солдаты: Василий Дзюба, Петр Леванов, сержант Владимир Васильев, лейтенант Горов. К 14 часам все части 2-й ударной армии соединились с ленинградскими и повернули фронт на 90 градусов на Запад, на Синявинские и Келкоровские высоты.

Во второй половине того же дня части 86-й стрелковой дивизии полковника Трубачева освободили от противника Шлиссельбург, а в 18 часов 40 минут подразделения 284-го стрелкового полка 86-й дивизии, продвигаясь вдоль ладожских каналов на восток, соединились с бойцами 128-й дивизии Волховского фронта.

Таким образом, 18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана! Образовался Приладожский коридор прорыва шириной от 8 до 11 километров. Главная задача операции «Искра» была

выполнена. Конечно, всех задач решить не удалось, но по-новому организовать жизнь и борьбу ленинградцев получилось.

Весть об этом событии до ленинградцев дошла около полуночи, ее трижды повторили по радио. Ленинградцы радовались всю ночь, поздравляли друг друга с победой. Радовался этому событию и Иван Иванович Федюнинский, ведь за полтора года войны судьба крепко связала его с этим прекрасным городом.

Победа была большая, но ее следовало закрепить. Немецкое командование не желало мириться с поражением. Федюнинский с работниками штаба фронта отчетливо видел, что левому флангу фронта угрожает опасность. Противник усиливал свежими войсками район Синявинских высот. Было понятно, что гитлеровцы попытаются восстановить блокаду Ленинграда. Командование фронта приняло необходимые меры, тремя дивизиями усилило левый фланг. Для уточнения задач на местности Федюнинский с командирами выехал в район рощи Круглой.

Ехали на автомашине заместителя командующего фронтом. Противник заметил их и сделал

непродолжительный огневой налет. Осколки повредили двигатель, машина остановилась. Когда офицеры вышли из автомобиля, огневой налет повторился. Начали рваться мины, что-то сильно ударило Иван Ивановича в правое бедро, в этот момент ранило и шофера Александра. Так они лежали около машины, пока не подоспели порученец, адъютант и офицеры оперативного штаба. Раненых перевязали и повезли на КП полковника Вержбицкого, где врач сделал новую перевязку, а затем на санитарной машине оправили в полевой госпиталь в деревне Горка.

Госпиталем командовал хирург профессор А.А. Вишневский, они были хорошими знакомыми, если не сказать друзьями. Вишневский осмотрел рану и сказал: «Буду оперировать, причем сегодня же». Ожидая операцию, Федюнинский успел побеседовать с К.А Мерецковым и Л.З. Мехлисом, но много говорить не дали, пришли санитары и увезли в операционную. Операция длилась довольно долго, около двух часов. Вишневский подарил на память осколок – зазубренный кусочек металла размером почти в четыре квадратных сантиметра. Лечился Федюнинский здесь же, в полевом госпитале, отказавшись ехать в тыловой.

Наступили тяжелые дни лечения, скучный быт,

читать практически не давали. Иван Иванович пересчитал все сучки, которые были на досках обшивки дома. Пришла и радостная весть. Появились генерал армии К.А Мерецков и генерал-лейтенант Л.З. Мехлис в новой, еще непривычной на тот момент, только что введенной форме с погонями. Они от имени Президиума Верховного Совета СССР вручили Федюнинскому высокую государственную награду – орден Кутузова I степени. Федюнинский встать не смог, поэтому принял награду, лежа в постели. Чтобы скрасить скучный быт заместителю командующего фронтом, порученец Чуканов по поручению Военного совета фронта привез жену Федюнинского, Елену Владимировну. Первый вопрос жены при встрече: что, опять в ногу? Три раза за службу был ранен Иван Иванович и все три раза в правую ногу. Первый – в 1920 году, в Гражданскую, в 1939 году – на Халхин Голе и вот теперь, при прорыве блокады Ленинграда.

После лечения Федюнинский приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Командование Волховского фронта предпринимало попытки улучшить положение в районе Синявинских высот.

Представителем Ставки ВГК прибыл Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. По приказу командующего фронтом Федюнинский сопровождал Тимошенко, который знакомился с районом оборо-

ны армии. Тимошенко детально изучал местность перед передним краем обороны. Занятие это было опасным, так как немцы часто обстреливали автомашины, находящиеся вблизи линии обороны. Тимошенко не любил, как он выражался «ползать по блиндажам» отшучиваясь:

– Стреляют? Что ж, на то и война, – пожимал он широкими плечами.

Так прошел месяц, наступила весна, в этот момент Федюнинский получил приказ о новом перемещении, на этот раз на Брянский фронт.

Брянский фронт

Знакомьтесь, – сказал командующий Брянским фронтом генерал-полковник М.А. Рейтер, – генерал-лейтенант Федюнинский назначен первым заместителем командующего.

В то время, когда Федюнинский был переведен на Брянский фронт, линия фронта переместилась далеко на запад. Она проходила почти по прямой от Баренцева моря до Орла, затем поворачивала на запад, образуя большой выступ в районе Курска, и далее тянулась до Таганрога. Здесь образовалась большая дуга, глубоко вдававшаяся в расположение немецко-фашистских войск. Это создавало выгодные условия для осуществления ударов по флангам группировок противника в районе Орла и Брянска.

Командующий фронтом ознакомил своего заместителя и присутствующих с картой, лежащей на большом столе. Из слов генерала Рейтера, Федюнинский понял, что в ближайшее время войскам предстоит участвовать в наступательной операции на Орел. Точный срок начала операции еще не был известен, но для прорыва оборонительных укреплений противника подготовку необходимо было начинать уже сейчас. – Имеются все условия, чтобы развернуть боевую учебу, но прежде рекомендую побывать в войсках, – подытожил разговор генерал

Рейтер.

Знакомство с войсками Федюнинский начал с одной из дивизий 61-й армии, предложив комдиву поехать на наблюдательный пункт. НП находился на втором этаже двухэтажного здания, окруженного высоким кирпичным забором. Поднявшись на второй этаж, Федюнинский в бинокль отчетливо увидел на западном берегу Оки немецких солдат, которые чем-то серьезно занимались.

– Чем это они там занимаются? – поинтересовался Федюнинский.

– По всей видимости, минируют, товарищ генерал, – последовал ответ командующего артиллерией дивизии.

– Так почему же вы не стреляете? Немедленно прикажите открыть огонь.

Федюнинский надеялся, что вскоре послышатся выстрелы, но их пришлось ждать около часа. Снаряды легли далеко от цели. Так началось знакомство замкомфронта с частями. Подобную беспечность и пассивность он еще не раз встречал в войсках.

Познакомившись с дивизиями, Федюнинский занялся подготовкой войск к предстоящей операции. Командиры армий с пониманием отнеслись к предстоящей работе по обучению личного состава.

Особое внимание было обращено на форсирование реки Оки. По предложению Федюнинского было найдено проточное озеро и сооружен водный

«полигон», где саперы, пехота отрабатывали преодоление водных преград. Проводились специальные занятия со всеми службами. Федюнинский провел ряд занятий с командирами полков и батальонов. На слушаниях учили младших командиров, как лучше применять маневр при одолении опорных пунктов противника, активно действовать ночью, используя резервы и специальные отряды – это был опыт, полученный при прорыве блокады Ленинграда. Учеба длилась более месяца.

За несколько дней до начала наступления Ставка отозвала в свое распоряжение генерал-полковника М.А. Рейтера. В должность командующего войсками Брянского фронта вступил генерал-полковник М.М. Попов.

Операция по разгрому фашистских войск в районе Орла началась 12 июля 1943 года. В ней принимали участие войска Брянского и Западного фронтов и часть Центрального.

Брянский фронт должен был наносить удары из районов Болхова и Новосия 3-й и 63-й армиями и 61-й при взаимодействии с 11-й гвардейской армией Западного фронта. После артиллерийской подготовки, длившейся 1 час 45 минут, войска форсировали реку Зушу, прорвали главную оборону противника. Наступление продолжалось успешно. За три дня боев войска фронта расширили полосу прорыва до 36 километров. Части 61-й армии Бело-

ва, успешно форсировав реку Оку, продвинулись на двадцать километров и вышли на подступы к городу Болхов. 14 июля 1943 года Федюнинский находился на КП 61-й армии, куда поступил приказ срочно выехать в район Калуги и принять командование 11-й армией.

К этому времени армия находилась на марше в районе Козельска. Предшественника Федюнинский не застал, он отбыл в Москву. Побеседовав с членом Военного совета генералом С.И. Панковым и начальником штаба генералом Н.В. Корнеевым, Федюнинский понял, что армия к назначенному времени на место не прибывает, а вводить ее по частям нецелесообразно. В практике командования у Федюнинского такое уже было. Это приводило к ненужным потерям, кроме того, армия испытывала острую нехватку боеприпасов для стрелкового оружия и артиллерии. Предложение сосредоточить всю армию для удара принято не было. Командующий Западным фронтом в резкой форме заявил, что задачу необходимо будет решать, даже если придется вводить в бой только одну дивизию.

На рубеже Лешево – Кцынь находились соединения одного из корпусов 11-й гвардейской армии. Побеседовав с начальником штаба корпуса, Федюнинский понял, что оборона противника здесь организована основательно, с хорошей системой огня. Для решения поставленной задачи необходи-

мо было произвести мощный артиллерийский налет, но боеприпасов было недостаточно. Обстановка складывалась неутешительная, требовалось время для действия наверняка. Федюнинский доложил командующему фронтом и попросил пять-шесть дней для подготовки, но командующий своего решения не изменил.

20 июля на стыке 59-й и 11-й гвардейской армий были введены в бой 135-я и 369-я стрелковые дивизии 11-й армии с задачей наступать в направлении Хвостовичей. Усталость после марша, скудные и неточные сведения о противнике сразу сказались на результатах наступления. Растянулись тылы, артиллерия еще находилась на марше, армия была не готова для нанесения глубокого удара. За шесть дней наступления армия продвинулась незначительно. 28 июля на наблюдательный пункт армии приехал командующий Западным фронтом и член Военного совета. Ознакомившись с обстановкой, командующий выказал недовольство действиями армии и потребовал написать объяснение в Ставку ВГК. Федюнинский подробно описал все, что происходило накануне наступления. 30 июля 11-я армия была переведена в подчинение командующему войсками Брянского фронта.

Представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Н.Н. Воронов 27 июля в донесении Верховному Главнокомандующему писал: «Крупные оператив-

ные резервы, назначенные для ввода в прорыв, должны ближе подтягиваться к участкам будущего прорыва с тем, чтобы своевременно были введены в дело, чтобы противник не успел опомниться, подтянуть свои оперативные воздушные и наземные резервы. Нужно прямо сказать, что Брянский фронт с опозданием на двое-трое суток получил 3-ю танковую армию, а Западный также поздно получил 11-ю армию и последующие резервы».

При первой же встрече командующий Брянским фронтом Попов спросил:

– Иван Иванович, скажите, в чем причина неудачи прорыва на кцыньском направлении? Ставка поручила мне разобраться в этом.

– Я уже докладывал Ставке по требованию командующего Западным фронтом. Могу только повторить, что не следовало вводить армию по частям, – ответил Федюнинский.

В этой же беседе Федюнинский изложил свои соображения по поводу использования 11-й армии на Брянском фронте. Генерал Попов внимательно выслушал командарма. Подумав, согласился, дал двенадцать суток на подготовку.

Проанализировав положение войск, приняли решение главный удар нанести в направлении на Карачев. Время зря не теряли, непрерывно велась разведка. Особое внимание уделяли наблюдению за передвижением войск противника, за его перед-

ним краем, что позволяло определить множество замаскированных огневых точек.

Наступление началось 12 августа 1943 года. При наступлении командарм применил уже испытанный прием, выделив из 46-го и 25-го корпусов по одному батальону для ведения разведки боем. Приём себя оправдал. Уже на следующий день наши войска заняли районный центр Одрино и ещё несколько населенных пунктов. Развивая наступление, войска 46-го корпуса 11-й армии во взаимодействии с частями 11-й гвардейской армии штурмом овладели городом Карачев.

Овладев Карачевом, 11-я армия выполнила только первую часть поставленной задачи, далее был Брянск.

Удержание Брянска имело, по мнению гитлеровского командования, большое значение для стабилизации восточного фронта. Город являлся одним из крупных узлов железных и шоссейных дорог, соединяющих юг России с центром и севером, а также Белоруссию с центральными областями СССР. Через Брянск обеспечивалась связь с северной и южной группировками группы армий «Центр», а также с глубоким тылом.

Противник здесь создал большое количество оборонительных сооружений. Впервые были применены блокгаузы – серьёзные препятствия, построенные на перекрестках дорог. Это были прямо-

угольные площадки, огороженные двойным деревянным забором из бревен. Между заборами засыпалась земля, по углам имелись дзоты с тремя пулеметами. По периметру – колючая проволока, подходы заминированы.

Наше командование тоже не осталось в долгу. Пока части приводили себя в порядок, Федюнинский, вспомнив Халхин-Гол, решил осуществить оперативную маскировку. С этой целью широко использовалась МГУ – мощная громкоговорящая установка. Лес наполнялся различными звуками: ударами топоров, жужжанием пил, урчанием тракторов, грохотом сбрасываемых на землю бревен. Далее имитировался подход танков. Вдоль железной дороги были выставлены их макеты. Разведка доложила, что к Полому перебрасывается несколько пехотных частей, хитрость удалась.

Армия тем временем готовила основной удар на правом фланге.

10-го сентября войска 11-й армии, поддерживая соседей, – 3-ю и 11-ю гвардейские армии, теснившие врага к Брянску, – перешли в наступление. Форсировав реку Болву, войска Федюнинского овладели городом Бежица. Овладев рядом опорных пунктов на подступах к Брянску, 11-я армия развернула решительное наступление на город. После упорных ночных боев 323-я и 197-я дивизии 11-й армии, взаимодействуя с 217-й стрелковой дивизи-

ей 11-й гвардейской армии, освободили Брянск.

За успешно проведенную операцию Иван Иванович Федюнинский был награжден первым полководческим орденом Суворова второй степени.

После освобождения Брянска гитлеровские войска были уже не в состоянии удерживать оборону на реке Десне. Командующий группой армий «Центр» Клюге во избежание разгрома своих войск отдал приказ как можно быстрее отойти на заранее подготовленную по берегам Сож и Проня оборонительную позицию «Пантера».

Разведка раскрыла намерения немецкого командования. Для преследования противника была создана подвижная группа фронта, которую возглавил заместитель командующего фронтом генерал М.И. Казаков. Преследование противника проходило успешно и быстрыми темпами. В боевой практике Федюнинского это был первый случай такого быстрого продвижения, войска в сутки проходили 30-40 километров. Командарм лично руководил перемещением штабов корпусов при продвижении войск, необходимо было поддерживать устойчивую связь со штабами корпусов и дивизий.

Успешному продвижению войск способствовала активная борьба брянских партизан, взаимодействовавших с нашими войсками. Они помогали в освобождении Брянска, Бежеца и других районных центров. Многие погибли, многие лишились

своих семей. Особенно тяжело было смотреть нашим солдатам на осиротевших детей. Одних усыновляли, других оставляли при части, так появлялись «сыны полков». Однажды в деревне, куда переехал штаб армии, Иван Иванович встретил мальчугана лет шести-семи и спросил, как его зовут. «Иван Степанович», – важно ответил мальчик. Значит тезки. Дрогнуло сердце командарма, всю неделю они вместе обедали, пока штаб был в деревне.

20 октября 1943 года Центральный фронт был переименован в Белорусский, а 23 октября 11-я армия была передана в подчинение командующему Белорусским фронтом генералу К.К. Рокоссовскому.

В конце октября – начале ноября новый фронт был пополнен личным составом, техникой, боеприпасами, горючим. В первой декаде ноября в войсках фронта насчитывалось 719 тысяч военнослужащих, 7560 орудий и минометов, 247 танков и самоходно-артиллерийских установок и 526 самолетов. Враг имел 660 тысяч человек, 3600 орудий и минометов, до 300 танков и штурмовых орудий, около 400 боевых самолетов. Таким образом, советские войска превосходили противника в живой силе в 1,1, в орудиях и минометах в 2,1, в боевых самолетах в 1,3 раза. Количество танков и самоходных (штурмовых) орудий было примерно равным.

К началу ноября 11-я армия Федюнинского занимала 35-ти километровую полосу северо-

восточнее Гомеля и готовилась во взаимодействии с 63-й армией генерала Колпакчи нанести удар в общем направлении на Жлобин. Войскам предстояло форсировать реку Сож, прорвать оборону противника и выйти к Днепру. Удар был отвлекающий.

Командующий фронтом сосредоточил основную группировку на Лоевском плацдарме, откуда наносился главный удар, и добился здесь значительного превосходства над врагом в живой силе и боевой технике. «Инициатива находилась в наших руках, – писал маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. – Мы могли идти на риск, демонстрируя сосредоточение сил на одном участке фронта, в то время как готовили удар совсем на другом направлении. Мы так и поступали. 11-я армия И.И. Федюнинского и 63-я с войсками В.Я. Колпакчи (63-я армия) непрерывно атаковала противника севернее Гомеля, приковывая к этому участку его внимание. А основной удар нами уже был подготовлен с Лоевского плацдарма».

Наступление началось 10-го ноября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Противник, опираясь на хорошо подготовленные рубежи, оказывал упорное сопротивление. Стремительным ударом в тыл врага наши войска вклинились в его оборону, перерезали железную дорогу Гомель – Калинковичи и 18 ноября овладели Речицей.

Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало удержать Гомель. Однако в результате успешного на правом крыле и в центре фронта выхода ударной группировки в тыл противника, а также удара непосредственно по городу сопротивление врага было сломлено. 26-го ноября после ожесточенных ночных боев наши войска освободили Гомель – важный узел дорог. К концу ноября 11-я армия генерал-лейтенанта Федюнинского вышла к Днепру.

В первых числах декабря 1943 года 11-я армия была выведена в резерв Ставки, а И.И. Федюнинский отбыл в Москву.

ОПЕРАЦИЯ «НЕВА-2»

Подготовка наступательной операции по полному снятию блокады Ленинграда началась задолго до ее начала.

Оценивая сложившуюся летом 1943 года на Северо-Западе оперативную обстановку, военный совет Ленинградского фронта направил в Ставку ВГК предложения по дальнейшему ведению боевых действий. Предлагалось разгромить 18-ю армию немцев и «не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть Лужским плацдармом с выходом на рубеж реки Луга от устья и до города Луга, как предпосылки дальнейших действий на Прибалтику».

14 сентября 1943 года Военный совет Волховского фронта представил свои предложения в Ставку ВГК. Совет Волховского фронта предлагал нанести удар севернее Новгорода, в направлении реки Луга, в стык 16-й и 18-й армий группы «Север», то есть сместить центр боев с мгинского направления и не допустить отхода основных сил 18-й армии на рубеж реки Луга и далее на линию Нарва – Порхов. В основе замысла лежала идея нанесения согласованных ударов с севера и юго-востока в направлении города Луги с целью окружения и разгрома 18-й армии. Ставка ВГК в целом одобрила план фронто-

вых операций и определила этапы её проведения, силы и средства. В составе Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов имелось 1252 сухопутных войск, 20183 орудий и минометов (без учета 50-ти мм минометов, зенитных орудий и реактивных установок), 1580 танков и САУ 1380 самолетов.

На направлении главного удара, против 18-й армии противника действовали войска Ленинградского и Волховского фронтов. В их составе было 716 тысяч солдат и офицеров, 12165 орудий и минометов, 1132 танка и САУ. Наши войска превосходили противника по численности личного состава в четыре раза, более чем в 3 раза по артиллерии и в 6 раз по танкам и САУ.

Командование группы армий «Север» прогнозировало наступление наших войск, готовящееся с целью окружения и уничтожения 18-й армии. Оно предлагало отвести соединения групп армий «Север» за тыловую линию обороны «Пантера». ОКВ это предложение отклонило, потребовав, чтобы группа армий «Север» удерживала занимаемые позиции во что бы то ни стало».

Тем не менее, по данным начальника штаба группы армий «Север» генерала Ф. Ферча, командованием группы «Север» проведен ряд предварительных мероприятий на случай отвода войск из-под Ленинграда.

В день, когда И.И. Федюнинский прибыл в Генеральный штаб, в Кремле шло обсуждение предстоящей операции по полному снятию блокады Ленинграда. Через некоторое время заместитель Генерального штаба А.И. Антонов сообщил, что им предложено прибыть в Ставку. Предстояла встреча с Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР товарищем И.В. Сталиным, руководителями партии и правительства. И.И. Федюнинский эту встречу вспоминает так: «Сталин поздоровался за руку. Внимательно посмотрел на меня и спросил, охотно ли я поеду в Ленинград, не жаль ли расставаться с Белорусским фронтом. В разговор вступает А.А Жданов. Он говорит, что все меня считают ленинградцем и мысли не допускают, чтобы я отказался вернуться на Ленинградский фронт. На что я ответил, что действительно Ленинград мне дорог, и что с этим городом в моей жизни связано многое. Далее И.В. Сталин спрашивает у Говорова, какой армией поручено командовать товарищу Федюнинскому, Говоров отвечает, что генералу Федюнинскому поручено командовать 2-й ударной армией, что она ему знакома по прорыву блокады. Выслушав Говорова, Сталин сказал, что армию следует усилить ещё одним стрелковым корпусом и танками... С первых слов беседы становится ясно, что речь идет о полном разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом. Сталин завершил разговор

достаточно сухо: «Уверен, что разработанная нами Ленинградско-Новгородская операция будет осуществлена в соответствии с нашим замыслом, и враг под Ленинградом будет разгромлен». После совещания поздно ночью Федюнинский с командующим фронтом Говоровым выехал в Ленинград, а уже следующей ночью командарм был переправлен через Финский залив на Ораниенбаумский плацдарм.

Передислокация войск 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм осуществлялась в два этапа. Ораниенбаумский плацдарм – район побережья Финского залива у Ораниенбаума (ныне город Ломоносов) от Керново до Петергофа (Петродворец) протяженностью 65 километров, в глубину 20-25 километров. Перевозка началась глубокой осенью. Первый этап проходил с 5-го по 20-е ноября, второй с 24 декабря 1943 года по 21 января 1944 года. Суда переходили залив ночью в составе небольших групп по ранее протраленным фарватерам под охраной сторожевых катеров и тральщиков. Безопасность плавания обеспечивалась системами противортиллерийской, противовоздушной, противокатерной обороны, развернутой в Невской губе. Здесь несли службу силы Ленинградской военно-морской базы и Кронштадского морского оборонительного района.

Вражеская дальнобойная артиллерия пыталась обстреливать Ораниенбаумский порт, но бал-

тийские артиллеристы решительно пресекали эти попытки. Нередко береговая артиллерия флота наносила предупреждающие удары по наиболее активным батареям врага. Так в ночь на 5-е ноября 1943 года, когда в Ораниенбауме ожидали прибытия первого конвоя с частями 2-й ударной армии, 305-миллиметровая батарея совершила внезапный огневой налет на фашистские батареи, расположенные напротив Приморского плацдарма. «Удар оказался настолько мощным и неожиданным для противника, что он почти не обстреливал в этот день Ораниенбаумский порт, – вспоминал участник событий генерал-майор артиллерии П.Е. Мельников. – На следующий день повторилось то же самое. Стреляла Красная Горка, стреляли и другие батареи Ижорского сектора, в том числе и недавно прибывшие железнодорожные».

Первый этап перегруппировки войск 2-й ударной армии завершился успешно. За 93 судорейса плавсредства перевезли на Ораниенбаумский плацдарм свыше 30 тысяч личного состава армии, более 1200 автомашин и тракторов, 54 танка и бронемашин, более 400 орудий различных калибров и минометов, 123 тонны боеприпасов, свыше 2500 лошадей и 10700 тонн других грузов. Во время перевозок армия и флот не понесли никаких потерь.

Второй этап перевозок начался 24 декабря 1943 года и продолжался до 21 января 1944 года.

Он проходил уже в более тяжелых навигационных условиях. Финский залив покрылся ледовым панцирем толщиной до 25 сантиметров, пришлось применить ледокол. К началу операции группировка получила 52535 человек военнослужащих, свыше 700 вагонов боеприпасов.

И.И. Федюнинский прибыл в штаб 2-й ударной армии, который располагался в Большой Ижоре. Там никто ничего не знал, его встретили как представителя фронта. Командующий армией Романовский, был очень неприятно удивлен, узнав, что ему приказано сдать командование армией и уехать в Ленинград.

Вступив в командование армией, командарм прежде всего ознакомился с плацдармом и линией обороны. Передний край обороны противника проходил по линии Керново – Закорново – Гостилицы, далее по дороге Гостилицы – Петергоф. Оборона противника представляла собой долговременную систему, состоящую из двух полос обороны с минными полями и проволочными заграждениями в два-три кола. В населенных пунктах Гостилицы, Дятлицы, Кожерицы, Кипень, Ропша и других противником были созданы опорные пункты. В районе населенного пункта Беззаботный располагалась тяжелая артиллерия, которая обстреливала Ленинград. Изучая систему обороны противника, Федюнинский прекрасно понимал: для того, чтобы знать

систему обороны противника, необходима тщательная разведка, особенно в направлении главного удара. Для того, чтобы в предстоящей операции сопутствовал успех, необходима тщательная подготовка войск, важно, как они будут обучены действию в штурмовых отрядах, смогут ли преодолеть страх боя. Успех боя во многом предопределялся высоким моральным и боевым духом.

Днем и ночью в любую погоду шла напряженная боевая учеба. Используя опыт предыдущей операции по прорыву блокады Ленинграда, были построены учебные городки (полигоны), воспроизводившие оборону противника на участках будущих прорывов. Командиры всех степеней отрабатывали на местности организацию взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией. Федюнинский лично контролировал ход подготовки войск, выезжая в соединения, присутствовал на занятиях.

Однажды командующий армией приехал в 286-й стрелковый полк 90-й дивизии. Этой дивизии предстояло действовать на главном направлении в первом эшелоне. На занятиях отрабатывались приемы борьбы с танками, подготовкой руководил командир полка подполковник Фоменко. Учеба была организована грамотно и даже поучительно. Разобрав ход занятий, командующий приказал построить полк. Кратко подведя итоги, указал, что необходимо настойчивее учиться борьбе с танками про-

тивника.

– Отважный и смелый солдат не испугается танка. Вы сегодня действовали правильно. Ну а если и в самом деле на вас пойдет танк? Сумеете ли вы укрыться вот в этом окопе?

Федюнинский показал на окоп, видневшийся неподалеку от опушки. Построенные солдаты молчали, по выражениям их лиц было видно, что они мало верят в то, что можно уцелеть, если через окоп пойдут танки. Это неверие в свои силы необходимо было развеять, иначе терялся весь смысл занятий.

– Кто хочет показать свою смелость? – спросил Федюнинский.

Из строя вышел невысокий веснушчатый солдат.

– Разрешите мне, товарищ генерал!

– Как ваша фамилия?

– Рядовой Ильин.

– Не испугаетесь? Усидите в окопе, когда на него пойдет танк?

– Выдержу, товарищ генерал, не сробею.

– Давайте попробуем. Только раньше скажите, что будете делать, когда через окоп пойдет танк.

Солдат уверенно доложил, как будет действовать, побежал к окопу и спрыгнул в него. Раздался грохот мотора, и один из танков, лязгая гусеницами по мерзлой земле, двинулся на окоп. Солдат присел на дно. Танк надвинулся на бруствер всей много-

тонной тяжестью. Весь батальон затаил дыхание. Танк перевалил через окоп. В тот же миг Ильин, целый и невредимый, поднялся и метнул учебную гранату.

Федюнинский подозвал солдата.

– Хорошо действовал, молодец! Страшно было?

– Нет, ответил Ильин, но сразу же поправился.

– То есть не очень страшно.

– За правильные действия и смелость вот вам награда.

Федюнинский снял с руки часы и перед строем вручил солдату, отпустив обрадованного Ильина, спросил:

– Кто еще не боится посидеть в окопе?

Поднялся лес рук. Командарм понял, цель занятия достигнута – солдаты поняли, что глубокий окоп – надежное укрытие от танка.

Поддержку 2-й ударной армии осуществляли крупнокалиберные морские орудия, установленные на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Федюнинский еще ни разу не видел этих мощных артиллерийских систем. Ознакомившись с их возможностями, командующий армией сделал для себя вывод о колоссальной артиллерийской поддержке при наступлении армии.

Тем временем учеба шла полным ходом. Стрелковые подразделения обучали атаковать

непосредственно за разрывами снарядов своей артиллерии. Средняя плотность ее на участке прорыва составляла 123 орудий и минометов калибра 76 мм и выше на один километр. Для борьбы с вражеской артиллерией и минометами в корпусах были созданы мощные артиллерийские группы.

Преодоление множества различного рода заграждений и устройство в них проходов при прорыве сильной вражеской обороны требовали большого напряжения и искусства не только от саперов, но и от стрелков, артиллеристов, танкистов. Происходило «осаперивание» войск. Несколько человек в каждом взводе обучались резать проволочные заграждения, находить и обезвреживать мины, разбирать завалы на дорогах, прокладывать гати на болотах, вытаскивать застрявшую технику. Федюнинский строго спрашивал с подчиненных за выполнение всех намеченных мероприятий.

Одновременно с напряженной боевой учебой велась активная разведка. Была вскрыта почти вся система обороны противника, его огневые точки, инженерные сооружения и заграждения. Ценные разведывательные данные предоставляли фронтовые разведчики. Были и определенные трудности. Расстояние в отдельных частях между позициями составляло нескольких километров, что мешало вести наблюдение за противником. Нужны были достоверные данные, а их можно было получить толь-

ко от пленных. Приехав в 98-ю стрелковую дивизию, Федюнинский после доклада комдива уточнил: что, с пленным не получается?

– Не получается пока, товарищ командующий.

– Плохо. А ведь у вас вон какие орлы, – и показал на солдата, коловшего дрова. – Только прикажи, самого черта притащат.

– А мне не доверяют, товарищ генерал, – неожиданно сказал солдат. – Не пускают в разведку.

– Правильно делают. И нечего жаловаться, – нахмурившись, ответил комдив и пояснил, что тот солдат из исправительно-трудовых лагерей. Разве можно ему доверять серьезное дело?

– Доверять можно и нужно, – ответил Федюнинский. – Это наш советский человек, мы ему оружие доверили, чтобы он Родину защищал.

– Если пошлю в разведку, достанешь пленного?

– Сделаю, товарищ генерал.

На следующую ночь рядовой Гаркуша с двумя солдатами отправился в разведку. К утру разведчики не вернулись. Комдив, нервно расхаживая по землянке, всем своим видом говорил: «Ведь я же предупреждал». На рассвете следующего дня группа вернулась с задания, доставив дух пленных. Федюнинский спросил, почему группа не вернулась в первую ночь.

– Не хотелось брать всякую «шушеру», кого

попало, ответил разведчик. – Вам же нужен толковый «язык».

– Спасибо, товарищ Гаркуша, – сказал командующий армией.

– За отличное выполнение задания от имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю вас орденом Славы третьей степени.

– Служу Советскому Союзу! – вытянувшись, ответил разведчик. Широкое лицо его дрогнуло, на глазах появились слезы.

Это был пример всем командирам чуткого отношения к простому солдату.

Имея определенный опыт и знание, как немцы могут просушивать все разговоры, Федюнинский за все время подготовки операции от всех причастных требовал скрытности, чтобы не допускалась утечка информации. Сохранялись в тайне от противника подготовка операции, направление главного удара, день и час наступления, планирование проводилось ограниченным кругом лиц.

Для введения противника в заблуждение и создания у него уверенности в том, что наши войска собираются наступать на направлении Котлы – Кингисепп, на правом фланге 2-й ударной армии в начале января демонстрировалось сосредоточение пехоты, артиллерии и танков. Участвовали в этом части двух стрелковых дивизий и морской стрелковой бригады. Артиллерия отдельными орудиями

имитировала пристрелку, а небольшие группы танков – сосредоточение танковых войск. Инженерные части, используя громкоговорящие установки, создавали видимость сосредоточения танковых и артиллерийских частей. Хорошо использовались деревянные макеты. На всем фронте армии проводилась разведка боем, авиация демонстрировала усиленную разведку копорского направления, ночью бомбила там узлы сопротивления противника. Все делалось, чтобы привлечь внимание немецкого командования к правому флангу наших войск. Федюнинский лично контролировал весь ход имитационных мероприятий, такой метод им уже применялся на Брянском фронте.

В результате проведенных мероприятий внимание противника к правому флангу наших войск не осталось незамеченным. Противник усилил на этом направлении свою разведку, оборону против правого фланга 2-й ударной армии заняла моторизованная бригада СС «Нидерланды», переброшенная из Югославии.

Словом делалось все, чтобы обеспечить тактическую внезапность наступления.

Путем перегруппировки наших войск Федюнинскому удалось достичь на узком участке намеченного прорыва трехкратного превосходства в живой силе и более чем четырехкратного в танках и артиллерии. Командующим армии было принято

решение обороняться на флангах только частью сил, а в центре сосредоточить ударную группу в составе двух корпусов, на фронте шириной 10,5 километров прорвать оборону на гостилицком направлении.

Накануне наступления Федюнинский побывал почти во всех соединениях ударной армии, ему хотелось предусмотреть все до мелочей, использовать опыт, накопленный за годы войны. Ему верили. Вспоминает адмирал В.Ф. Трибуц: «В ночь на 13 января я встретил на Лисьем Носу командующего 2-й ударной армией И.И. Федюнинского. К её бойцам и офицерам ленинградцы питали благодарные чувства. Трудящиеся города Ленина знали, что армия была активной участницей боёв в январе – феврале 1943 года, благодаря которым удалось открыть прямую железнодорожную связь со страной и Волховским фронтом. И вот сейчас снова начинается наступление прославленного объединения. И снова – в январе, и снова под командованием Ивана Ивановича Федюнинского. Имея в виду это повторяющееся сочетание, кто-то из наших балтийцев уважительно окрестил командарма «генералом Январём».

В ночь на 14 января 1944 года, несмотря на сложные метеорологические условия, 109 бомбардировщиков 7-го авиационного корпуса дальнего действия (командующий генерал-майор Нестерцев Е.В.) нанесли бомбовый удар по противнику в рай-

оне поселка Беззаботный и по войскам перед фронтом 2-й ударной армии.

Утро 14 января 1944 года выдалось необыкновенно тихим. Но в 9 часов 35 минут эту утреннюю тишину Ораниенбаумского плацдарма нарушил грохот орудий и минометов. 65 минут длилась артподготовка 2-й ударной армии, береговой и корабельной артиллерии КБФ. Наша артиллерия обрушила на противника более 100 тысяч снарядов и мин. В 10 часов 40 минут при поддержке морской авиации генерал-лейтенанта М.И. Самохина полки 48-й и 90-й дивизий, 43 стрелкового корпуса генерал-майора А.И. Андреева и 131-й дивизии 122-го корпуса П.М. Зайцева поднялись на штурм передовых позиций противника. Одетые в белые маскхалаты, стрелковые подразделения быстро продвинулись вперед. Командующий фронтом Л.А. Говоров и командующий армией И.И. Федюнинский со своих наблюдательных пунктов, что находились на горе Колокольная, хорошо видели цепи атакующих войск. Командарм отчетливо видел всю картину боя: наши войска овладели первой траншеей и продолжали без остановки продвигаться вперед.

По всем линиям связи 9-й и 10-й авиационных дивизий противника слышались панические донесения и вопли о помощи: «Артиллерийский огонь русских огромной силы, несем большой урон от пушек прямой наводки. Где же наш огонь»?! «Тран-

шеи разрушены по всему участку. Русская пехота пошла в наступление. Торопитесь с артиллерийским огнем», «Русские прорвались силой до полка. Мы вынуждены отступить. Дайте заградительный огонь». Немецкие артиллеристы сообщали: «Наши пехотинцы покидают траншеи...».

Командование 3-го танкового корпуса СС, оборонявшегося в полосе наступления 2-й ударной армии, преодолев замешательство, сумело наладить управление войсками и организовать сопротивление.

Чтобы сломить сопротивление противника, на помощь частям 43-го стрелкового корпуса и танкистам 98-го танкового полка, Федюнинский ввел в бой основные силы 152-й танковой бригады полковника А.З Оскотского, а затем и вторые эшелоны стрелкового корпуса.

Упорные бои, как и ожидалось, шли за село Гостилицы, враг стремился его удержать во что бы то ни стало. Поселок несколько раз в течение дня переходил из рук в руки. К вечеру передовые соединения 2-й ударной армии овладели населенными пунктами Гостилицы, Порожки, Перелесье и другими, тем самым прорвали первую позицию главной полосы обороны противника, а на гостилицком направлении пробили брешь и во второй линии обороны. Общий фронт прорыва достиг 10 километров, а глубина вклинивания – от 3 до 5 километ-

ров. Наибольшего успеха в первый день наступления достигли соединения 131-й стрелковой дивизии подполковника П.Л. Романенко и 90-й стрелковой дивизии подполковника Н.Г. Ляшенко.

В последующие дни противник сумел подтянуть к участку прорыва резервы, бои приняли более напряженный характер. Пехота противника при поддержке танков и артиллерии непрерывно контратаковала, но боевой дух наших воинов был настолько высок, что остановить их было уже невозможно. К исходу третьего дня наступления соединениям 2-й ударной армии удалось завершить прорыв главной полосы и расширить фронт до 23-х километров. Передовые части первого эшелона, овладев ключевыми узлами дорог Гостилицы и Дятлицы, продвинулись на 8-10 километров в глубину и устремились к Ропше.

Наступление наших войск развивалось в целом успешно, хотя темпы продвижения вначале были не слишком высокими. Для наращивания ударной мощи Федюнинский вводит в бой дополнительные силы стрелковых корпусов, а утром 17 января, развивая успех, в направлении Кипень – Ропша вводит армейский танковый резерв, состоящий из танковой бригады, полка самоходной артиллерии, артиллерийского пушечного полка, стрелкового батальона и двух саперных рот. Пехотинцы двигались за танками на автомашинах. За этой подвижной груп-

пой действовала 43-я дивизия 122-го стрелкового корпуса. 18-го января в бой вступил второй эшелон армии – 108 стрелковый корпус, который получил задачу выйти на рубеж Волосово – Большие и Малые Горки – Ропша и в дальнейшем наступать на Красное Село.

Темп продвижения увеличился, войска уходили далеко вперед, штабам приходилось переезжать на новые места. Штабу армии тоже было необходимо переехать на новое место. Уточнив у начальника штаба генерала П.И. Кокорева, все ли готово на новом месте, и получив положительный ответ, командарм решил заехать в 43-й СК к генералу Андрееву, а затем ехать на новое место штаба.

КП предполагалось разместить на окраине небольшой деревни в пустом каменном доме. Осмотрев предполагаемое рабочее место, – штаб ещё не переехал, приехал только комендант – Федюнинский посмотрел в окно. Из окна хорошо просматривалась высотка, покрытая лесом. То, что увидел командарм, его насторожило. Огибая высотку, к дому двигались танки и пехота. Посчитав людей, решили обороняться. Расставив людей у окон, приказал без команды не стрелять. Немцы двигались беспорядочно, никакого приготовления к бою, люки у танков открыты – это было непонятно. Командарм приказал открыть огонь. Немцы остановились, несколько человек упало. Вместо того, чтобы открыть

ответный огонь, они бросили оружие и подняли руки, из люков танков танкисты махали белыми платками.

«Что за чертовщина? Почему сдаются?», – подумал Федюнинский. Когда солдаты привели немецкого офицера, который немного говорил по-русски, стало ясно, что это подразделение оторвалось от своих частей. Два дня они блуждали по лесам и болотам, потеряв всякую надежду соединиться со своими, решили при первой возможности сдаться в плен.

Говорову Федюнинский докладывать не стал, но член Военного совета фронта каким-то образом узнал обо всем и сделал выговор за беспечность.

– Если бы гитлеровцы знали, что в доме находится командующий армией, они бы не стали сдаваться в плен, – говорил член Военного совета. – Все могло кончиться для вас очень печально.

18 января командующий фронтом генерал Говоров перед командующим 2-й ударной армией поставил задачу преодолеть расстояние в 16-18 километров, разделяющее 2-ю ударную и 42-ю, соединиться на рубеже Кипень, Русско-Высоцкое, окружить и уничтожить петергофско-стрельнинскую группировку противника.

Для успешного решения поставленной задачи, необходимо было взять высоту 172,3 – Воронья гора. Здесь у фашистов проходила вторая линия обо-

роны, располагались наблюдательные пункты, многочисленные доты и дзоты. Это был ключ своеобразной крепости, это самая высокая точка Ленинградской области. Здесь находились огневые позиции тяжелой артиллерии, которая обстреливала Ленинград. Не овладев высотой, нельзя было рассчитывать на успешный штурм Красного Села и дальнейшее продвижение к Ропше.

Овладеть ключевой точкой обороны противника предстояло 63-й гвардейской стрелковой дивизии 42-й армии. В течение 18 и 19 января наши части вели ожесточенные бои. Комбинированной ночной атакой с фронта и тыла войска штурмом овладели, казалось бы, непреступной позицией немцев. 196-я и 43-я стрелковые дивизии 2-й ударной армии при поддержке дальнобойной артиллерии КБФ к этому времени освободили населенные пункты Кипень и Ропшу. В 21 час 19 минут 19 января 1944 года Федюнинскому доложили, что в районе Русско-Высоцкого, восточнее Ропши, подразделения 462-го полка 168-й дивизии встретились с подвижной группой 42-й армии, наступавшей с красносельского направления. В 7 часов 55 минут, утром 20-го января, в районе Ропши соединились основные силы армий. Было завершено окружение остатков петергофско-стрельнинской группировки противника.

В победу верили все — от генерала до рядового солдата. Для этой победы было сделано все не-

обходимое, что касается как технических, так и людских ресурсов. Она имела важное оперативное и морально-политическое значение. Ударами по сходящимся направлениям войска 2-й ударной и 42-й армий за шесть дней напряженных боев, прорвали мощную оборону противника, продвинулись на глубину более 25 километров и образовали общий фронт наступления.

Тяжелое поражение, нанесенное петергофско-стрельнинской группировке противника, создало благоприятные условия для дальнейшего разгрома врага. Командование Ленинградского фронта перед войсками 2-й ударной армии поставило задачу: главный удар развивать юго-западном направлении на Кингисепп-Нарву, а вспомогательный на Сиверский, охватывая левый фланг 18-й армии противника, лишая его возможности выхода на нарвское направление. С рубежа железной дороги Гатчина-Кингисепп войска армии поворачивали фронт на запад, то есть на сто восемьдесят градусов.

После частичной перегруппировки — 108-й стрелковый корпус передавался 42-й армии, взамен 2-я ударная армия получала 109-й стрелковый корпус — войска 2-й ударной армии перешли в наступление на волосовском и красногвардейском направлениях. 27 января 1944 года войска 129-го стрелкового корпуса овладели сильно укрепленным пунктом Волосово. Страшная картина предстала пе-

ред глазами освободителей. Прежде чистый и живописный дачный поселок был сильно разрушен.

Продолжая стремительное наступление, войска 2-й ударной армии к концу января вышли на рубеж реки Луги. Командующий армией Федюнинский получил приказ прорвать промежуточный рубеж обороны противника на фронте Куровицы-Киноши и 2-го февраля выйти на рубеж реки Нарвы, захватить плацдарм севернее и южнее города Нарвы. Перед армией встали водные преграды: 43-му корпусу предстояло преодолеть две, а 122-му три крупных водных преграды, где противник подготовил сильные рубежи обороны.

К исходу дня 31-го января войска 2-й ударной армии при поддержке авиации Балтийского флота, преодолев яростное сопротивление врага, переправились через реку Лугу, вступили в город Кингисепп. Завязались уличные бои. Противник стремился сдерживать наступающие войска, чтобы дать возможность занять своим частям подготовленный на р. Нарве сильно укрепленный оборонительный рубеж. Нашим войскам с боем приходилось отбивать каждый дом. В результате успешного маневра, предпринятого войсками 109-го стрелкового корпуса с севера, 189-й стрелковой дивизии с юга и 125-й стрелковой дивизии с востока, 1-го февраля 1944 года наши войска овладели городом полностью. Преследуя отходившего противника, войска 2-й

ударной армии 3 февраля форсировали реку Нарву, захватили на ее левом берегу плацдарм и начали бои за его расширение. Это был завершающий этап Ленинградско-Новгородской наступательной операции, создались предпосылки для освобождения Прибалтики и первой Нарвской операции.

По плану командования Ленинградского фронта 2-й ударной армии необходимо было овладеть рубежом от станции Иыхви-Атсалама-Иыуга-Кауки, а далее железной дорогой от Озели до Муства. Выполнение поставленной задачи позволяло нашим войскам выйти на подступы к городу Нарве и освободить его.

К началу Нарвской операции на нарвском направлении оборонялись пять дивизий и две моторизованные бригады оперативной группы «Нарва», входившей в немецкую группу армий «Север». Немецко-фашистское командование, стремясь не допустить прорыва советских войск в Прибалтику через Нарву, подготовило здесь мощную многополосную оборону с развитой системой траншей и ходов сообщения, большим количеством дзотов, а местами и дотов.

Наткнувшись на хорошо организованную оборону по обоим берегам реки Нарвы, поставленной задачи армия Федюнинского не выполнила, город Нарва к 17 февраля освобожден не был. Военный совет фронта резко высказался по этому поводу,

командарму не раз пришлось выслушать справедливые упреки командующего фронтом Говорова.

Основная причина невыполнения поставленной задачи — это недостаток сил. За время наступления, воска 2-й ударной армии с боями прошли более 150 километров, продвигаясь в среднем на 7-8 километров в сутки, а в отдельные дни темп продвижения доходил до 20-25 километров. Люди устали, требовалась подготовка к операции с пополнением личного состава и техники. Места, где необходимо было вести бои с противником, были сильно заболоченные, с отсутствием дорог, к тому же приближалась весна, а с ней и распутица. Но были и косвенные причины: слабая организация управления войсками при наступлении со стороны штабов всех уровней и недостаточная требовательность командарма Федюнинского. Наступило всеобщее благодушие, обольщение предыдущими успехами.

В конце февраля на НП 2-й ударной армии прибыл командующий фронтом Л.А. Говоров. Он предложил посмотреть плацдарм и передний край обороны, который занимал корпус генерала Н.П. Симоняка.

— Товарищ командующий, днем по плацдарму ездить опасно, — предупредил Федюнинский.

— Ничего, я старый артиллерист, знаю, как стреляют немцы, — хладнокровно произнес Гово-

ров. — Поехали.

За рекой Нарвой противник заметил машины генералов и открыл артиллерийский огонь, снаряды ложились очень близко, чудом удалось проскочить до командного пункта Симоняка. Внешне Говоров казался спокойным, будто ничего и не произошло, но прощаясь, заметил: «Всё-таки запрети своим офицерам без особой нужды днем ездить по плацдарму. Это действительно опасно».

После этой поездки последовало уточнение Ставки ВГК фронтам перейти с 1-го марта 1944 года к активной обороне с целью дальнейшей подготовки к наступлению и полному разгрому группы армий «Север» и приступить к освобождению Прибалтики.

На Запад

К началу июля 1944 года в Прибалтике, к северу от Даугавы, на фронте протяженностью более 650 километров оборонялось около 38 немецких дивизий (численностью по 8 – 9 тысяч человек). Используя особенности местности, изобилующей лесными массивами, болотами и реками, гитлеровское командование создало мощную оборону на глубину до 200 километров. Однако положение группы армий «Север» осложнялось наступлением советских войск на Карельском перешейке, в южной Карелии и особенно в Белоруссии. Их удар на Выборгском направлении вынудил немецкое командование перебросить из оперативной группы «Нарва» 122-ю пехотную дивизию в финскую оперативную группу «Карельский перешеек». Стремительное наступление советских войск в Белоруссии привело к глубокому охвату правого крыла группы армий «Север» и заставило гитлеровское командование направить в группу армий «Центр» 12-ю танковую и 212-ю пехотную дивизии. В войсках росла неуверенность, участились случаи дезертирства.

Наиболее неблагоприятная обстановка для гитлеровцев складывалась в районе Даугавпилса, где возникла реальная угроза отсечения группы армий «Север» от группы армий «Центр» и перехвата путей, связывавших Прибалтику с Германией. Не-

случайно командующий войсками группы армий «Север» генерал Г. Линдеман заявил 1 июля 1944 года: «Я обеспокоен тем, что становимся всё слабее, и если русские перейдут в наступление, то мы рухнем». Тем не менее, Гитлер требовал во что бы то ни стало удерживать Прибалтику. Он считал, что ее утрата ускорит выход из войны Финляндии – единственного поставщика никеля, приведет к потере Германией возможности получения высококачественной железной руды из Швеции и к свободе действий советского флота в Балтийском море.

Первостепенную задачу группы армий «Север» в начале июля 1944 года гитлеровское командование видело в том, чтобы не допустить продвижения советских войск южнее Даугавы и окончательного разобщения группы армий «Север» и «Центр».

Разгневанный неудачными действиями своих войск в Прибалтике, Гитлер 3 июля отстранил генерала Линдемана от командования войсками группы армий «Север». Его заменил генерал Г. Фриснер, который до этого командовал войсками оперативной группы «Нарва». Вступив в должность, Фриснер в своём приказе от 5-го июля подчеркнул, что перед группой армий поставлена задача: «...Удержать фронт при любых обстоятельствах и южным флангом войти в соприкосновение с группой армий «Центр»». Но и ему не удалось добиться выполне-

ния этой задачи.

В это время командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров, вел переговоры с маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым по вопросу назначения командующего артиллерией Второй ударной армии. При этом разговоре в кабинете присутствовал будущий маршал артиллерии К.П. Казаков, который в то время служил начальником оперативного отдела штаба артиллерии Красной армии. Казаков выразил готовность отправиться на Ленинградский фронт на самостоятельную работу. Воронов спросил Казакова, знает ли он генерала Федюнинского, заметив, что у него сложный характер, с ним непросто срабататься. Казаков ответил, что знает его боевые качества по Юго-Западному фронту в составе 5-й армии, а остальное обретется в бою. Назначение состоялось, и уже вечером 2 июля 1944 года Казаков прибыл в штаб Ленинградского фронта и был принят командующим Говоровым.

В беседе командующий фронтом изложил свои соображения по Нарвской операции: одновременными ударами с севера через реку Нарву силами 2-й ударной армии и с юга, с нарвского плацдарма, 8-й армии выйти в тыл группировке противника, оборонявшей город Нарву, окружить и разгромить ее, освободить город.

Штаб армии в это время находился в районе Кингисеппа. С обстановкой Казакова ознакомил

начальник штаба армии генерал П.И. Кокорев, в армии шла полным ходом подготовка к операции.

В результате изучения противника было установлено, что гитлеровцы перед передним краем установили проволочные заграждения в несколько рядов и по всему периметру растянули спираль Бруно. Танкоопасные направления прикрыли противотанковыми рвами шириной до 3-5 метров. Город Нарва с двумя крепостями на левом и правом берегах реки был превращен противником в мощный узел сопротивления, наступать в лоб не имело никакого смысла. Ширина реки Нарвы колебалась от 200 в южной части города до 600-700 метров у Финского залива. Глубина реки составляла не менее 5-и метров.

Было над чем поломать голову командующему армией Федюнинскому. Личные наблюдения с плацдарма за передним краем обороны противника убедили командарма, что брать город Нарву следует с другого направления, где враг не ожидает удара. На плацдарме, что имелся в распоряжении армии, было трудно скрытно сосредоточить большое количество войск, и удар не был бы неожиданным для противника. Не случайно все попытки расширить плацдарм результатов не дали. Гитлеровцы прочно укрепили участок напротив плацдарма, стянув сюда значительные силы. Это был один из доводов, почему удар надо наносить в другом месте.

Побывав ещё раз на плацдарме, командарм принял решение форсировать реку Нарву и прорывать оборону в более широком месте, на более доступном участке для действия войск – Кудрукюла – Васа.

Свои соображения Федюнинский доложил командующему фронтом Говорову, он их одобрил, и 21 июля Ставка утвердила решение командующего Ленинградским фронтом начать с 21 июля 1944 года наступление с целью разгромить нарвскую группировку противника и освободить Нарву.

Участок южнее города Нарвы передавался, включая плацдарм, 8-й армии, а 2-й ударной необходимо было готовить переправочные средства и обучать личный состав форсировать водную преграду. На реке Луга проходили тренировочные занятия по отработке действий взвода, роты, батальона. Здесь на полигоне отработывалось взаимодействие стрелковых подразделений с частями других родов войск.

Оперативное построение армии состояло из двух эшелонов. В первом эшелоне – 131-я и 191-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне – 109-й стрелковый корпус. Напротив города Нарвы оборону занимал 16-й укрепленный район. С освобождением Нарвы армии предстояло наступать вдоль побережья Финского залива.

Тревожной была ночь с 24 на 25 июля. Армия была приведена в полную боевую готовность, ко-

мандиры заняли наблюдательные пункты. Федюнинский с членом Военного совета Н.В. Шабалиным ещё на рассвете прибыли на наблюдательный пункт на восточном берегу реки.

Наступление началось в 7 часов утра с артиллерийской подготовки. Более 3600 орудий и минометов на узком фронте открыли одновременно огонь. По огневым точкам, скоплению вражеской техники в глубине обороны удар наносила авиация. Самолеты небольшими группами бомбили и передний край обороны врага. Руководил авиационной подготовкой заместитель командующего 13-й воздушной армией генерал-лейтенант Иванов. Артиллерийский огонь длился 80 минут. Федюнинскому было видно, как наши командиры и бойцы быстро выбегали из укрытий к воде, садились в лодки и отчаливали к другому берегу под звуки Государственного гимна СССР и суровой, вдохновляющей песни «Священная война». В этот момент наша артиллерия мгновенно перенесла огонь по срезу воды на берегу противника. Федюнинский хорошо видел результаты артиллерийского огня и согласованных действий войск.

К 9 часам утра бойцы 191-й и 131-й стрелковых дивизий высадили на западный берег своих пулеметчиков, захватили первые и вторые траншеи противника. 191-я дивизия развернула свои войска фронтом на юг и начала «сматывать» оборону про-

тивника вдоль берега реки Нарва, приближаясь к северной окраине города. 131-я стрелковая дивизия продолжала наступление по побережью Финского залива.

К 11 часам утра саперные части навели понтонный мост. По нему были переправлены орудия полковой артиллерии, орудия 760-го корпусного истребительно-противотанкового артиллерийского полка, а затем и танки. В ночь на 26-е июля переправились соединения 109-го корпуса и сразу вступили в бой, преследуя отходившего противника

Наступление развивалось успешно. Наши войска заставили гитлеровское командование отдать приказ на отвод части сил от предмостного укрепления восточнее города Нарва. В бой вступили части 16-го укрепленного района, преследуя противника.

Рано утром 26 июля войска армии завязали уличные бои в Нарве. Противник поспешно отходил, и к 9 часам утра город и обе крепости были в руках наших войск. В боях за Нарву, освобожденную при содействии войск 8-й армии генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова, наступавших с юго-запада, отличились 117-й корпус под командованием генерал-лейтенанта В.А. Трубачева, 131-я и 191-я стрелковые дивизии, 16-й укрепленный район, соединения ВВС.

Вечером Федюнинский поехал в освобожденную Нарву, древнейший город Эстонии, основанный ещё в 13 веке, под стенами которого в 1700 году

дрались русские войска, ведомые Петром Великим в Северной войне. Вот и сейчас перед ним была Нарва, освобожденная от немецко-фашистских захватчиков, хозяйничавших в городе около трех лет. Страшную картину увидел командарм Федюнинский: город в руинах, разрушены жилые дома, промышленные предприятия, в том числе знаменитая Кренгольмская мануфактура, уничтожены многие исторические памятники. Решив ряд срочных вопросов с командованием 16-го укрепленного района, Федюнинский выехал в армию. Наступление продолжалось.

К исходу дня 27 июля войска 2-й ударной армии в полном составе достигли рубежа Мульнасааре, Ластиколония, высота с отметкой 32,7 и были остановлены. Перед армией был пресловутый рубеж «Танненберг», один из самых мощных оборонительных рубежей врага. На фронте в 50 километров оборонялись шесть пехотных дивизий противника. Неоднократные атаки не увенчались успехом. Обойти этот рубеж не представлялось возможным, фланги противника с одной стороны прикрывал Финский залив, с другой – сильно заболоченный лесной массив, тянувшийся до Чудского озера. «Конечно, – говорил командующий фронтом, – мы можем прорвать эту оборону, но понесем большие потери. Какой смысл лезть в лоб?» И тогда было принято решение прибегнуть к обходному маневру.

Смысл маневра заключался в следующем: из района Тарту, который к этому времени был освобожден, ударить на север вдоль западного побережья Чудского озера и выйти в тыл вражеским войскам, оборонявшим рубеж «Танненберг». Маневр был смелым и являлся частью плана Таллинской фронтовой операции, проводившейся в рамках стратегической операции по освобождению Прибалтики.

К этому времени в Прибалтике продолжала действовать потерпевшая серьёзное поражение под Ленинградом группа армий «Север». Она состояла из оперативной группы «Нарва», 18-й и 16-й армий, а также части войск 3-й танковой армии из группы армий «Центр». Всего насчитывалось 730 тысяч человек, 1216 танков и штурмовых орудий, 7 тысяч орудий и минометов. Эти войска поддерживали до 400 боевых самолетов.

В оперативной группе «Нарва» было два корпуса: 3-й танковый СС, оборонявшийся на перешейке между Финским заливом и Чудским озером, и 2-й армейский корпус, прикрывавший рубеж на реке Эмайыги между озерами Чудское и Выртсьярв.

Оборона гитлеровских войск на перешейке между Финским и Чудским озером состояла из трёх полос общей глубиной до 25-30 километров. Севернее Тарту – между озёрами Чудское и Выртсьярв – оборона была менее развита в инженерном отно-

шении. В её глубине не имелось заранее подготовленных рубежей, что позволяло нашим войскам после прорыва главной полосы обороны осуществить широкий и стремительный маневр в северном и северо-западном направлениях.

В конце августа – начале сентября 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед войсками Ленинградского и трёх Прибалтийских фронтов задачу нанести одновременно несколько сильных ударов по группе армий «Север», чтобы расчленить и уничтожить ее по частям. При этом главные силы Прибалтийских фронтов нацеливались против рижской группировки. Разгром оперативной группы «Нарва» и освобождение Эстонской ССР планировалось осуществить силами Ленинградского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом. Ленинградскому фронту от 3-го Прибалтийского передавался тартуский участок вместе с оборонявшими его войсками.

В соответствии с общим замыслом Верховного Главнокомандования командующий Ленинградским фронтом маршал Л.А. Говоров решил во второй половине сентября провести наступательную операцию на таллинском направлении силами 2-й ударной и 8-й армий. В ходе первого этапа операции предусматривалось: 2-й ударной армии в составе четырех стрелковых корпусов выйти в тыл группе

противника «Нарва» и совместно с 8-й армией и Краснознаменным Балтийским флотом уничтожить их. В последующем планировалось повернуть главные силы фронта на запад для удара на Таллин с целью овладения им и выхода на побережье Балтийского моря и Рижского залива.

Для проведения операции была произведена перегруппировка войск. 2-я ударная армия передавала 8-й армии всю полосу обороны на нарвском плацдарме вместе со 117-м стрелковым корпусом, 9-м и 16-м укрепленными районами. Получив из резерва 8-й эстонский стрелковый корпус, а из 8-й армии 108-й стрелковый корпус, 4-го сентября 2-я ударная армия начала переброску войск в район южнее и юго-восточнее Тарту.

Штаб армии под руководством генерала П.И. Кокорева совместно с другими штабами разработал план передвижения соединений армии по маршруту Гдов – перешеек между Чудским и Псковскими озерами. Перед началом передвижения Федюнинский провел совещание с командирами соединений о порядке движения войск.

Перегруппировка проходила в очень сложных условиях: неудовлетворительное состояние дорог, а местами и их отсутствие. Три стрелковых корпуса со средствами усиления должны были за 9-10 дней преодолеть расстояние 250-300 километров. В полосе фронта была восстановлена только одна же-

лезная дорога от Кингисеппа до станции Гдов. Если пехотинцы передвигались пешим порядком, то тяжелую технику необходимо было перевозить железной дорогой. Пришлось использовать окружной путь через Красногвардейск, Лугу и Псков, но и здесь оказалось невозможным перебросить все части 2-й ударной армии. Преодолев все трудности, 12 сентября 1944 года войска армии осуществили перегруппировку и сосредоточились в районе южнее и юго-восточнее Тарту.

Времени на подготовку наступательной операции отводилось немного. Но все же Федюнинский распорядился в большинстве соединений организовать специальные тренировочные занятия. Отрабатывались атаки и штурм заблаговременно подготовленной оборонительной полосы в условиях лесисто-болотистой и резко пересеченной местности с форсированием водных преград.

К этому времени в состав армии входили 30-й гвардейский стрелковый корпус, 8-й эстонский стрелковый корпус, 108-й, 116, 118-й стрелковые корпуса и части 14-го укрепрайона. Однако дивизии, входившие в состав корпусов, были малочисленными, особенно большие потери понес 118-й стрелковый корпус. Многих командиров корпусов командарм знал и ранее, а с некоторыми знаком не был и слабо представлял, как они поведут себя в боях. После знакомства Федюнинский для себя сделал вы-

вод, что особо полагаться на командира 14-го укрепрайона не следует – слишком осторожный и малоинициативный.

По плану командования Ленинградского фронта 2-я ударная армия должна была из района Тарту нанести удар по тартуской группировке противника, разгромить её и, прикрывшись с запада, развивать наступление в северном и северо-западном направлениях. Оборонительные рубежи на этом направлении были слабыми, но река Эмайыги с её сильно заболоченными берегами представляла для наших войск серьёзную преграду. В глубине обороны были сплошные леса и непроходимые болота. Командование армии прекрасно понимало, что задачу, поставленную командованием фронта, несмотря на превосходство над противником в силе и технике, выполнить будет очень трудно.

Оценивая сложившуюся осенью 1944 года обстановку в Прибалтике, немецко-фашистское командование понимало, что отошедшая сюда группа армий «Север» оказалась в невыгодном оперативно-стратегическом положении. Её войска растянулись на тысячекилометровом фронте от Нарвского залива до Елгавы, поэтому после освобождения советскими войсками города Тарту создалась реальная угроза отсечения нарвской группировки от основных сил группы армий «Север». Ещё большую

опасность для группы армий «Север» представляло продвижение наших войск на рижском направлении, здесь прорыв к побережью Балтийского моря отрезал бы противнику пути отхода в Восточную Пруссию. Командующий немецкой группой армий «Север» генерал-полковник Шернер настойчиво добивался разрешения отвести нарвскую группировку с рубежа «Танненберг» для укрепления фронта у Валги или южнее Риги. Осуществить такой отход немецко-фашистские войска могли только при условии удержания рубежа южнее Тарту, который прикрывал фланг нарвской группировки.

Это ещё больше убеждало наше командование в том, что в ходе наступления наши войска встретят упорное сопротивление противника.

Перед началом Таллинской операции немецко-фашистские войска имели здесь оперативную группу «Нарва», насчитывавшую около 100 тысяч человек, 2-й армейский корпус в составе 4-х дивизий и резервы в Таллине.

Оборону противника было решено прорывать ударами по сходящимся направлениям. Один удар на фронте в 9 километров наносили соединения 30-го гвардейского и 8-го эстонского стрелковых корпусов под командованием генералов Н.П. Симоняка и Пэрна. Для успешного наступления на участках прорыва была создана мощная артиллерийская группировка, плотность стволов составляла 220-230 орудий

и минометов на 1 километр фронта. Не обходимо отметить, что в этой операции большая роль отводилась артиллерии. Артиллерийских полков в армии насчитывалось 60, тогда как стрелковых было 39.

Второй удар в полосе 6 километров с плацдарма северо-восточнее Тарту предстояло осуществить дивизиям 108-го корпуса генерала В.С. Поленова.

116-й корпус находился в резерве армии, его предполагалось ввести в бой с левого фланга 108-го корпуса после выполнения соединениями первого эшелона ближайшей задачи.

118-му корпусу и 14-му укрепрайону предписывалось продолжать вести оборону на занимаемых рубежах.

Вся работа по подготовке армии Федюнинского к наступлению прошла организованно. Подразделения четко провели перегруппировку и заняли исходные позиции для наступления. Командарм отмечал высокий наступательный порыв у солдат в составе 8-го эстонского корпуса. При передислокации из-под Нарвы солдаты за сутки проходили более 80-ти километров. Их боевое настроение было понятно – впереди была столица республики, родной Таллин.

14 сентября 1944 года в наступление перешли войска трех Прибалтийских фронтов на рижском

направлении. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, стянул к участкам прорыва все свои резервы, создав благоприятные условия для наступления Ленинградского фронта, в частности для 2-й ударной армии.

К 22 часам 16-го сентября соединения и части 2-й ударной армии заняли исходные позиции. Артиллерия заняла подготовленные позиции в 2 – 4 километрах от переднего края противника. Такое расположение позволяло вести эффективный огонь не только в период форсирования реки Эмайыги и боев на переднем крае обороны противника, но и сопровождать пехоту и танки огнем на большую глубину, не меняя позиций.

Наступление началось 17 сентября в 7 часов 30 минут трехминутным огневым налетом. После первого огневого залпа позиции противника окутались клубами дыма и пыли, и налет прекратился. В течение получаса артиллерия противника молчала, но затем открыла огонь по позициям наших войск. Наши артиллеристы этого только и ждали, они засекли позиции вражеских батарей и обрушили на них сильный удар артиллерии и авиации. Огонь противника ослабевал, а затем и совсем прекратился.

В период артиллерийской и авиационной подготовки стрелковые дивизии спустили на воду плавсредства и начали переправляться через реку

Эмайыги. В 8 часов 20 минут под мощные раскаты солдатского «ура» наши бойцы атаковали первые траншеи противника, находящиеся в 100 – 300 метрах от берега. Не давая противнику опомниться, наши части начали быстро продвигаться вглубь его обороны. Одновременно с плацдарма севернее Тарту в 8 часов 40 минут в бой вступили дивизии 108 корпуса под командованием генерал-лейтенанта В.С. Поленова. К полудню 17-го сентября передовые части 63-й гвардейской дивизии и 90-й стрелковой дивизии соединились в районе Тигла, окружив и уничтожив около двух полков противника.

В итоге первого дня наступления войска под командованием И.И. Федюнинского продвинулись вглубь обороны противника почти на 17 километров, а ширина прорыва составила около 30 километров.

Командарм Федюнинский с целью развития успеха первого дня наступления и ускорения темпа продвижения войск в ночь на 18 сентября вводит в бой подвижную танковую группу в составе танковой бригады и танкового полка, усиленных батальоном пехоты, полком истребительной противотанковой артиллерии, двумя дивизионами гвардейских минометов, зенитными и саперными подразделениями. Принятые меры позволили войскам 2-й ударной армии продвинуться ещё на 25 – 30 километров. С утра 19 сентября в полосе 108-го стрелкового корпу-

са вступила в бой вторая подвижная группа под командованием полковника Проценко. К исходу 20-го сентября 2-я ударная армия продвинулась в северном направлении на 80 километров.

Опасаясь окружения, немецкое командование начало отвод своих войск, оборонявших рубеж «Танненберг», тогда и перешла в наступление 8-я армия. За два дня боев ей удалось преодолеть 70 километров и освободить город Раквере. Взятием Раквере закончился первый этап Таллинской наступательной операции. В результате четырехдневных боев войска 2-й ударной армии расширили фронт до ста километров и, соединившись с войсками 8-й армии, образовали единый фронт наступления.

Верховный Главнокомандующий 20 сентября 1944 года объявил благодарность войскам Ленинградского фронта. Приказ сразу же довели до всего личного состава армии и призвали воинов ещё настойчивее преследовать врага, наносить ему новые сокрушительные удары.

По показаниям пленных, фашистские войска отходили на предмостное укрепление в районах Таллина и Пярну. Здесь немецкое командование заблаговременно подготовило укрепления к длительной круговой обороне. Перед армией встала задача не дать немецким войскам закрепиться.

С окончанием первого этапа Таллинской опе-

рации, в ночь на 21 сентября, командующий Ленинградским фронтом маршал Л.А. Говоров перед войсками 2-й ударной армии поставил новую задачу на второй этап Таллинской операции. Наступая в западном направлении, войскам 2-й ударной армии необходимо было нанести удар на юго-запад, на Пярну. Для этого было необходимо развернуть правофланговые корпуса, изменить направление главного удара с севера на запад и произвести некоторую перегруппировку войск. Подвижная группа полковника А.Н. Ковалевского передавалась в оперативное подчинение 8-й армии, также ей в оперативное подчинение передавался эстонский стрелковый корпус. Эстонскому корпусу была предоставлена честь освободить от врага столицу своей республики.

К концу дня 21 сентября части 2-й ударной армии в результате ожесточенных боев овладели городами Тапа и Пылтсама (Пытсамаа). Войска 8-го эстонского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Пэрна, пройдя за сутки более 100 километров, утром 22 сентября с частями 8-й армии с боем вступили в город Таллин, над городом вновь взвилось красное знамя. Эстонский корпус захватил до 30 самолетов, около 300 орудий и автомашин, в порту – 15 морских судов с советскими военнопленными и гражданским населением. В эти дни Верховный Главнокомандующий трижды благодарил

войска 2-й ударной армии, а эстонскому корпусу было присвоено наименование «Таллинский». В ознаменование освобождения Таллина в Москве был дан салют двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. В этот же день, 22 сентября, 8-й эстонский корпус со средствами усиления вышел из состава 2-й ударной армии.

Воины 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского внесли достойный вклад в освобождение эстонской земли.

В последующие дни целью 2-й ударной армии было освобождение города Пярну. Дивизиям необходимо было повернуть на 180 градусов, как и в боях на ораниенбаумском плацдарме, наступление велось на север, а теперь взяли курс почти строго на юг.

В соответствии с приказом командующего Ленинградским фронтом маршала Л.А. Говорова, 2-й ударной армии предписывалось освободить от противника часть побережья Рижского залива и не позднее 25-го сентября овладеть городом Пярну. Стрелковые корпуса под командованием генералов Ф.К. Фетисова и В.С. Поленова эту задачу выполнили уже 23-го сентября и, продолжая продвигаться вдоль побережья и уничтожая разрозненные группы противника, вступили на территорию Советской

Латвии. Противник спешно отходил, поддерживая действия своего арьергарда огнем военных кораблей.

Войска 2-й ударной армии стремительно приближались к Риге. К исходу 26-го сентября в 110 километрах юго-восточнее Пярну передовые части 2-й ударной армии соединились с войсками 3-го Прибалтийского фронта, вышедшими на побережье залива. Неожиданно поступил приказ штаба Ленинградского фронта, который требовал прекратить преследование противника. В первый момент Федюнинский не понял смысла приказа, да и командиры корпусов тоже не могли понять, в чем дело, и только после получения директивы о переброске армии на другое направление всё встало на свои места. На следующий день 2-я ударная армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

На Военном совете Федюнинский провел оперативный разбор действий 2-й ударной армии в Эстонии. Действия армии, в общем, были не плохими. За девять дней боев войска прошли с боями более 300 километров, освободив центральные и западные районы республики, крупные города Таллин, Пярну, более 2000 населенных пунктов; захватили около 7 тысяч пленных, многочисленные трофеи.

И.И. Федюнинский глубоко проанализировал успехи армии, которые были достигнуты благодаря

хорошей организации взаимодействия всех родов войск, чего временами не хватало в предыдущих операциях. Широко применялся маневр войск, решительные действия командиров корпусов, что не позволяло противнику закрепляться на новых рубежах.

Отмечая успехи, Федюнинский остановился и на недостатках, обратив внимание командиров на необходимость улучшения разведки, изучения переднего края обороны противника, его системы огня. В данный момент ещё требовалось и уверенное управление войсками в движении с учетом местности и особенностей вражеской обороны, а также обучение войск ближнему бою. Этого требовала обстановка.

По случаю выхода 2-й ударной армии из состава Ленинградского фронта Маршал Советского Союза Л.А. Говоров издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Вторая ударная армия в составе войск фронта сыграла большую роль в снятии вражеской блокады Ленинграда, в завоевании великой победы под Ленинградом и в боях за освобождение Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков.

Победоносный путь Второй ударной армии на Ленинградском фронте отмечен блестящими успехами, а Боевые Знамена ее частей овеяны неувядаемой славой.

Трудящиеся Ленинграда и Советской Эстонии всегда будут свято хранить в своей памяти боевые заслуги доблестной Второй ударной армии, её героических воинов – верных сынов Отечества...». От лица правительства Советской Эстонии Николай Каротамм, прощаясь с И.И. Федюнинским, поблагодарил личный состав 2-й ударной армии за освобождение Эстонии от немецко-фашистских захватчиков. Армия нуждалась в отдыхе и серьёзном пополнении живой силой и боевой техникой.

2-й Белорусский фронт

С 13 века побережье Балтийского моря, между Вислой и Неманом, на исконно славянских и литовских землях обосновались «псы-рыцари» Тевтонского ордена. С течением времени они превратили Восточную Пруссию в мощный, выдвинутый на восток плацдарм для осуществления «Дранг нах Остен» – пресловутого «Натиска на Восток». Отсюда на протяжении семи столетий одно за другим следовали вторжения на земли соседей. Много горя и страданий принесли нашему народу эти вторжения, много раз объединенные силы русских, поляков и литовцев отбрасывали врагов. Но они приходили вновь и вновь, влекомые бредовой идеей установления господства над нашими народами. Однако всему бывает конец.

Осенью 1944 года Восточная Пруссия, важный военно-промышленный район Германии, оказалась осажденной нашими войсками: с востока и северо-востока на ее территорию ворвались армии 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, с юга же, в пределах польской области Мазовии, держали оборону войска 2-го Белорусского фронта. Это был единый мощный укрепленный район, ещё во времена первой мировой войны наши войска не сумели его преодолеть. В последующие десятилетия строительство укреплений продолжалось. Здесь

была создана, казалось, непреодолимая оборона. Сотни мощных долговременных (железобетонных) огневых точек, траншей, противотанковые рвы, бетонированные наблюдательные и командные пункты, различные проволочные препятствия (проволочный забор, спираль «Бруно», малозаметные препятствия), противопехотные минные поля, бетонные и деревянные надолбы, металлические «ежи», форты многочисленных крепостей, каменные строения в городах и деревнях, приспособленные к обороне, – достаточно одного только перечисления, чтобы представить, какую оборону предстояло преодолеть нашим солдатам. Стоит отметить, что сопротивление врага в приграничных районах Германии сильно возросло. Командование вермахта перебросило сюда часть сил с других участков советско-германского фронта и из внутренних районов Германии.

Ещё в первых числах ноября 1944 года при разработке планов осенне-зимней кампании советское Верховное Главнокомандование пришло к убеждению, что для успешного наступления на главном – Берлинском – направлении необходимо разгромить восточно-прусскую группировку противника и тем самым развязать руки войскам 2-го Белорусского фронта для действий на этом основном направлении. Успех операции стратегически был очень важен и во многом определял ход заверша-

ющей компании Великой Отечественной войны.

Глубокой осенью 1944 года 2-я ударная армия погрузилась в эшелоны, её путь лежал в Польшу. За окнами была глубокая осень, за стенами вагона постукивали колеса, убаюкивая утомленных бойцов. Не слышно ни разрывов бомб и снарядов, ни свиста пуль над головой, редко на фронте приходилось так жить. Только шёл проливной дождь. Кто-то заметил, что это на счастье – бомбить не будут.

Работа шла на ходу, в вагоне командующего армией на столе лежала оперативная карта, на которой был определен район сосредоточения армии. Начальник штаба Кокарев П.И. объяснил, что армия направляется в район Макув-Пултуск, что находится на западном берегу реки Нарева. Его сейчас обороняют соединения 48-й и 65-й армии. Все понимали, что именно отсюда начнутся важные события, ведь Ставка свои резервы обычно направляет на главные направления. Армия готовилась к операции, которая вскоре получила наименование Восточно-Прусской.

Выгрузка происходила в районе Остров-Мазовецкий, в 90-100 километрах от линии фронта. К середине октября здесь сосредоточились 98-й, 108-й и 116-й стрелковые корпуса, средства усиления.

По прибытии 2-й ударной армии 2-м Белорусским фронтом командовал генерал Г.Ф. Захаров, о котором командарм слышал много нелестного.

Вскоре все разговоры на подобные темы подтвердились. Но не прошло и десяти дней, как стало известно, что командующим назначен Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. Все в армии, от солдата до командарма, с радостью встретили это назначение.

Вскоре в армию прибыл маршал Рокоссовский, выслушав доклад командующего армией Федюнинского о состоянии армии, познакомился со всеми заместителями и другими руководителями управления армии, заметил:

– Смотреть армию не буду – нет времени. Знаю: дивизии у вас боевые, укомплектованы, все имеют большой боевой опыт. Ближе познакомимся прямо в бою. Распорядитесь, чтобы приехали ваш начальник штаба и командующий артиллерией. Это было и глубокое доверие к командующему армией.

На совещание к маршалу Рокоссовскому собрались все командующие и начальники штабов армий, входящих во 2-й Белорусский фронт. В операции должны были участвовать четыре общевойсковые и одна танковая армии, а также танковые, механизированный и кавалерийский корпуса. Необходимо было нанести главный удар с плацдарма на правом берегу реки Нарева в направлении на Млаву, а затем, как уже бывало, повернуть основные силы ударной группировки на северо-запад с целью отсечь немецко-фашистские войска, находящиеся в

Восточной Пруссии.

В соответствии с директивой штаба фронта 2-я ударная армия в составе 108-го и 98-го стрелковых корпусов в первом эшелоне и 116-го во втором эшелоне при поддержке 8-го артиллерийского корпуса прорыва, 8-го гвардейского танкового корпуса и других специальных частей и соединений, во взаимодействии с 48-й армией, имела задачу нанести удар своим правым флангом, прорвать оборону немцев с плацдарма на западном берегу реки Нарев, севернее города Пултуск в полосе Держаново – Клешово (6 км), овладеть рубежом Вышево-Выгода, Конажево, Грохы Сероватки, Гонсиорово. Частью сил, во взаимодействии с 65-й армией генерала Батова, уничтожить противника в районе города Пултуск и овладеть этим городом. Вводом в бой 8-го гвардейского танкового корпуса с рубежа Вышево-Выгода, Меженец, Пожево, Пшеводво расширить прорыв, уничтожить подходящие резервы противника, прорвать вторую оборонительную полосу на подступах к городу Цеханув, овладеть городом Цеханув и выйти на рубеж Хрущево, Гонски, Млонк. В дальнейшем, наступая в направлении Шреньск, М. Кучборк, Зелонь, Бродница, овладеть рубежом Нов. Весь, Госцижно, Зелена, Хуромин, М. Бетунь, выйти на южные границы Восточной Пруссии и тем самым закончить первый этап операции, спланированный на десять дней боёв...».

Началась подготовка к наступлению. Для этого необходимо было произвести перегруппировку войск армии. Передвигались исключительно ночью, во избежание каких-либо случаев всем шоферам было приказано вынуть лампочки из фар автомобилей. В полной темноте по узким, занесенным снегом дорогам двигалась пехота, двигались автомашины, артиллерия, обозы. Прямо по целине ползли танки, самоходные орудия.

Оборона противника была глубоко эшелонированной. По данным разведки, она представляла собой четыре оборонительные позиции, усиленные различными инженерными сооружениями. Кроме того, имелось несколько сильно укрепленных опорных пунктов. Днем и ночью велось наблюдение за позициями противника, были собраны необходимые сведения.

Для преодоления такой обороны необходима была мощная артиллерийская подготовка. К началу наступления 2-й ударной армии под командованием генерал-полковника И.И. Федюнинского (это звание ему было присвоено 5 октября 1944г.) удалось создать в полосе прорыва значительное превосходство над противником и в силах и средствах. Плотность артиллерии на один километр фронта была доведена до 350 стволов (без орудий 45 мм), а в полосе прорыва против 191 орудия и миномета противника артиллерийская группировка армии до-

стигала 1910 орудий и минометов, объединенных в 267 артиллерийских и 158 минометных батарей. Кроме этого, в боевых порядках располагалось 324 орудия 45-мм артиллерии, объединенных в 81 батарею. Увидев схему боевых порядков артиллерии, Федюнинский был очень удивлен плотностью.

— А если авиация противника? — спросил он у командующего артиллерии К.П. Казакова.

— все меры приняты, — последовал ответ.

После проведения всех мероприятий по подготовке к наступлению Военный совет армии принял решение, что на главном направлении будут наступать 108-й и 98-й стрелковые корпуса, усиленные артиллерией и танками. Один стрелковый корпус оставался во втором эшелоне. Артиллерию за две ночи (12 и 13 января) вывести из районов сосредоточения на топографически привязанные огневые позиции. Прорыв осуществить в полосе шириной всего в 7 километров. Артиллерийская подготовка должна длиться 90 минут, но при разработке плана наступления поступило предложение, что после 12 минутного огневого налета наши передовые батальоны выйдут вперед и рывком бросятся на первую траншею противника, чтобы застать его врасплох, а артиллерия через некоторое время продолжит огневой вал.

Наступление было запланировано на 20 января 1945 года, но, учитывая просьбу тогдашних союз-

ников, у которых в Арденнах возникли серьёзные трудности, и по просьбе премьер-министра Англии У. Черчилля сроки были сокращены. Наши войска вынуждены были начинать раньше, несмотря на неблагоприятные погодные условия.

Наступление началось 14 января. Для 2-й ударной армии это было знаковое число, ровно год назад армия атаковала позиции немцев с ораниенбаумского плацдарма, освобождая Ленинград от вражеской блокады. Теперь была Восточная Пруссия.

В ночь на 14 января все находилось в боевой готовности. Командарм Федюнинский ещё вечером приехал на наблюдательный пункт, оттуда он позвонил командирам корпусов. Те подтвердили, что действительно всё готово к наступлению.

Ночью пошёл мокрый снег, к утру опустился такой густой туман, что на расстоянии вытянутой руки было ничего не видно. В таких условиях применение авиации невозможно, хотя планировалось, что будет произведено не менее 1000 самолетовылетов в ночь перед наступлением, а утром на участке прорыва будет действовать штурмовая авиация.

Все были в напряжении. В 04:00 Федюнинский позвонил командующему артиллерией Казакову с вопросом, можно ли при такой видимости проводить артиллерийскую подготовку?

– Все цели привязаны инструментальной раз-

ведкой. Каждому расчету выданы координаты целей. Ошибок не будет, – ответил Казаков.

За два часа до начала наступления на командный пункт позвонил командующий фронтом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский.

– Можно ли в такую погоду производить артиллерийскую подготовку или подождем, пока рассеется туман?

– Оттягивать начало, по-моему, не стоит, люди будут нервничать, да и противник может обнаружить сосредоточенные на исходных позициях войска, – ответил командарм Федюнинский.

За час до начала наступления вновь позвонил командующий фронтом:

– Начнем точно в назначенное время. Откладывать не будем.

Ровно в 10-00 начала свою работу начала артиллерия, орудия на участке прорыва стояли, чуть ли не колесо к колесу. После первого десятиминутного огневого налета, на одиннадцатой минуте наши передовые батальоны при поддержке танков бросились на передовые позиции немцев и захватили первую траншею противника. К этому времени артиллерия перенесла огненный вал в глубину, а главные силы дивизий первого эшелона завязали бой за вторую и третью траншеи. Пехота противника, поддерживаемая танками, часто контратаковала.

Бой шёл в густом тумане, с наблюдательного пункта ничего не было видно. Ни Федюнинский, ни командиры корпусов не могли видеть, насколько продвинулись вперёд наши войска, где танки, где пехота?

– Смотри, командующий артиллерией, – предупредил Казакова командарм, – не накрой огнем свои части.

Но и этот вопрос был продуман, была договоренность с командирами передовых полков, что если наш огонь будет очень близко, то они дадут серию красных ракет-звёздочек. Казаков внимательно наблюдал за такими сигналами, они периодически появлялись, сразу принимались соответствующие меры. Первые пленные показали: «Невозможно: русская артиллерия везде нас бьёт, мы имеем большие потери!»

С наступлением темноты были подведены итоги наступления в первый день, они были неутешительными: отсутствие авиации, большие трудности в управлении артиллерийским огнем, неудовлетворительная поддержка нашими танками пехоты. Задачу первого дня решить не удалось, армия провала оборону противника в глубину только на пять километров.

На следующий день, как и ожидалось, сопротивление противника возросло, позвонили командиры корпусов Поленов и Фетисов и сообщили, что

немцы ввели в бой крупные силы танков и пехоты, контратакуют. Эту картину видел и командарм со своего НП, это была та самая 7-я танковая дивизия, которую разведчики считали переброшенной на другой фронт. Во время подготовки операции разведчики доложили, что 7-я танковая дивизия немцев переброшена под Варшаву, но доводы были неубедительными. Рокоссовский тоже был склонен поддержать разведчиков, но Федюнинский убедил командующего фронтом и оставил в резерве противотанковую артиллерийскую бригаду и тяжелый танковый полк. Вот тут и пригодились резервы, оставленные в распоряжении командарма. Федюнинский прекрасно понимал, что танковая дивизия – это большая сила, и шутки с ней плохи. Первым выдвинули на отражение вражеской контратаки танковый полк. Наши новые тяжелые танки с дальней дистанции поражали танки противника. Немцы наседали, в бой была введена противотанковая артиллерия, которая расположилась в перелесках на расстоянии 400-600 метров от танков противника и открыла ураганный огонь. За час боя артиллеристы сожгли около 40 танков противника.

В разгар боя позвонил командующий фронтом, потребовал доложить обстановку, сообщить, почему замедлилось продвижение.

– Контратакуют танки, – доложил Федюнинский. – Ведем бой с танковой дивизией.

– А вы не ошибаетесь? Против вас и вправду действует танковая дивизия?

– Это установлено совершенно точно, товарищ маршал. Уже имеются пленные из всех ее полков.

– Пленных доставить ко мне, – сказал К.К. Рокоссовский. – Буду докладывать в Ставку.

После разговора с командующим фронтом Федюнинский, оценив обстановку и не дожидаясь прорыва обороны противника на всю тактическую глубину, решил ввести в бой 8-й танковый корпус. Корпус вводился двумя группами под прикрытием сильной артиллерийской группы.

Темпы наступления увеличились, Федюнинский приказал не прекращать наступления и ночью, не давая возможности противнику закрепиться на следующих рубежах.

Оценивая оперативную обстановку, Федюнинский позвонил командующим соседними армиями генералам Н.И. Гусеву, П.И. Батову, А.В. Горбатову и предупредил, что немцы вновь попытаются контратаковать силами танковой дивизии, выбрав другое место.

Так оно и случилось, утром 16 января танковая дивизия появилась в полосе наступления 3-й армии генерала Горбатова, но успеха не добилась. В этот день окончательно было сломлено сопротивление противника. Войска 2-й ударной армии во взаимодействии с войсками 65-й армии генерал-

лейтенанта П.И. Батова овладели городом Пултуск. Первыми ворвались в город пехотинцы капитана Немирова при поддержке артиллеристов Заболотного. В центре города подразделения 2-й ударной соединились с частями 65-й армии.

17 января командиры корпусов ввели в бой вторые эшелоны, и перешли к преследованию врага, продвигаясь ежедневно по 25-30 километров. Теперь все решала стремительность действий наших войск. Танковые части шли впереди пехоты, выходя на фланги отступающих немецко-фашистских соединений, угрожая тылам. В таких условиях немецкие командиры теряли управление войсками, вереницы пленных потянулись под конвоем автоматчиков в наш тыл.

19 января, овладев несколькими крупными опорными пунктами противника, в том числе и городом Цеханувом. Пройдя с боями за трое суток более 60 километров, 2-я ударная армия совместно с 48-й и 65-й приблизились к границам Восточной Пруссии.

В разгар боя на КП командарма прибыл командующий фронтом К.К. Рокоссовский. Выслушав доклад командующего армией И.И. Федюнинского, он поставил новую задачу - повернуть 2-ю ударную армию на север, в направлении Остероде и Дейтш-Айлау, позднее было получено распоряжение штаба фронта.

Район Дейшт-Айлау - это последний немецкий оборонительный рубеж, прикрывавший подступы к нижнему течению рек Висла и Ногат, а следовательно, к городам Мариенбург и Эльбин. Немецкое командование прекрасно понимало, что с преодолением этого оборонительного рубежа возникала реальная опасность отсечения всей восточно-прусской группировки, поэтому любой ценой пытались остановить наши войска.

Для того чтобы не терять темпа наступления, Федюнинский оперативно ввёл на правом фланге находящийся во втором эшелоне 116-й стрелковый корпус, темп наступления был поддержан. Войска армии к 26 января вышли к рекам Висла и Ногат и в некоторых местах форсировали их. За 12 дней боёв части 2-й ударной армии прошли более 200 километров и заняли более 2500 населенных пунктов, в том числе крупные города Цеханув, Христовбург, Мариенбург, уничтожили 26200 и взяли в плен более 1100 гитлеровских солдат и офицеров. Шесть раз за эти полмесяца в приказах Верховного Главнокомандующего войскам 2-й ударной армии была объявлена благодарность.

К исходу 2 февраля 2-я ударная армия подошла к предместью города Эльбинг. Немецко-фашистское командование придавало обороне города исключительно большое значение как крупному экономическому, промышленному и опорно-

му пункту в Восточной Пруссии, прикрывавшему подступы к Балтийскому морю и сохранявшему коридор для отвода войск, окруженных в центральной части Восточной Пруссии. Уже на подступах к городу бои носили особо упорный характер. Противник предпринимал многочисленные контратаки пехотой при поддержке танков и артиллерии. К исходу дня 3-го февраля части 116-го корпуса с юга и юго-запада совместно с частями 98-го стрелкового корпуса с юго-востока и севера полностью блокировали город.

В окружении оказались остатки 7-й танковой дивизии, 1142-го пехотного полка, 1561-й саперный батальон 561 пехотной дивизии, 312-й и 37-й морские батальоны, 13-й пульбат, боевая группа из состава учебных подразделений, 31-й зенитно-учебный батальон, 37-й тяжелый артиллерийский дивизион, различные сводные роты и отряды из тыловых и специальных подразделений. Общая численность группировки в Эльбинге, включая фольксштурмовцев, а их было до 4000, составляла 28 тысяч человек, поддерживаемых танками, бронетранспортёрами, артиллерией до 40 стволов различных систем. Кроме того, гарнизон поддерживался артиллерией крейсера «Лютцев».

В самом городе противник в обороне широко использовал каменные строения, превратив их в доты. Окна домов были приспособлены для стрельбы

из пулеметов и автоматов и представляли собой амбразуры. Все улицы были заминированы, на главных построены баррикады.

Чтобы избежать кровопролития, по решению Военного совета армии генерал И.И. Федюнинский утром 7-го февраля направил в город Эльбинг нескольких пленных немецких офицеров с тем, чтобы они договорились с местным командованием о сдаче гарнизона без боя. Срок ультиматума истекал в 12 часов.

Когда стало ясно, что ответа от начальника гарнизона Эльбинга не будет, Федюнинский отдал приказ начать артиллерийскую подготовку. Заранее подготовленные здесь крупнокалиберные орудия открыли мощный огонь. Штурмовые группы стали методично и последовательно овладевать опорными пунктами вражеской обороны. Особо прочные из них блокировались, к ним подтягивали крупную артиллерию и огнем прямой наводки разрушали. Для имитации пожаров в домах, мешающих продвижению, применяли дымовые гранаты. Их забрасывали в нижние этажи, имитируя начало пожара и выкуривая гитлеровцев из здания.

Бои за Эльбинг продолжались целую неделю, в ночь с 9 на 10 февраля сопротивление противника было сломлено, город взяли. Положение полуокруженной восточно-прусской группировки противника ещё более ухудшилось, для отхода на запад остава-

лась только узкая коса Фриш-Нерунг.

Пока часть сил вела бои за Эльбинг, остальные держали оборону на фронте в 120 километров. Войска 2-й ударной с большим трудом сдерживали контрудары гитлеровских войск, пытавшихся пробиться к Эльбингу из Восточной Пруссии и из-под Данцинга, упорно пробиваясь за Вислу.

После взятия Эльбинга войскам 2-го Белорусского фронта Ставка Верховного Главнокомандования, освободив их от участия в Восточно-Прусской операции, поставила новую задачу: разгромить восточно-померанскую группировку противника, угрожавшую с севера правому крылу 1-го Белорусского фронта.

Маршал К.К. Рокоссовский перед войсками 2-й ударной армии поставил задачу: форсировать реку Вислу в районе Нойенбурга и, далее наступая по западному берегу в северном направлении, ударить во фланг противнику, «свернуть» оборону и овладеть городом Грауденц, что на восточном берегу.

Общий замысел операции заключался в том, чтобы, нанося удар тремя стрелковыми дивизиями, прорвать оборону противника и окружить Грауденц. А затем, оставив небольшую часть сил для ликвидации окруженного гарнизона, продолжать наступление по западному берегу Вислы в северном направлении.

Бои за Грауденц начались 16-го февраля. За

двое суток удалось прорвать всю полевую систему вражеских укреплений вокруг города. Гвардейцы 37-й дивизии, которая была передана из состава 65-й армии перед началом операции, в ночь на 18 февраля несколько раз врываются в город, но, встречая сильное сопротивление противника, отходили на исходные позиции.

Основные силы 2-й ударной армии находились против города, но на противоположном берегу, в частности полки 142-й стрелковой дивизии. Ещё 16-го февраля Федюнинский дал задание артиллеристам разработать план взятия крепости с наименьшими потерями. Такой план был разработан и представлен командующему армией. Он заключался в следующем: выдвинуть две группы артиллерии большой мощности на прямую наводку с расстояния 600-800 метров; создать крупную армейскую артиллерийскую группировку, которая будет вести огонь по городу и объектам внутри крепости; организовать три штурмовые группы легкой артиллерии для разрушения предмостовых полевых огневых точек; создать артиллерийскую группу, которая будет поддерживать наступление пехоты.

19 февраля Федюнинский приехал на берег реки Вислы. Там он ознакомился с планом боевых действий. План его удовлетворил, но при этом он усомнился относительно применения артиллерии большой мощности на прямой наводке («Слишком

дерзко!»). Здесь же было принято решение, что пехота будет преодолевать Вислу по льду. Риск был большой, но и эффект ожидался не меньшим, противник не ожидал удара со стороны Вислы.

Провели проверку ледяного покрова, результаты оказались неутешительными: местами лед начал движение, появились полыньи, трещины. Решение не поменялось.

Началась подготовка к форсированию реки и штурму города. Саперы изготовили большое количество щитов для прокладки дороги через полыньи и трещины, в полках были созданы штурмовые группы.

22 февраля началась мощная артиллерийская подготовка. Войска первого эшелона 142-й стрелковой дивизии стремительным броском по льду переправились через Вислу, овладев первой траншеей идущей вдоль берега, а затем и казармами на окраине города. В пробитые артиллерией бреши пехотинцы ворвались в крепость. На окраинах завязался бой с немецким гарнизоном. Войска 142-й дивизии соединились с частями 37-й дивизии и вынудили противника отойти в южные кварталы города. Артиллерия уничтожала своим огнем огневые точки и подавляла артиллерийские батареи противника.

В городе располагалась учебная бригада «Герман Геринг» под командованием полковника Майера. Дрались курсанты отчаянно. Но наши вой-

ска методично день за днем отвоевывали квартал за кварталом. 6 марта сопротивление гитлеровцев было сломлено, генерал-майор Фрике капитулировал. Наши войска захватили около пяти тысяч пленных, большое количество боеприпасов, продовольствия.

Пленного генерал-майора Фрике допрашивал лично Федюнинский, его интересовал один вопрос: почему Фрике не ответил несколько дней назад на предложение о капитуляции, и кто виноват в напрасном кровопролитии?

– Вы хотите, чтобы я сослался на приказ Гитлера? – осторожно спросил Фрике.

– Отвечайте, как считаете нужным, – возразил Федюнинский. – Мне думается, что вы прекрасно понимали всю безнадежность сопротивления.

Фрике молчал, потом, с трудом выдавливая из себя слова, сказал:

– Я был готов принять условия капитуляции. Но майор Майер, личный друг Геринга, грозил расстрелом за прекращение сопротивления.

Далее Федюнинский потребовал от господина генерала, чтобы его солдаты под нашим контролем разминировали город. Если при этом погибнет хоть один солдат, отвечать будет он лично.

После взятия города Грауденца командующий 2-м Белорусским фронтом решил рассечь померанскую группировку противника, отрезав Данциг от

Гдыни, и разбить врага по частям. 2-я ударная армия главный удар наносила соединениями 98-го и 116-го стрелковых корпусов с юго-запада и с запада. 108-й стрелковый корпус наступал в северо-восточном направлении, нанося вспомогательный удар. 65-я армия должна была наступать на северную часть города.

14 марта войска 2-го Белорусского фронта начали наступление, 2-я ударная армия наступала на Данциг. Противник отчаянно сопротивлялся, нередко переходя в контратаки, и каждый километр земли, пройденный нашими войсками, давался все более дорогой ценой.

Пригороды и окраины Данцига были приспособлены к обороне. На перекрестках главных улиц были построены различного типа баррикады, в стенах оборудованы амбразуры для стрельбы, в некоторых местах стены домов усиливались мешками с песком. Многие улицы были перерыты траншеями, часть их проходила около домов и заборов. Для обороны были использованы сооружения, сохранившиеся ещё со времен Первой мировой войны. Шесть бастионов на юго-западной окраине города были усилены открытыми убежищами для живой силы, сетью траншей, ходов сообщения и площадок для пехотных огневых средств.

На территории судостроительной верфи противник использовал кирпичные, бетонные и желе-

зобетонные огневые точки внутризаводской охраны. В качестве оборонительных позиций враг использовал насыпи, дамбы, каналы. Укрепления форта Нойфэр состояли из земляной стены в виде подковы, прикрывавшей подступы с юго-восточной, южной и западной сторон. Часть форта, обращенная к реке Висла, представляла собой каменную стену, в которой находились двухэтажные казематы. Перед стеной был противотанковый ров шириной до пяти метров, затопленный водой.

Оборона противника на подступах к городу с восточной стороны могла быть усилена затоплением значительной территории весенними водами р. Висла и подрывом шлюзов.

Более 4-х тысяч орудий было сосредоточено на главном направлении. Утром 27-го марта наши войска прорвали внешний обвод укреплений и завязали бои на окраине города Данцига.

Уличные бои в хорошо подготовленном для обороны городе требовали изменить тактику и приемы ведения огня. Огневую поддержку штурмовых групп и десантных отрядов обеспечивали орудия прямой наводки всех калибров.

30 марта войска 2-й ударной, 65, 49 и 70-й армий после ожесточенных и кровопролитных боев овладели крупным городом и портом Данциг. После завершения боев за Данциг и Гдыню войска 2-й ударной армии, совершив более чем 500-

километровый марш, вышли в Западную Померанию, на восточный берег Штеттинской бухты, и 25 апреля, форсировав Одер, с боями вступили в Штеттин. 29 апреля после непродолжительной артиллерийской подготовки овладели городом Анклам, 30 апреля вошли в город Грайсвальд. Гарнизон города капитулировал без боя. Это был первый город на пути 2-й ударной армии, где произошла организованная сдача немецкого города и всех его ценностей. Город почти не был разрушен и остался таким, каким был до войны.

Далее перед 2-й ударной армией был город Штральзунд, все попытки нашего командования заставить противника сдать город без боя, избегая кровопролития, не увенчались успехом. Пришлось развертывать всю артиллерию. Войска перешли в наступление. Жаль было стрелять по красивому курортному городу, но это война. Открыли мощный артиллерийский огонь, город капитулировал.

5 мая войска 19-й и 2-й ударной армий овладели крупным портом и военно-морской базой немцев на Балтийском море – гордом Свинемюнде, что находился на острове Узедом.

108-й корпус после взятия города Штральзунда готовился форсировать пролив Штральзундерфорвассер и переправиться на остров Рюген, где находились значительные силы противника.

Чтобы избежать напрасного кровопролития, Федюнинский предложил генералу Поленову через бургомистра Штральзунда послать на остров Рюген делегацию из местных жителей для вручения условий капитуляции. Такая делегация была собрана, возглавлял её лютеранский священник.

Через несколько часов делегация вернулась, они заявили Поленову, что ультиматум принят, но комендант просит отложить капитуляцию, на двое суток. В ответ было передано, что если к 12 часам гарнизон не капитулирует, артиллерия откроет

огонь, и гарнизон будет уничтожен. Угроза подействовала. Начальник гарнизона принял все условия капитуляции, а сам на моторном катере скрылся.

6 мая 2-я ударная армия заняла остров Рюген, на этом её боевые действия под командованием генерал-полковника И.И. Федюнинского по существу закончились.

На следующий день И.И. Федюнинскому стало известно, что 8 мая состоится подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Это значит конец войне! И.И. Федюнинский приказал 8-го мая 1945 года подготовить праздничный обед с приглашением на него командиров соединений, начальников штабов, политработников. На обед все приглашенные явились вовремя.

И.И. Федюнинский произнес тост за победу, которую добывали четыре года. После обеда долго никто не расходился, вспоминали боевых товарищей, которым не суждено было дожить до победы.

Так закончилась война генерал-полковника И.И. Федюнинского, но не закончилась служба. Впереди его ждал парад на Красной площади.

Через несколько дней после завершения войны Сталин отдал приказ подготовить и провести в Москве Парад Победы. В день торжественного приема, 24 мая, работники Генерального штаба доложили ему свои наметки организации парадного ше-

ствия. Верховный Главнокомандующий одобрил планы и назначил число парада – 24 июня.

Началась подготовка. Сводные полки (по 1000 человек от каждого фронта) тренировались на Центральном аэродроме, мастерские шили и подгоняли парадную форму. Для принимающего парад и командующего подобрали коней. Жукову – белого, Рокоссовскому – вороного. При подготовке парада особое внимание было обращено на боевые знамена, с которыми сводные полки должны были выйти на парад. Ведь за каждым знаменем – часть или соединение, каждое олицетворяет тяжелый и длинный путь, пройденный нашими солдатами от Ленинграда, Москвы, Сталинграда, предгорий Кавказа до Берлина и Вены, Бухареста и Будапешта, Праги и Белграда.

Наконец всё было готово. Генеральная репетиция состоялась на Красной площади. Сводные полки, составленные из наиболее отличившихся солдат и офицеров, в короткий срок были блестяще подготовлены и производили сильное впечатление.

Синоптики не ошиблись, 24 июня весь день шёл дождь. Стоя в ожидании начала парада, Федюнинский погрузился в раздумье, в эти минуты перед ним промелькнула его военная жизнь. Парад будет ему наградой за безупречную службу Родине.

– Парад, смирно! – эта команда прервала мысли Федюнинского. Замерли шеренги солдат.

Всадники движутся навстречу друг другу. Поравнявшись с Жуковым, Рокоссовский салютует палашом, и над площадью раздается:

– Товарищ маршал, войска действующей армии и Московского гарнизона для парада Победы построены!

Жуков принимает рапорт, и вдвоем они начинают объезд войск.

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравия желаю, товарищ маршал, – звучит тысячеустный ответ.

– Поздравляю с праздником Победы!

– Богатырское «ура» гремит над площадью.

Маршал возвращается к Мавзолею. Сводный оркестр в 1400 человек исполняет «Славься, русский народ» Глинки, Жуков произносит с трибуны короткую речь, и начинается торжественный марш войск.

Один за другим в том порядке, в каком фронты были расположены с севера на юг, а их было одиннадцать, идут по площади сводные полки. И.И. Федюнинский маршировал в составе 2-го Белорусского фронта. Шествие замыкал сводный полк военных моряков.

Оркестр сопровождает движение войск боевыми маршами, они звучат без перерыва. Внезапно оркестр умолкает. Короткая пауза. Её прерывает тревожная дробь барабанов, и на площадь вступает необычная колонна. Две сотни советских солдат

несут 200 вражеских знамен, захваченных в боях с немецко-фашистскими войсками. Под этими знаменами они ворвались в нашу страну, под этими знаменами они мечтали маршировать по Красной площади. Что ж, эти знамена попали на Красную площадь! Но несут их советские солдаты, солдаты-победители, несут, склонив к земле, так что полотнища со свастикой почти волочатся по мокрой брусчатке. Вот они поравнялись с Мавзолеем, внезапный поворот на направо, несколько шагов – и вражеские знамена летят к подножию Мавзолея! Трибуны взрываются аплодисментами и криками «ура!».

На следующий день в Кремле состоялся прием в честь участников парада. Вновь было произнесено много теплых речей. А затем генерал-полковник И.И. Федюнинский отправился к месту службы, где его ждали войска и обязанности.

Мирное время

Заботы совсем иного рода ждали генерала И.И. Федюнинского. 23 июня 1945 года первая послевоенная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о демобилизации из армии и флота тринадцати старших призывных возрастов. Советские солдаты стремились домой, их звала прерванная вторжением врага созидательная работа.

Демобилизация началась уже 5-го июля и завершилась в основном к 1948 году. Восемь с половиной миллионов солдат и офицеров, с честью защитивших свою Родину и разгромивших германский фашизм в его собственном логове, возвратились в СССР, чтобы вновь пахать землю, восстанавливать разрушенное оккупантами хозяйство. К началу 1948 года в Советских Вооруженных Силах насчитывалось 2874 тысячи человек – примерно столько же, сколько и в 1939 году.

По окончании войны И.И. Федюнинский остаётся в должности командующего 2-й ударной армией, входившей в состав оккупационных войск в Германии. И в мирное время перед Советскими Вооруженными Силами вставали серьезные трудности. Они были закономерны: вся страна переживала нелегкий период, приходилось возрождать из пепла города и села, восстанавливать экономику разрушенных и разграбленных врагом областей. Пере-

стройка жизни и учебы войск тоже давалась нелегко. Нужны были новые методы обучения и воспитания солдат и офицеров, новая организация службы.

С апреля 1946 года по февраль 1947 года И.И. Федюнинский командовал войсками Архангельского военного округа.

В 1948 он окончил высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова и был назначен командующим 7-й общевойсковой армией Закавказского военного округа (штаб располагался в Ереване).

В ноябре 1951 года И.И. Федюнинского переводят на должность заместителя Главнокомандующего Группой советских войск в Германии, а через два года он становится первым заместителем Главнокомандующего.

С апреля 1954 по октябрь 1957 годов Федюнинский командует Закавказским военным округом. 8 августа 1955 года ему присвоено звание генерала армии. В течение восьми лет (с декабря 1957г по декабрь 1965г) И.И. Федюнинский – командующий Туркестанским военным округом. С декабря 1965 года и до своей кончины – воинский инспектор, советник Группы генеральных инспекторов Министерства Обороны СССР.

По воспоминаниям соратников, Федюнинский обладал аналитическим умом, народной хитрецей, хорошим чувством юмора, был очень общителен и подвижен. Он умел ценить мужество и храбрость подчиненных, инициативу в бою. Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР (в 5-м и 6-м созывах), был депутатом Верховных Советов Союзных Республик. На всех командных постах И.И. Федюнинский умело использовал свой богатый опыт по обучению и воспитанию воинских кадров, совершенствованию боевой готовности войск.

Федюнинский – почетный гражданин городов Волхова, Ломоносова, Кингисеппа, Таллина, Брянска, Карачева, Гомеля, Чайболсана (Монголия), Флонберха (Польша). Именем героя названы улицы

в Волхове, Таллине, Гомеле, Брянске, Ломоносове, поселке Тугулым Свердловской области.

И.И. Федюнинский не забывал городов, которые освобождали войска под его командованием, особенно Волхов, где впервые с начала войны остановили врага. В первый раз он приехал в гости к волховчанам 7 мая 1970 года, когда решением Волховского исполкома горсовета депутатов трудящихся ему одному из первых было присвоено звание «Почетный гражданин г. Волхова». Второй раз – в 1973 году на открытие в деревне Плеханово мемориальной доски на доме, где в 1941 году находился штаб 54-й армии. У Дроздовой Веры Петровны, старосты Плеханово, в семейном альбоме хранится фото с памятной надписью. Иван Иванович встречался с волховчанами, рассказывал о суровых днях обороны города в октябре-ноябре 1941 года. 24 сентября 1986 года одной из новых улиц г. Волхова было присвоено имя генерала И.И. Федюнинского с установкой памятной доски на угловом доме.

И.И. Федюнинский приезжал не только в Волхов, он бывал в Брянске, Ломоносове, Гомеле, Кингисеппе, Таллине. Везде его встречали как освободителя, с теплотой и благодарностью.

Заслуги Ивана Ивановича Федюнинского высоко оценены и в нашей стране, и за рубежом. Он награжден четырьмя орденами Ленина (29.08.1939,

21.02.1944, 21.02.1945, 29.07.1960), пятью орденами Красного Знамени (22.02.1930, 06.02.1942, 03.11.1944, 15.11.1950, 22.02.1968), двумя орденами Суворова 1-й степени (18.09.1943, 10.04.1945), двумя орденами Кутузова 1-й степени (28.01.1943, 29.05.1943), орденом Красной Звезды (16.08.1936), орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени (30.04.1975), медалями «За отличие в охране Государственной границы СССР», «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «За оборону Ленинграда», «За оборону Киева», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За освоение целинных земель» и другими.

Иван Иванович Федюнинский – Герой Монгольской Народной Республики (15.07.1975), также он награжден руководством этой страны двумя орденами Сухэ-Батора, двумя орденами «За боевые заслуги», орденом Красного знамени. В Польше его заслуги отмечены орденом «Крест Грюнвальда» 2-го класса, золотым крестом ордена «Virtuti militari» («За воинскую доблесть»), орденом «Возрождение Польши» и крестом Ольшанского воеводства. В ГДР Федюнинского наградили боевым орденом «За заслуги перед народом и Отечеством» (в золоте), орденом «За заслуги перед Отечеством» (в золоте). Среди наград Федюнинского есть орден Красного Знамени Тувинской Народной Республики, а также

иностранные медали, в том числе медаль Чехословацкой Социалистической Республики «За укрепление дружбы по оружию» 1 степени.

Скончался Иван Иванович Федюнинский 17 октября 1977 года в городе-герое Москве, где и похоронен на Новодевичьем кладбище (участок 7).

Заключение

Жизнь человеческая кратковременна. Счастлив тот, о ком с почтением и благодарностью вспоминают потомки. Таков Иван Иванович Федюнинский. Его нет, но его жизнь – яркий пример мужества, целеустремленности, беспредельной любви к Родине, народу, пример высочайшего уровня военной подготовки, умения в самой сложной обстановке находить правильные решения.

И.И. Федюнинский был истинно русским, обладал тонким чувством юмора, этакой жизненной хитрецей, любовью к окружающим. Сослуживцы с теплотой и уважением вспоминают встречи со своим командующим. Вспоминает ветеран 2-й ударной армии А. Давыдов: «Находясь в действующей армии Ленинградского фронта, я был гвардии старшим лейтенантом, вступил в КПСС и командовал минометной батареей. Однажды к нам на батарею приехал И.И. Федюнинский – тогда он командовал 2-й ударной армией – и попросил доложить обстановку на переднем крае, (в то время мой наблюдательный пункт располагался очень близко к позициям врага). Доложил генералу, что враг часто ведет огонь по нашим траншеям и блиндажам, и что мы отвечаем им тем же. Он расспросил про настроения солдат, офицеров, всего личного состава батареи, какие потери имеем, как питаемся, часто ли ходим в баню, как поставлено дело со снабжением снарядами. В разговоре выяснилось, что солдаты и офи-

церы испытывают недостаток в спичках, сами делают «кресало» (огниво, кремь, фитиль) для разжигания огня и прикуривания. Обращаясь ко мне, И.И. Федюнинский спросил: «Ну а ты, комбат, тоже о кремь выбиваешь огонь для прикуривания?». Я ответил: «Так точно, товарищ генерал». Тогда командующий вынул из кармана зажигалку в форме снаряда и подарил мне, сказав: «Это тебе на память». Я поблагодарил за подарок и ответил «Служу Советскому народу». На зажигалке была гравировка: «В память о снятии блокады Ленинграда», а ниже «Ленинград, 1944 г. январь».

Один из солдат 2-й ударной армии вспоминает: «Как сейчас помню, во время штурма польского города Данцинг командующий 2-й ударной армией генерал И.И. Федюнинский заехал к нам на батарею узнать, как идут дела, поинтересовался нашим жильем, питанием. При беседе с личным составом батареи подчеркнул, что надо быть нам, солдатам и офицерам, начеку, что необходима высокая бдительность и дисциплина, быть в любую минуту днем и ночью вооруженным автоматом, пистолетом. Оружие должно быть исправным, готовым к действию, не говоря уже о боевой готовности 120-мм минометов. В этот приезд, Иван Иванович подарил мне личный кинжал, где была гравировка: «Командарму – герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Федюнинскому И.И. от личного состава 114 ОАТБ».

Солдаты и офицеры очень любили и уважали своего генерала, за его справедливость и в то же время строгость. Пользуясь огромным авторитетом среди личного состава, он по-отечески любил солдат и офицеров, старался во всем им помочь, откликнулся на их просьбы. Это был народный генерал, его жизнь является одной из героических страниц истории нашей армии.

Заканчиваю книгу словами нашего героя: «Поднятые по тревоге росистым июньским утром, мы, солдаты Советской страны, прошли сквозь испытание огнем – самое трудное испытание, когда-либо выпавшее на долю нашего народа. Возвращенные, воспитанные и руководимые партией, мы почти четыре года вместе со всем народом мужественно боролись за победу и добыли в суровых боях. Теперь нам предстояло закрепить и упрочить завоеванный мир и не допустить того, чтобы опять вспыхнули тревожные зарницы, чтобы миллионы людей вновь познали ужасы кровопролитной войны...».

Автор фото - Л.Б.Роль

vk.com/volhov_heart

Основные даты жизни и деятельности И.И. Федюнинского

1900, 17(30) июля – родился в дер. Гилёва Успенской волости Тюменского уезда Тобольской губернии (ныне Тугулымский район Свердловской области).

1913 год – окончил сельскую школу.

1913 год, август – 1919 год – работал подмастерьем маляра.

1919 год – вступление в ряды Красной армии.

1919 – 1924 гг. – участник гражданской войны, воевал на Западном фронте, первое тяжелое ранение.

1924 год – слушатель 24-й Владивостокской пехотной школы.

1924 – 1929гг. – командир взвода 107-го Владимирского стрелкового полка.

1929 год – командир роты 106-го стрелкового полка 36-й стрелковой дивизии.

1930 год – слушатель стрелково-тактических курсов РККА «Выстрел» имени Коминтерна.

1931 год – командир батальона 108-го Белореченского стрелкового полка

1936 год – помощник командира 108-го Белореченского стрелкового полка Забайкальского военного округа.

1939 год – помощник командира по хозяйственной части 149-го мотострелкового полка.

1939 год – командир 24-го моторизованного полка, второе тяжелое ранение, присвоение звания Героя Советского Союза.

1940 год – командующий 82-й мотострелковой дивизией Забайкальского военного округа.

1941 год – слушатель курсов при Генеральном штабе РККА имени К.Е. Ворошилова.

1941 год, апрель – командир 15-го стрелкового корпуса Киевского Особого военного округа.

1941 год, сентябрь – командующий 42-й армией Ленинградского фронта.

1941 год, октябрь – командующий Ленинградским фронтом.

1941 год – командующий 54-й армией Ленинградского фронта.

1942 год – командующий 5-й армией Западного фронта.

1942 год – заместитель командующего Волховским фронтом, участник операции «Искра», третье ранение.

1943 год, май – заместитель командующего Брянским фронтом.

1943 год, июнь – командующий 11-й армией.

1943 год, декабрь – командующий 2-й ударной армией Ленинградского фронта, армия участвовала в полном снятии блокады Ленинграда, осво-

бождении Эстонии.

1944 год, октябрь – 2-я ударная армия в составе 2-го Белорусского фронта принимала участие в Восточно-Прусской, Восточно-Поме-ранской, Берлинской операциях.

1945 год – участник парада Победы.

1946 год – командующий Архангельским военным округом.

1948 год – командующий 7-й Гвардейской армией Закавказского военного округа.

1951 год – заместитель, затем 1-й заместитель Главнокомандующего Группой советских войск в Германии.

1957 год – командующий Закавказским военным округом

1957 год – командующий Туркестанским военным округом.

1965 год – военный инспектор – советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1977, 17 октября – кончина И.И. Федюнинского.

Краткая библиография

Вишневский А.А. Дневник хирурга. М.: Медицина, 1970.

Вторая ударная в битве за Ленинград (Воспоминания, документы). Л., 1983.

Вторая ударная армия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: материалы научно-практической конференции. 17 февраля, 2 июня 2006г. Санкт-Петербург - Пушкин. СПб., 2006.

Воронов Н.Н. На службе военной. – М., 1963.

Ежаков В.И. Герои Хасана - М., 1969

История Второй мировой войны, 1939-1945. М., 1973-1982.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.1. М., 1979.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1995.

Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Л., 1985.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968.

Румянцев Н.М. Герои Халхин-Гола. М., 1989.

Самсоненко Г.Г. За нами Волховстрой. Волхов, 2016.

Сарычев В. В поисках утраченного времени. Брест, 2007.

Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.. СПб, 2005.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1964.

Чероков В.С. Для тебя, Ленинград! Л., 1988.

Периодическая печать

Самсоненко Г.Г. Генерал армии И.И. Федюнинский // Волховские огни. – 2018. – 23 ноября (№46), 30 ноября (№ 47)

Копылов В. Генерал армии (заметки о сибирских годах И. И. Федюнинского) // Сибирское богатство. – 1999. – № 1. – С. 198-208.

Рокоссовский К.К. Севернее Берлина// Военно-исторический журнал. – 1965. - № 5

Оглавление

1. Предисловие.....	5
2. Начало жизненного пути.....	8
3. Война.....	61
4. Битва за Ленинград.....	71
5. Прорыв блокады.....	122
6. Брянский фронт.....	147
7. Операция «Нева-2».....	160
8. На запад.....	186
9. 2-й Белорусский фронт.....	209
10. Мирное время.....	237
11. Заключение.....	243
12. Основные даты жизненного пути.....	248
13. Краткая библиография.....	251

*Выражаю искреннюю благодарность
за финансовую помощь в издании книги Ки-
риллову В.М., Лобанову С.А., Новикову В.М.*

Г.Г. Самсоненко

**ГЕНЕРАЛ АРМИИ
ИВАН ИВАНОВИЧ ФЕДЮНИНСКИЙ**

Самсоненко Г. Г. Генерал армии Иван Иванович Федюнин-
ский / Г. Г. Самсоненко; предисл. авт. – изд. 2-е, испр. - Вол-
хов : [б. и.], 2023. - 254 с. : ил. - Библиогр.: с. 251-252. - ? экз. –
ISBN

Подписано в печать 21.03.2020.

Гарнитура Calibri.

Печать офсетная. Тираж 500 экземпляров.

Отпечатано в ИП Дзвиняк А.И.

г. Волхов, ул. Ярвенпяя, д.2